DOI 10.24411/2413-693X

ISSN: 2413-693X (Online)
ISSN: 1993-7768 (Print)

СЕРВИС plus

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

SERVICE plus

ФГБОУ ВО
РГУТИС

РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ТУРИЗМА И СЕРВИСА

RUSSIAN STATE UNIVERSITY
OF TOURISM AND SERVICE

№3- 2021

том / volume 15

ТОМ 15
№ 3 — 2021

СЕРВИС*plus*

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | eISSN: 2413-693X

Главный редактор:
Кортунов В. В. — Российский государственный университет туризма и сервиса (Россия, Москва), д. филос. н., проф.
Заместитель главного редактора:
Лапшин И. Е. — Российский университет дружбы народов (Россия, Москва), к. филос. н., доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:
Алексеев М. — Индианский Университет (США, г. Блумингтон), проф.
Янь Сюэтун — Университет Цинхуа (Китай, Пекин), профессор, директор Института международных отношений
Жолдасбеков А. А. — Южно-казахстанский государственный университет им. М. Ауезова (Казахстан, Шимкент), д. пед. н., профессор
Щеглова Л. В. — заведующая кафедрой Философии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Россия, Волгоград), д. филос. н., профессор
Клименко М. — Школа экономики Технологического института Джорджия (США, Атланта), профессор
Лэнг Л. — филиал Оксфорд Брукс Университета (Венгрия, Будапешт), профессор
Недкова А. С. — Университет им. профессора А. Златарова (Болгария, Бургас), доктор педагогики
Олсен Ш. — Телемарк Университет Колледж (Норвегия, Тромсё), проф., д-р
Саенко Н. Р. — Московский политехнический университет (Россия, Москва), д. филос. н., профессор
Штремберг П. — Телемарк Университет Колледж (Норвегия, Бё), проф., д-р
Эриксон Р. — Университет восточной Каролины (США, Гринвилл), профессор

Члены редакционной коллегии:
Багдасарян В. Э. — МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва), д. ист. н., профессор
Дмитриев А. В. — Институт философии (Россия, Москва), д. филос. н., профессор, академик РАН
Заернюк В. М. — Российский государственный университет туризма и сервиса (Россия, Москва), д. экон. н., профессор
Мамедов Азер Агабала оглы — Государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева (Россия, Москва), д. филос. н., профессор
Лагусев Ю. М. — Российский государственный университет туризма и сервиса (Россия, Москва), д. пед. н., профессор
Радина О. И. — Донской государственный технический университет (Россия, Ростов-на-Дону), д. экон. н., профессор
Харитонова Т. В. — Финансовая Академия при Правительстве РФ (Россия, Москва), к. экон. н., доцент
Ответственный секретарь:
Афанасьева А. В. — Российский государственный университет туризма и сервиса (Россия, Москва).
Переводчик:
Макарова А. И. — Российский государственный университет туризма и сервиса (Россия, Москва), к. филол. н., доцент.

Содержание:

ТУРИЗМ

Оборин М. С.
Тенденции антикризисного управления в сфере туризма 3
Раитина М. Ю., Покровская Е. М., Илюхина Г. И.
Интернационализация вуза: управление культурно-образовательным туризмом 12
Ухина Т. В., Федоров А. Г.
Безопасность в туризме: вопросы правового регулирования и перспективы развития в условиях возникновения системных рисков 20
Преображенский А. Б., Гаркушина Н. А.
Новые виды туризма как резерв для увеличения внутреннего и въездного туристического потока в Российской Федерации 29

ЭКОНОМИКА И СЕРВИС

Скабеева Л. И.
Безопасность и качество гостиничных услуг в современных условиях 43
Федулин А. А.
Космические технологии и геоинформационный сервис 51

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Ермилова Д. Ю., Ляхова Н. Б., Немчинова Е. Е., Кепа Ю. Н.
Потребительские практики времен Второй мировой войны как опыт для современных практик осознанного потребления и «медленной моды» 61
Конягина Л. Н., Ильина О. В.
Интеллектуальное развитие младших школьников в процессе интерактивного обучения 73
Липгарт А. А.
О методах филологической интерпретации произведений Уильяма Шекспира 80
Макарова А. И.
Применение песенного материала на занятиях по второму иностранному языку (на примере французских песен) 86
Панова Е. П., Филимонова Н. Ю., Фролова Н. Н., Лобанова Ю. В., Харламова Н. В.
Виды и способы организации проектной деятельности на начальном этапе обучения русскому как иностранному 97
Пляхотко А. С.
Библиотека нового типа как региональный центр новых знаний и цифровой культуры 104
Шабанова М. В.
Традиционные формы материально-бытовой культуры русского крестьянства в отечественной исторической науке конца XIX — начала XX веков 111
Джонс М. М., Симонова М. М.
Анализ исследований социально-психологических аспектов современного женского спорта 119
Кортунов В. В.
Критика чистой предметности 126
Конурбаев М. Э. Липгарт А. А.
Основы литературной стилизации: жанр, стиль и культурная прагматика 142
Курбакова Д. О.
Современная информационная этика и проблемы виртуальной коммуникации 150

Свидетельство о регистрации
ЭЛ ФС77-69428 от 14 апреля 2017 г.
DOI: 10.24411/2413-693X

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.
Издательство ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса»:
141221, Московская обл., Пушкинский р-н, дп. Черкизово, ул. Главная, д. 99, кор. 1.
Тел./факс: (495) 940-83-61, 62, 63, доб. 395. www. RGUTS.ru E-mail: redkollegiaMGUS@mail.ru

VOLUME 15
№ 3 — 2021

SERVICE*plus*

SCIENTIFIC JOURNAL | eISSN: 2413-693X

Editor-in-chief:
Vadim V. Kortunov — Russian State University of Tourism and Service (Russian Federation, Moscow), Dr. Sc. (Philosophy), Professor
Ivan E. Lapshin — Peoples Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow), Cand. Sc. (Philosophy), Associate professor

MEMBERS OF BOARD:
Michael Alexeev — Indiana University (USA, Bloomington), Professor
Yan Xuetong — Tsinghua University (China, Beijing), Professor, Director of Institute of international relations
Abdimanap A. Zholdasbekov — M. O. Auezov South Kazakhstan State University (Kazakhstan, Shymkent), Dr. Sc. (Pedagogy), professor
Lyudmila V. Shcheglova — Head of the Department of Philosophy, Volgograd State Socio–Pedagogical University (Russian Federation, Volgograd), Dr. Sc. (Philosophy), Professor
Mikhail Klimenko — School of Economics, Georgia Institute of Technology (USA, Atlanta), Professor
László Láng — branch of Oxford Brookes University (Hungary, Budapest), Professor
Antonina S. Nedkova — University «Prof. D–r Asen Zlatarov» (Bulgaria, Burgas), PhD in Pedagogy
Kjell Ole Kjærland Olsen — Telemark University College (Norway, Tromsø), PhD, Professor
Natalya R. Saenko — Moscow Polytechnic University (Russian Federation, Moscow), Dr. Sc. (Philosophy), Professor
Per Strömberg — Telemark University College (Norway, Bø), PhD, Professor
Richard E. Ericson — East Carolina University (USA, Greenville), Professor

Members of Editorial Staff:
Vardan E. Bagdasaryan — Moscow State University (Russian Federation, Moscow), Dr. Sc. (History), Professor
Anatoliy V. Dmitriyev — Institute of Philosophy (Russian Federation, Moscow), Dr. Sc. (Philosophy), Professor, member of Russian Academy of Sciences
Viktor M. Zaernyuk — Moscow Geological Prospecting University named after S. Ordzhonikidze (Russian Federation, Moscow), Dr. Sc. (Economics), Professor
Azer A. Mamedov — Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy (Russian Federation, Moscow), Dr. Sc. (Philosophy), Professor
Yury M. Lagusev — Russian State University of Tourism and Service (Russian Federation, Moscow), Dr. Sc. (Pedagogy), Professor
Oksana I. Radina — Don State Technical University (Russian Federation, Rostov–on–Don), Dr. Sc. (Economics), Professor
Tatiana V. Kharitonova — Financial University Under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow), Cand. Sc. (Economy), Associate professor
Executive secretary:
Alexandra V. Afanasyeva — Russian State University of Tourism and Service (Russian Federation, Moscow)
Translator:
Alexandra I. Makarova — Russian State University of Tourism and Service (Russian Federation, Moscow), Cand. Sc. (Phology), Associate professor

Content:

TOURISM

Oborin M.S.
Trends in the development of anti–crisis management in the field of tourism... 3
Raitina M.Yu., Pokrovskaya E.M., & Ilyushkina G.I.
University internationalization: management of cultural and educational tourism ... 12
Ukhina T.V. & Fedorov A.G.
Safety in tourism: issues of legal regulation and development prospects in the context of the emergence of systemic risks ... 20
Preobrazhensky A.B. & Garkushina N.A.
New types of tourism as a reserve for increasing the domestic and inbound tourist flow in the Russian Federation ... 29

ECONOMY & SERVICE

Skabeeva L.I.
Safety and quality of hotel services in modern conditions ... 43
Fedulin A.A.
Space technologies and geographic information services... 51

CULTURE & CIVILIZATION

Ermilova D.Yu., Lyakhova N.B., Nemchinova E.E. & Kepa Yu.N.
Consumer practices of the Second World War as an experience for modern practices of conscious consumption and «slow fashion» ... 61
Konyagina L.N. & Ilyina O.V.
Intellectual development of primary school–age children in the process of interactive learning... 73
Lipgart A.A.
William Shakespeare`s Works: Methods of Philological Interpretation ... 80
Makarova A.I.
Application of song content in the second foreign language classes (on the example of French songs)... 86
Panova E.P., Filimonova N.Yu., Frolova N.N., Lobanova Yu.V. & Kharlamova N.V.
Types and methods of organizing project activities at the initial stage of teaching Russian as a foreign language... 97
Plyakhotko A.S.
A new type of library as a regional center for new knowledge and digital culture... 104
Shabanova M.V.
Traditional forms of Russian peasantry`s material and household culture in the national historical science of the late XIX — early XX century ... 111
Jones M.M. & Simonova M.M.
Analysis of studies of socio–psychological aspects of modern women's sport ... 119
Kortunov V.V.
Critique of pure «it» ... 126
Konurbaev M.E., Lipgart A.A.
The groundwork of literary stylization: genre, style, and cultural pragmatics.... 142
Kurbakova D.O.
Modern information ethics and problems of virtual communication... 150

ТУРИЗМ/ TOURISM

УДК 338.242
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-3-11

Тенденции антикризисного управления в сфере туризма

ОБОРИН Матвей Сергеевич, д.э.н., профессор
recreachin@rambler.ru
Пермский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», г. Пермь, Россия;
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, Россия;
ФГБОУ ВО «Пермский государственный аграрно–технологический университет им. ак. Д. Н. Прянишникова», г. Пермь, Россия

Аннотация. Тенденции развития туристической отрасли формируются под влиянием внешних и внутренних факторов сложившейся на рынке услуг конъюнктуры спроса. В предыдущее десятилетие российская туристическая отрасль демонстрировала устойчивое развитие, которое было не подвержено влиянию глобальной экономической рецессии и снижению спроса во многих видах экономической деятельности. Но в 2020 году из–за последствий пандемии COVID–19 для туристической отрасли сложилась негативная ситуация, характерная для большинства стран мира и России. Ограничения и приостановление деятельности предприятий туризма обусловили значительное падение ключевых показателей туристского потока, актуализировали различные меры антикризисного регулирования, включая государственную помощь, страхование, сетевое взаимодействие. В статье исследуются статистические показатели туристического сектора, причины и условия сложившейся ситуации, наиболее эффективные направления антикризисного регулирования в управлении отраслевыми предприятиями. Значительный спад по итогам 2020 года актуализировал применение мер поддержки государства, резервы страхования, изменил концепцию рыночной деятельности и планирования. В статье раскрыты характерные особенности рисков в туристической индустрии, что определяет необходимость эффективного взаимодействия со страховыми компаниями. Проанализированы характерные черты страхования в туристической отрасли, особенности добровольного и обязательного страхования туристов. Выявлены страховые риски, с которыми сталкиваются туроператоры.

Ключевые слова: туризм, страхование, страховая компания, туристическая сфера, медицинское страхование, пандемия, кризис.

Для цитирования: Оборин М. С. Тенденции антикризисного управления в сфере туризма // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 3–11. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–3–11

Статья поступила в редакцию: 06.05.2021.
Статья принята к публикации: 06.06.2021.

Trends in the development of anti-crisis management in the field of tourism

OBORIN Matvey S., Dr.Sc. (Economics), Prof., recreachin@rambler.ru
Plekhanov Russian University of Economics, Perm Institute (branch);
Perm State National Research University;
Perm State Agro–Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov, Perm, Russian Federation

Abstract. The influence of external and internal factors, the current demand situation in the service market form the trends in the development of the tourism industry. In the previous decade, the Russian tourism industry demonstrated a steady development not affected by the global economic recession and the decline in demand in many economic activities. However, in 2020, due to the consequences of the COVID–19 pandemic for the tourism industry, a negative situation that was typical for most countries of the world and Russia developed. Restrictions and suspensions of tourism enterprises caused a significant drop in key indicators of the tourist flow, updated various measures of anti–crisis regulation, including state aid, insurance, and networking. The article examines the statistical indicators of the tourism sector, the causes and conditions of the current situation, the most effective directions of anti–crisis regulation in the management of industrial enterprises. A significant decline in the results of 2020 updated the application of state support measures, insurance reserves, and changed the concept of market activity and planning. The article reveals the characteristic features of risks in the tourism industry, which determines the need for effective interaction with insurance companies. The article analyzed characteristic features of insurance in the tourism industry, the features of voluntary and compulsory insurance of tourists and identified the insurance risks faced by tour operators.

Keywords: tourism, insurance, insurance company, tourism sector, medical insurance, pandemic, crisis

For citation: Oborin M.S. (2021). Trends in the development of anti–crisis management in the field of tourism. Service plus, 15 (3), 3–11. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–3–11 (In Russ.).

Submitted: 2021/05/06.

Accepted: 2021/06/06.

Туризм является сложным видом экономической, социальной и культурной деятельности, имеющим высокий оборот и стабильно платежеспособный спрос в различных уголках мира. Проблемы устойчивого развития рынка туристских услуг, обеспечения их качества и безопасности исследуются в научных работах российских и зарубежных авторов. Глобальные кризисные явления, вызванные различными причинами, оказывают негативное влияние на бизнес–среду и условия деятельности турагентов и туроператоров в разных странах. Пандемия распространения вируса COVID–19 изменила спрос, отразилась на его избирательности, усилении негативных ожиданий относительно рисков. В связи с этим в научной литературе можно отметить исследование актуальных тенденций трансформации индустрии туризма [1; 5; 7; 9, 10]:

— изменение формата отношений со страховыми компаниями, обусловленное необходимостью страхования рисков как покупателей туристских услуг, так и участников рынка, их реализующих;

— диверсификация потребления, ориентация на новые виды и формы обслуживания, включая виртуальный туризм, цифровые технологии обслуживания, оплаты, получения широкого спектра услуг онлайн;

— необходимость получения предприятиями турбизнеса различных форм государственной поддержки и участия в программах, позволяющих получать необходимые привилегии для работы на региональных рынках.

Туризм является динамично растущим сектором сферы услуг, что подтверждает мировая и российская статистика. По данным Всемирной туристской

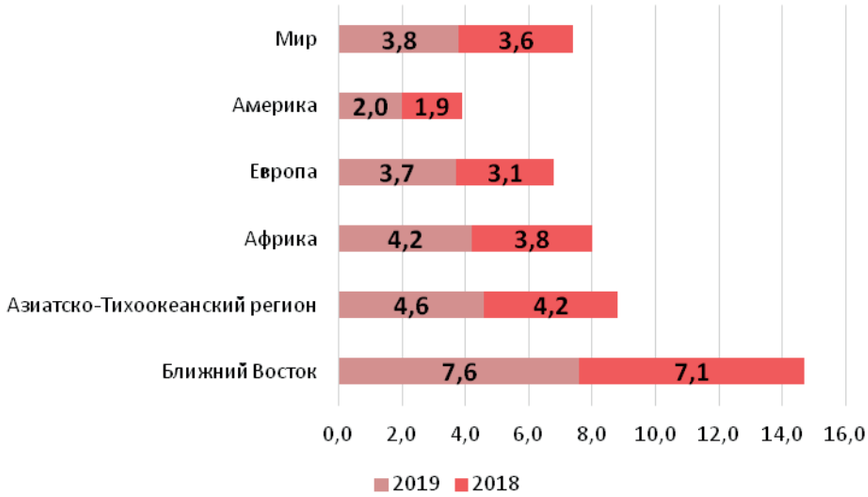

Рис. 1 — Динамика темпа изменения численности туристских поездок в мире в 2018–2019 гг., % (составлено по данным[1])
Fig. 1 — Dynamics of the change rate in the number of tourist trips in the world in 2018–2019, % (compiled according to the data)

организации, рост по итогам 2019 года составил 4 %, сохраняется устойчивый тренд замещения сферой услуг материального производства, что характерно для современного экономического уклада в эпоху цифровизации и научно-технического прогресса.

Лидирующие темпы роста отмечены на Ближнем Востоке, они превысили средний мировой темп, составив 8 %, для стран Европы характерна ведущая роль в сфере международного туризма (51 % рынка) (рис. 1).

Глобальный спад и экономическая рецессия до 2019 года не оказали существенного негативного влияния на сферу туризма, более того, развитые страны отметили повышенные темпы роста: Франция, Италия, соответственно, на 10,8 и 7,9 %, при этом в абсолютном выражении наибольший оборот услуг пришелся на США в силу позиции валютного паритета, хотя темп несколько ниже, чем в государствах Европы, — 6 %. В Европейском союзе туризм представляет собой один из крупнейших секторов с долей 9 % в потреблении, а также является одним из пяти экспортных направлений в 83 % стран мира, а также основным источником притока иностранной валюты 38 % стран[2].

Значимость регулирования туризма для социально-экономического и культурного развития государств, успешной интеграции в мировое глобальное пространство обусловлена значительным вкладом отраслевых предприятий в формирование региональных экономических систем, рынков труда и инвестиционного климата. Проекты туристско-рекреационной сферы способствуют инфраструктурному развитию территорий, стимулируют внедрение инноваций и коммуникаций. Основные показатели сферы туризма в мировой экономике представлены на рис. 2.

В России сфера туризма вносит вклад около 4 % ВВП, по большинству показателей страна занимает 4-е место в мире, поэтому можно оценивать достаточно сильные позиции на мировом и внутреннем рынках.

Распределение мирового спроса на туристско-рекреационные услуги осуществляется следующим образом (рис. 3).

Существенных изменений доли мирового спроса за последние годы не произошло: лидирующие позиции занимают страны Европейского союза, незначительное снижение спроса отмечено в других регионах, преимущественно за счет крупнейшего потребителя — Китая, сократившего затраты в данной области.

[1] World Tourism Organization. Режим доступа https://www.unwto.org (дата обращения 15.03.2021)
[2] Там же.

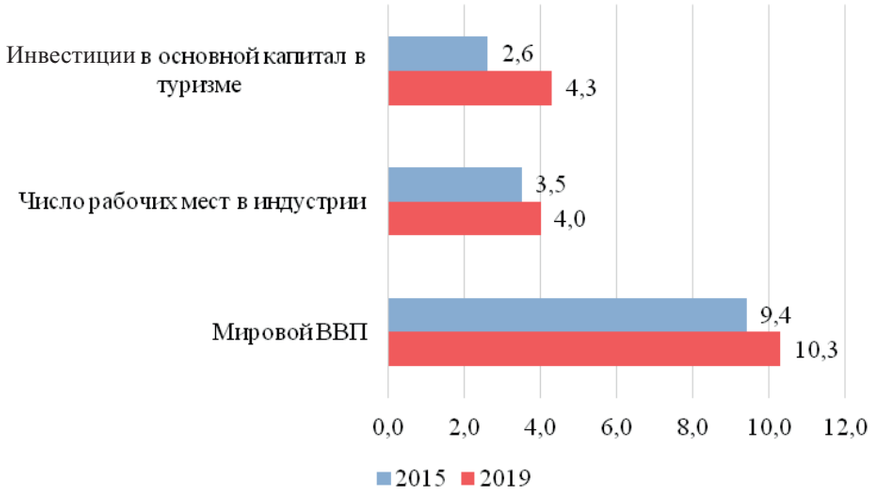

Рис. 2 — Вклад туризма в мировую экономику в 2015–2019 гг., % (составлено по данным[3])
Fig. 2 — The contribution of tourism to the world economy in 2015–2019, % (compiled according to the data)

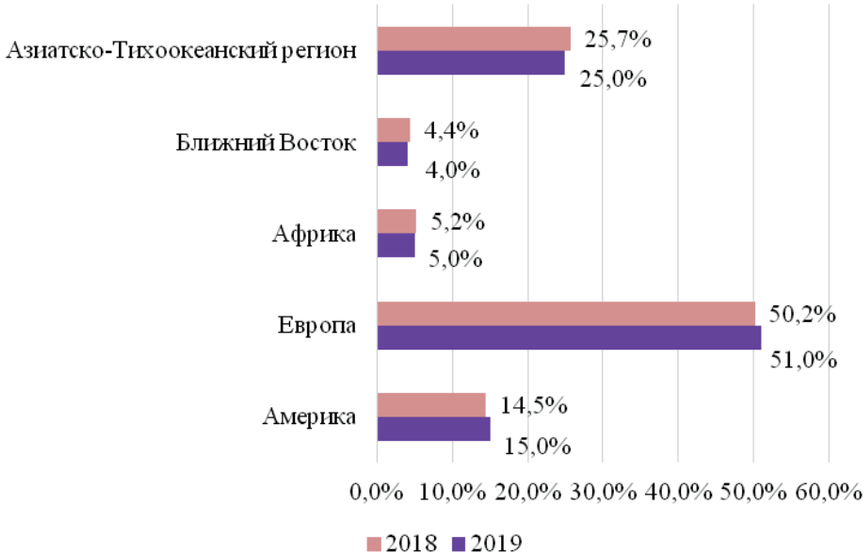

Рис. 3 — Динамика темпа изменения численности туристских поездок в мире в 2018-2019 гг., % (составлено по данным[4])
Fig. 3 — Dynamics of the change rate in the number of tourist trips in the world in 2018-2019, % (compiled according to the data)

Предварительная оценка итогов 2020 года для индустрии свидетельствует о существенном спаде, вызванном пандемией. В России падение спроса со стороны зарубежных туристов составило свыше 91 % вследствие закрытия границ и ограничительных мер. Внутренний туризм также понес существенный урон, составивший, по предварительным оценкам, около 77 % показателей 2019 года [2; 6].

[3] Статистический бюллетень Росстата к Всемирному дню туризма — 2020. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7ZtU1mUD/turizm-2020.docx (дата обращения: 04.03.2021)
[4] World Tourism Organization. Режим доступа https://www.unwto.org (дата обращения 15.03.2021)

В связи с этим приобретает особую актуальность развитие антикризисного управления в сфере туризма. Одним из важных направлений является страхование в различных сегментах туризма и его восприятие туристическими агентствами.

Страхование как вид деятельности может благоприятно сказаться на безопасности всех участников туристского путешествия и защитить пассажиров от потенциальных туристических рисков. В мире происходят неблагоприятные и катастрофические события, которые наносят огромный ущерб международным туристическим направлениям. Внезапные катастрофы и аварии оказывают серьезное влияние на туризм и экономику стран, такие неблагоприятные события в деятельности туристического бизнеса превратились в большую проблему для устойчивого развития отраслевой бизнес–среды. В этом контексте важную роль играет безопасность, направленная на снижение финансовых последствий [3].

Вопрос доступности страхования в туристской индустрии направлен не только на туристические, но и на транспортные компании. В то же время основной проблемой является покрытие коммерческой и общей ответственности, то есть компенсация рисков и достижение прибыльности страхового покрытия.

Можно сказать, что основной целью заключения страхования для туристических компаний является управление рисками и их оценка. Рекомендуется повышение осведомленности застрахованных лиц как пассажиров, туристических компаний и транспортных компаний, а также участие государства в расширении кооперационных связей страховых компаний с объектами отрасли туризма.

Риск определяется как возможность возникновения определенной ситуации, которая может оказать влияние на достижение поставленных целей. Все риски потенциально могут выйти из–под контроля, что и создает кризис. Поэтому рациональный подход к управлению рисками важен и предполагает определение приемлемого для туризма и клиентов уровня подверженности риску, выявление угроз для самой деятельности и для клиентов, а также выбор адекватных стратегий и их реализацию.

Риски в туризме могут быть разделены на четыре основные группы: для институциональной среды, непредвиденные обстоятельства в организации путешествий (например, трафик аварий, отсутствие защиты, землетрясения, наводнения) пассажиров как частных лиц (например, посещение опасных мест и подобное), физические опасности и риск, которые угрожают окружающей среде (например, туристы могут быть не осведомлены о природных особенностей места, условиях проживания, не принимают адекватных медицинских и иных мер) [4; 8; 11].

Страховые компании должны обеспечить связь с туристическими агентствами. В общении со своими клиентами, которые являются потенциальными страховщиками, можно добиться благоприятных результатов для страхового рынка как с точки зрения качества, так и цены услуг.

Существует несколько видов страхования путешествий в зависимости от различных рисков. Наиболее распространенное страхование путешествий заключается самими пассажирами, то есть туристами, вылетающими по различным международным направлениям, в том числе: медицинское страхование за рубежом, страхование от несчастных случаев в поездке, страхование от отмены поездки, страхование багажа в поездке.

Туристическое страхование может быть обязательным и добровольным (табл. 1).

*Таблица 1 — Сравнительный анализ добровольного и обязательного страхования в сфере туризма**

*Table 1 — Comparative analysis of voluntary and compulsory insurance in the field of tourism**

Условие	Обязательное страхование	Добровольное страхование
Основание выплаты (полис)	Выплаты в случае болезни, получения травмы или смерти туриста	Выплаты при наличии их в полисе отдельным пунктом
Требования обязательного страхования	Некоторые страны требуют наличие обязательной туристической страховки	По желанию туриста
Виды страховых туристических полюсов	В разных странах пакет страхования имеет разное содержание	Разный состав пакета услуг, по желанию туриста и требованиям страны, в которую отправляется клиент

*составлено по данным [12; 13; 14]

Основным документом является страховой полис медицинского страхования, который содержит следующие стандарты медицинской помощи:

— в случае заболевания туриста обеспечение осмотра и лечение в больнице или поликлинике, предоставление транспортного средства для перевозки больного;

— предоставление пациенту стационарного или амбулаторного лечения;

— транспортировка в международный аэропорт.

Данные услуги являются обязательными видами страхования в Российской Федерации. В странах Европы предоставляемые услуги по туристической страховке включают еще ряд дополнительных услуг. Российские страховые компании минимизируют страховые услуги полиса с целью привлечения клиентов относительно низкой ценой страховки. При оформлении страхового договора клиента должны информировать о том, что выплаты по страховому полису могут быть не предоставлены при следующих обстоятельствах:

1. Если турист пострадал и травмировался, находясь в нетрезвом состоянии.

2. Если турист пострадал и травмировался, занимаясь активным отдыхом, экстремальными видами спорта (некоторые страховые компании относят к активному отдыху велоспорт и верховую езду).

3. Для получения страховых выплат от любых происшествий может быть предусмотрено приобретение дополнительной страховки по более высокой цене.

Путешествуя за границу, туристы сталкиваются с непредвиденными ситуациями, изменениями климата, специфическими свойствами воды, рационом питания и многими другими опасными изменениями. Основные страховые случаи определены Ростуризмом на основе статистических данных (рисунок 4).

По данным страховых компаний, самый высокий процент страховых случаев отмечен по простудным заболеваниям — 47 %, пищеварительной системе — 20 %, травмам и ушибам — 17 %, смертельные случаи занимают 1 %. Необходимо рассмотреть ряд проблем, связанных со страхованием, у туристов, оформивших тур в другую страну. Основная проблема заключается в том, что туристические фирмы не объясняют важность приобретения страхового полиса с полным спектром страховым услуг, который больше всего может пригодиться в поездках, предполагающих активный отдых. Российские туристы, как правило, экономят на страховых полисах и оформляют страховку только при получении визы.

Не менее важной проблемой является не полная осведомленность россиян о том, как пользоваться страховым полисом при наступлении страховых случаев. При оформлении туристической страховки граждане должны быть информированы о последовательности оплаты при страховых случаях, к примеру, при необходимости пользования медицинскими услугами за границей будут возмещены расходы

Рис. 4 — Доля страховых случаев в общем количестве, %(составлено по данным[5])
Fig. 4 — The share of insured events in the total number, % (compiled according to the data)

[5] Статистический бюллетень Росстата к Всемирному дню туризма — 2020. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7ZtU1mUD/turizm-2020.docx (дата обращения: 04.03.2021)

туриста или оплачены страховой компанией, также клиент должен знать, какие непредвиденные ситуации не будут покрыты страховкой.

Таким образом, очевидно, что страховой документ является гарантией безопасного путешествия и, безусловно, отправляться в путешествие без страховки весьма рискованно.

Иностранные страховые организации, в отличие от российских компаний, информируют граждан обо всех сторонах страхового договора, что вызывает доверие у клиента и формирует страховую компанию, как надежного поставщика страховых услуг. Информированность клиентов подразумевает оказание туристам юридической поддержки в устранении административных и гражданских правонарушений. Информационная поддержка — это консультации специалиста относительно следующих направлений:

— цель поездки и регион отдыха;

— уровень медицинского обслуживания в стране пребывания;

— выбор активного или пассивного отдыха;

— путешествие с маленькими детьми или без них;

— маршрутная карта места отдыха;

— экскурсионная карта места путешествия.

Кроме стандартных туристических страховок, существуют дополнительные страховые полисы, которые включают страхование от следующих непредвиденных ситуаций: несчастный случай, порча имущества отеля, кафе и прочее, невозможность выехать из страны, задержка выезда из страны, отказ в получении визы и так далее.

Страховка от несчастного случая включает: оплату страховой компанией амбулаторного лечения, при необходимости оперирование пациента, перевозку в больницу, реабилитацию в поликлинике, а также все расходы, связанные с лечением.

Страхование ответственности за нанесение ущерба имуществу гостиниц и ресторанов предполагает ущерб, который нанес турист имуществу случайным порядком.

Добровольное медицинское страхование включает обеспечение перевозки умершего в страну проживания.

В последнее время активно стали приобретать страховку на сохранность багажа, поскольку работники аэропортов стали халатно относиться к имуществу туристов, и сами туристы зачастую проявляют невнимательность к собственным вещам. Страховка багажа включает: кражу, потерю, порчу багажа.

Страхование туристов оформляется по двум схемам — компенсационной и сервисной. Сервисная схема имеет более простой формат, данная схема предполагает информированность страховой компании о страховом случае, расходы по которому полностью берет на себя страховая компания. При компенсационной схеме турист самостоятельно покрывает все расходы и по приезду в страну проживания предоставляет страховой компании все чеки, по которым получает компенсацию за расходы по страховому случаю. Компенсационная схема не особо популярна, поскольку имеет следующие недоработки:

1) обязательный валютный резерв;

2) отсутствие гарантий получения клиентом страховых выплат по приезду в место проживания.

Самый высокий процент травм, полученных туристами, зафиксирован в Болгарии и Германии (20 %). В Болгарии также самый высокий уровень желудочно-кишечных заболеваний (23 %).

Анализ данных статистики выявил, что самыми опасными странами являются Турция и Египет, по этой причине данные страны не включены в рейтинг страховых случаев, составленный страховой организацией «Альфа-Страхование». Итак, не учитывая данных стран, Таиланд оказался страной, в которой зафиксировано количество туристов, которым понадобилось медицинское обследование. На страховые случаи в Таиланде приходится 19,3 %, Кипр — 13,5 %, Греция — 10 %, Болгария — 8,4 %. Германия лидирует по простудным заболеваниям — 39,4 % отравления — 17,6 %, травмы — 15,8 %, вирусные инфекции — 7,8 %, фарингит — 6 %, глазные болезни — 5 %–8,1 %, Индия — 6,9 %, Испания — 6,5 %, Чехия — 5,3 %, Австрия — 4 %, Вьетнам — 4 % (рисунок 5).

Таким образом, исследование подтверждает, что для того чтобы во время путешествия чувствовать себя комфортно и безопасно, не портить отдых решением непредвиденных проблем, необходимо и желательно застраховать свое имущество и жизнь. Страховой полис является самым простым и надежным документом, обеспечивающим путешественникам безопасное и комфортное путешествие. Страховой полис обычно оформлен на страхователя и подтверждает договорные обязательства.

Страхование путешествий — один из самых важных аспектов функционирования туристического

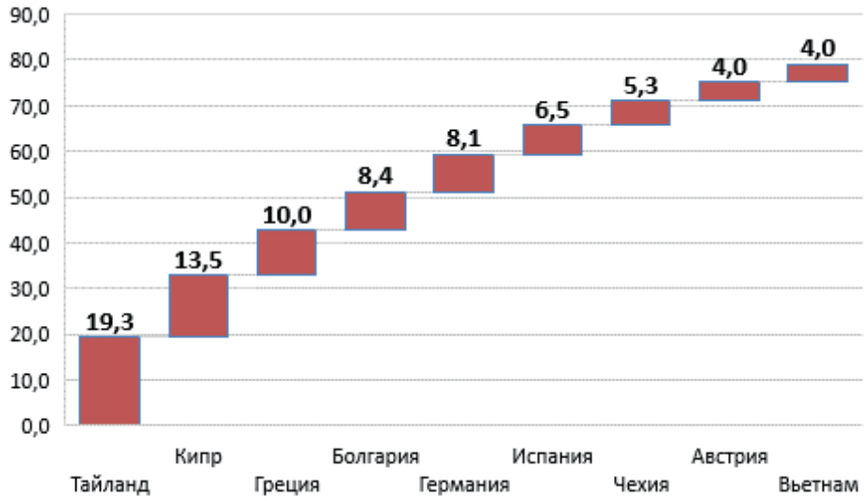

Рис. 5 — Страны с наибольшей долей реализации различных видов страховых рисков, % (составлено по данным[6])
Fig. 5 — Countries with the largest share of realization of various types of insurance risks, % (compiled according to the data)

сектора, оправляться на отдых в другую страну без которого неприемлемо.

При выборе традиционной формы страхования гражданин должен понимать ответственность и серьезность данной процедуры, тем более если отдых планируется провести, занимаясь активными и экстремальными развлечениями. Чтобы во время выезда за границу у гражданина не возникло никаких проблем, он должен внимательно и ответственно рассматривать предложения страховых фирм, проверять их надежность и рейтинговый статус. Поэтому очень большое значение имеет полная информированность гражданина касательно страховой сферы, как при путешествиях за границу, так и при поездках внутри страны.

Список литературы

1. Абдулгазис В. С., Бахталиева Л. Д. Современное состояние и тенденции развития международного рынка страховых услуг // Теория и практика современной науки. — 2018. — № 6. — С. 78–87.
2. Баканаев И. Л., Ашаганов А. Ю., Цокаева Л. А., Мовтигова М. А. Проблемы и перспективы развития страхового рынка РФ // Молодой ученый. — 2019. — № 23. — С. 104–112.
3. Быканова Н. И., Черкашина А. С. Страховой рынок России: проблемы и направления развития // Молодой ученый. — 2020. — № 10. — С. 204–211.
4. Дедиков С. В. Страхование договорной ответственности в России: перспективы — есть // Финансы. — 2018. — № 3. — С. 46–58.
5. Должникова А. М. Асимметричная информация в страховании // Финансы. — 2018. — № 9. — С. 41–59.
6. Забаева М. Н. Особенность страхового андеррайтинга в туризме // Страховые организации: бухгалтерский учет и налогообложение. — 2018. — № 2. — С. 57–68.
7. Киселева И. А. Риски в деятельности туристической компании // Экономические науки. — 2019. — № 58. — С. 44–57.
8. Корабейников И. Н., Ермакова Ж. А., Холодилина Ю. Е. Кластерный подход к развитию региональных производителей туристических услуг // Казанская наука. — 2018. — № 6. — С. 78–87.
9. Кусков А. С. Правовые последствия непредоставления информации о потребительских свойствах туристского продукта // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. — 2017. — № 8. — С. 56–64.

[6] Статистический бюллетень Росстата к Всемирному дню туризма — 2020. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7ZtU1mUD/turizm-2020.docx (дата обращения: 04.03.2021)

10. Ледовская А. В. Страховщики и финансисты как агрегаторы и проводники новых компетенций // Финансы. — 2020. — № 2. — С. 40–54.
11. Мельников В. В., Гребенщиков, Э. С. Рынок ОСАГО накануне перехода к свободным тарифам // Финансы. — 2019. — № 4. — С. 34–42.
12. Никитина А. В. Проблемы и перспективы развития страхового рынка в РФ // Аллея науки. — 2019. — № 5. — С. 224–228.
13. Толкачева О. П., Джобинашвили К. А. Особенности страхования в отрасли туризма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2016. — № 3. — С. 155–158.
14. Шарифьянова З. Ф., Абанина В. П., Пацкова Г. В. Развитие страхования туризма в России // Символ науки. — 2019. — № 2–2. — С. 271–274.

References

1. Abdulgazi V. S., Bahtaliev L. D. (2018). Sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya mezhdunarodnogo rynka strahovyh uslug [Current state and development trends of the international insurance market]. *Teoriya i praktika sovremennoj nauki [Theory and practice of modern science]*, 6, 78–87. (In Russ.).
2. Bakanaev I. L., Ashaganov A. YU., Cokaeva L. A., Movtigova M. A. (2019). Problemy i perspektivy razvitiya strahovogo rynka RF [Problems and prospects of development of the insurance market of the Russian Federation]. *Molodoj uchenyj [Young scientist],* 23, 104–112. (In Russ.).
3. Bykanova N. I., Cherkashina A. S. (2020). Strahovoj rynok Rossii: problemy i napravleniya razvitiya [Insurance market of Russia: problems and directions of development]. *Molodoj uchenyj [Young scientist],* 10, 204–211. (In Russ.).
4. Dedikov S. V. (2018). Strahovanie dogovornoj otvetstvennosti v Rossii: perspektivy — est' [Contractual liability insurance in Russia: prospects–yes]. *Finansy [Finance],* 3, 46–58. (In Russ.).
5. Dolzhnikova A. M. (2018). Asimmetrichnaya informaciya v strahovanii [Asymmetric information in insurance]. *Finansy [Finance],* 9, 41–59. (In Russ.).
6. Zabaeva M. N. (2018). Osobennost' strahovogo anderrajtinga v turizme [The peculiarity of insurance underwriting in tourism]. *Strahovye organizacii: buhgalterskij uchet i nalogooblozhenie [Insurance companies: accounting and taxation],* 2, 57–68. (In Russ.).
7. Kiseleva I. A. (2019). Riski v deyatel'nosti turisticheskoj kompanii [Risks in the activities of a travel company]. *Ekonomicheskie nauki [Economic sciences],* 57, 44–57. (In Russ.).
8. Korabejnikov I. N., Ermakova ZH. A., Holodilina YU. E. (2018). Klasternyj podhod k razvitiyu regional'nyh proizvoditelej turisticheskih uslug [Cluster approach to the development of regional producers of tourist services]. *Kazanskaya nauka [Kazan Science],* 6, 78–87. (In Russ.).
9. Kuskov A. S. (2017). Pravovye posledstviya nepredostavleniya informacii o potrebitel'skih svojstvah turistskogo produkta [Legal consequences of failure to provide information about the consumer properties of a tourist product]. *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika [Laws of Russia. Experience. Analysis. Practice],* 8, 56–64. (In Russ.).
10. Ledovskaya A. V. (2020). Strahovshchiki i finansisty kak agregatory i provodniki novyh kompetencij [Insurers and financiers as aggregators and agents of new competencies]. *Finansy [Finance],* 2, 40–54. (In Russ.).
11. Mel'nikov V. V., Grebenshchikov E. S. (2019). Rynok OSAGO nakanune perekhoda k svobodnym tarifam [CTP market on the eve of the transition to free tariffs]. *Finansy [Finance],* 4, 34–42. (In Russ.).
12. Nikitina A. V. (2019). Problemy i perspektivy razvitiya strahovogo rynka v RF [Problems and prospects of the insurance market development in the Russian Federation*]. Alleya nauki [Alley of Science]*, 5, 224–228. (In Russ.).
13. Tolkacheva O. P., Dzhobinashvil, K. A. (2016). Osobennosti strahovaniya v otrasli turizma [Features of insurance in the tourism industry]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 3, 155–158. (In Russ.).
14. SHarif'yanova Z. F., Abanina V. P., Packova G. V. (2019). Razvitie strahovaniya turizma v Rossii [Development of tourism insurance in Russia]. *Simvol nauki [Symbol of science],* 2–2, 271–274. (In Russ.).

ТУРИЗМ/ TOURISM

УДК 141.2; 304.2
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-12-19

Интернационализация вуза: управление культурно-образовательным туризмом

РАИТИНА Маргарита Юрьевна, кандидат философских наук, доцент каф. философии и социологии, старший научный сотрудник Научно–образовательного центра Гуманитарного факультета ТУСУР, raitina@mail.ru,
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Российская Федерация
ПОКРОВСКАЯ Елена Михайловна, кандидат философских наук, зав. каф. иностранных языков, доцент каф. философии и социологии, старший научный сотрудник Научно–образовательного центра Гуманитарного факультета, pemod@yandex.ru,
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Российская Федерация
ИЛЮХИНА Галина Ивановна, доцент департамента высшего образования, кандидат социологических наук, giimos@mail.ru,
ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса», Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме интернационализации вуза в качестве опоры на долгосрочное сотрудничество в сфере развития культурно–образовательного туризма и социокультурной адаптации иностранных студентов. В работе представлена культурно–образовательная туристская инфраструктура вуза на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). Целью исследования является рассмотрение основных аспектов управления культурно–образовательным туризмом в контексте международного образования и программ академической мобильности, изучение отношения молодежи к туризму как способу культурной интеграции. Предметом исследования выступают особенности отношения студенческой молодежи к международному образованию и академическим обменам. Гипотезой выступает предположение авторов о том, что социальный и аксиологический потенциалы стимулируют процесс интернационализации вуза. В качестве методологии исследования принят культурно–исторический подход, идеи теории межкультурной коммуникации и метод социологического опроса. Полученные данные позволяют определить тренды академической мобильности студентов в контексте интернационализации. Сделан вывод о том, что в рамках управления культурно–образовательным туризмом необходимо предпринимать системную работу, направленную на осуществление культурно–просветительской деятельности и долгосрочное сотрудничество в сфере культуры и образования. Таким образом, культурно–образовательный туризм играет значительную роль в системе образования, выступая одновременно инструментом повышения мотивации к обучению и возможностью приобретения опыта. Полученные результаты исследования возможно использовать при разработке рабочих программ дисциплин по культурологии, истории и теории культуры, межкультурной коммуникации. Кроме того, материалы представляют интерес для сотрудников международных отделов вузов и позволяют уточнить, дополнить, расширить рекомендации по развитию системы управления интернационализации университета.

Ключевые слова: туризм, культура, образование, интеграция, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Раитина М. Ю., Покровская Е. М., Илюхина Г. И. Интернационализация вуза: управление культурно–образовательным туризмом // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 12–19. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–12–19

Статья поступила в редакцию: 08.05.2021.
Статья принята к публикации: 08.06.2021.

University internationalization: management of cultural and educational tourism

Margarita Yu. RAITINA, Cand. Sc. (Philosophy), Associate prof., Senior researcher, raitina@mail.ru
Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation
Elena M. POKROVSKAYA, Cand. Sc. (Philosophy), Associate prof., Senior researcher, Senior researcher, pemod@yandex.ru
Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation
Galina I. ILYUKHINA, Cand. Sc. (Sociology), Associate prof., giimos@mail.ru
Department of scientific–methodical support of tourism and service, Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the actual problem of university internationalization as a support for long–term cooperation in the development of cultural and educational tourism and socio–cultural adaptation of foreign students. The paper presents the cultural and educational tourist infrastructure of the university on the example of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR). The purpose of the study is to consider the main aspects of the management of cultural and educational tourism in the context of international education and academic mobility programs. It studies the attitude of youth to the tourism as a way of cultural integration. The subject of the study is the peculiarities of the students' attitude to international education and academic exchanges. As a hypothesis, the authors believe that the social and axiological potentials stimulate the process of internationalization of the university. The methodology of the research is based on the cultural–historical approach, the ideas of the theory of intercultural communication and the method of sociological survey. The obtained data allow us to determine the trends of academic mobility of students in the context of internationalization. The authors concluded that within the framework of the management of cultural and educational tourism, it is necessary to undertake systematic work aimed at the implementation of cultural and educational activities and long–term cooperation in the field of culture and education. Thus, cultural and educational tourism plays a significant role in the education system, acting both as a tool to increase motivation for learning and as an opportunity to gain experience. The results of the study can be used in the development of work programs for disciplines in cultural studies, history and theory of culture, and intercultural communication. In addition, the materials are of interest to employees of international departments of universities and allow you to clarify, to supplement, to expand recommendations for the development of the university's internationalization management system.

Keywords: tourism, culture, education, integration, intercultural communication

For citation: Raitina M.Yu., Pokrovskaya E.M. & Ilyushkina G.I. (2021). University internationalization: management of cultural and educational tourism. Service plus, 15 (3), 12–19. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–12–19 (In Russ.).

Submitted: 2021/05/08.
Accepted: 2021/06/08.

Введение. Сегодня конкурентоспособность образования достижима лишь в международном контексте [3, 6]. Одним из важных и наиболее актуальных направлений международной деятельности является организация системы академической мобильности, как части культурно–образовательного туризма, представляющая собой один из наиболее эффективных путей развития возможностей образования на индивидуальном уровне [7, 9].

В настоящее время выезд за рубеж с целью приобретения опыта разнообразных культурно–образовательных практик и академического обмена выступает имманентной ценностью в личностных смыслах мотивации к получению образования молодежи [1, 23, 24]. Очевидна взаимосвязь таких категорий, как мобильность индивида и социальная активность индивида. Культурно–образовательный туризм рассматривается авторами как один из социальных ресурсов личности, направленных на повышение качества человеческого капитала [16].

Целью исследования в представленной работе выступают вопросы рассмотрения интернационализации университета и роль культурно–образовательного туризма в вышеобозначенном процессе, а исследовательскими методами выступили метод теоретического анализа и анкетирования посредством интернет–опроса.

Культурно–образовательная туристская инфраструктура вуза представлена на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР), многокомпонентна и предполагает активное участие Университета в реализации международных проектов с зарубежными партнёрами, содействие участию преподавателей и сотрудников, студентов и аспирантов в программах академической мобильности.

Проиллюстрируем развитие инфраструктуры интернационализации вуза в рамках профильных летних и зимних школ в университете, реализующих программы по вовлечению и активному участию в мероприятиях культурно–образовательной направленности. Например, оффлайн– и онлайн–занятия по русскому языку и академическому письму [12]. Также важными образовательными практиками выступают регулярные общеуниверситетские мероприятия — как «Фестиваль национальных культур», «Студенческая весна», тематические заседания разговорного клуба по английскому языку и др. [13, 14].

Как перспективное направление сотрудничества активно развивается экспорт российских образовательных услуг, разрабатываются совместные образовательные программы. При этом обеспечивается информационная поддержка иностранных студентов, обучающихся или желающих обучаться в ТУСУРе, организуются курсы русского языка и другие мероприятия, ускоряющие процесс адаптации таких студентов к новой культурной и языковой среде. В настоящее время ТУСУР имеет соглашения о сотрудничестве с университетами и организациями США, Великобритании, Нидерландов, Германии, Франции, Чехии, Китая, Кореи и других стран. Представители ТУСУРа работают в таких странах, как Израиль, США, Канада, Германия, Китай, и постоянно ведётся работа по расширению географии сотрудничества. ТУСУР являлся и продолжает быть активным участником масштабных международных программ, таких как «Программа сотрудничества ЕС — Россия», INTAS, TEMPUS, DAAD, HORIZON 2020, CRDF и других [13].

Методология исследования. Ряд зарубежных авторов М.В. Теох, Ю. Ван, А. Квек [22] отмечают значимость туристического опыта, способного изменять жизнь индивида, и выделяют три его измерения: опыт, опыт–фасилитатор и опыт–потребитель. В связи с тем, что представленные измерения оказывают различное влияние на поведенческие модели индивида, в процессе управления культурно–образовательным туризмом актуализирован этап конструктивного интереса проектировщиков туристических направлений, в том числе, в виртуальном пространстве, отмечают такие авторы, как С. Усенюк–Кравчук, М. Гостяева, А. Раева, Н. Гарин [25].

Кроме того, многие исследователи раскрывают различные аспекты туристического продукта, включая религиозный, спортивный, продовольственный и пр. Так, большинство туристов (79 %) узнают о еде и напитках, когда они посещают пункт назначения [21], туризм поддерживает региональную идентичность, обеспечивая понимание особого характера и культуры региона, что способствует повышению ценности опыта путешествий и одновременно культурной устойчивости [17, 19, 20].

Принимая во внимание обзор источников, сформулируем несколько блоков, которые могут быть использованы для разработки стратегии культурно–

образовательного туризма и в дальнейшем его системы управления:

- образование;
- практический опыт и мероприятия;
- повышение осведомленности и вовлеченность;
- карьера, работа или предпринимательские возможности;
- связи с глобальными или локальными проблемами.

Результаты исследования. Структурно учебная деятельность может быть представлена как взаимообусловленное пространство, включающее потребности, мотивацию к учению, цели, учебные действия и самооценку [2, 15].

Организация академической мобильности как части культурно-образовательного туризма выступает необходимым инструментом мотивации к учебному процессу, где ведущими аспектами являются повышение качества обучения, внедрение новых форм и технологий обучения, участие в международной системе образования, создание условий для последующего расширения сфер внедрения культурно-образовательного потенциала туристического продукта [10, 18].

Для того чтобы выявить мнение самих студентов об отношении к международному образованию, культурно-образовательному обмену и программам академической мобильности, была применена актуальная для социологических проектов методика — проведение опроса через интернет методом случайной выборки.

В исследовании, проведенном в январе 2020 г. на базе Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР), приняло участие 298 респондентов, из числа студентов бакалавриата 1–4 курсов.

Респондентам было предложено 5 вопросов, выявляющих основания выбора получения зарубежного образования и проблем, ограничивающих выезд; информированности о существующих программах культурно-образовательных обменов.

Первый вопрос был сформулирован следующим образом: «Хотели бы Вы учиться за границей?» 68 % респондентов ответило, что несомненно да, т. к. это престижный способ получения диплома, 22 % высказали мнение, что они являются патриотами своей страны, и для 10 % респондентов не имеет значения, где получать диплом, главное его наличие.

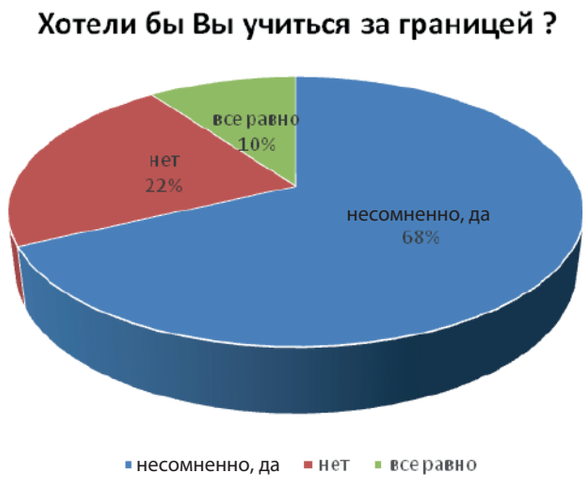

Рис. 1 — Отношение студентов к образованию за рубежом
Fig. 1 — Students ‘ attitude to education abroad

Следующий вопрос для респондентов: «Какую страну Вы бы предпочли для обучения?» 49 % ответили — «любые страны Европы»; 14 % — США; 29 % — Великобритания; 1 % — Китай; 7 % — не выбрали никакую страну.

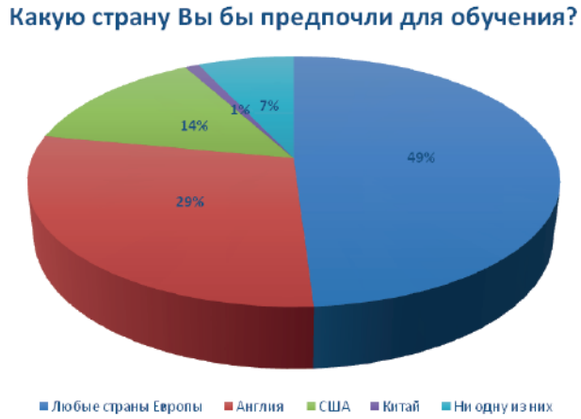

Рис. 2 — Предпочтительная страна для получения образования
Fig. 2 — Preferred country for education

Путешествия и туризм, изучение языков, знакомства с новыми интересными людьми — являются ценностями молодежи и факторами, способствующими успешной учебной деятельности.

Следующий вопрос заключался в значении международных обменов, где 59 % респондентов ответили, что международные обмены дают возможность

познакомиться с культурой страны, с местным населением, обычаями; 37 % опрошенных считают, что цель международных обменов — получение престижного образования; 4 % — получить неплохой заработок.

Немаловажным аспектом процесса интернационализации в университете является формирование гармоничной позитивной среды взаимодействия. В связи с этим респондентам был задан вопрос о восприятии студентов, которые приехали по обмену в Россию. 72 % опрошенных отметили позитивное отношение к иностранным студентам, они бы с удовольствием изучили их язык, узнали их традиции — культурный обмен; 19 % не заинтересованы данным вопросом, другими словами, их не заботит тот факт, что в нашей стране учатся студенты из других стран; но нашлись и те, кому этот факт не по нраву — 9 % относятся отрицательно к студентам из-за рубежа.

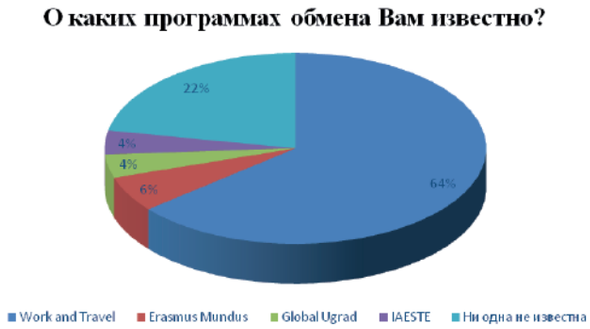

Рис. 3 — Осведомленность студентов о программах обмена
Fig. 3 — Students ‘ awareness of exchange programs

Незнание о наличии соответствующих программ, которые открывают возможности для молодежи в получении образования, также является одной из главных причин, снижающих уровень обменов. 64 % опрошенных знают о наличии программы Work and Travel, пользующейся успехом среди молодежи; 22 % респондентов совершенно не имеют понятия ни об одной программе, что является индикатором низкой заинтересованности индивида в учебной деятельности; 6 % знают о существовании программы Erasmus Mundus; 4 % осведомлены о наличии программы Global Ugrad; 4 % знают о программе IAESTE.

Выводы. В работе определены следующие тренды академической мобильности студентов в контексте интернационализации:

- престижность академической мобильности как части культурно-образовательного туризма;
- востребованность международных образовательных программ;
- развитие сетевого международного взаимодействия;
- культурное разнообразие.

Согласно результатам данного исследования, респондентам важнее получить образование, нежели финансовую выгоду (большой заработок), поскольку на современном этапе в обществе ценностью обладают профессиональные знания, навыки, умения, компетенции, которые в дальнейшем позволят сформировать собственные профессиональные, карьерные устремления. Сделан вывод о том, что организация академической мобильности как части культурно-образовательного туризма выступает необходимым инструментом мотивации к учебному процессу, поскольку чем выше мобильность молодежи, тем больше уровень ее дальнейшей социальной активности.

Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2020-0036.

Список литературы

1. Александрова А. Ю. Международный туризм. — М.: Аспект Пресс, 2002. — 470 с.
2. Вакульчик А. Межкультурный аспект молодежного туризма // Социально-экономические коммуникации в современном российском обществе: сборник статей Всероссийской научно-практической интернет-конференции. — Омск: БОУДПО ИРООО, 2009. — С. 330–333.
3. Галичин В. А., Карпухина Е. А., Матвеев В. В., Сугаков А. П. Академическая мобильность: в условиях интернационализации образования. — М.: Университетская книга, 2009. — 460 с.
4. Горбовская А. С. Перспективы развития молодежного туризма в России // Социально-экономические коммуникации в современном российском обществе: сборник статей Всероссийской научно-практической интернет-конференции. — Омск, 2009. — С. 336–337.
5. Жукова М. А. Менеджмент в туристском бизнесе. — М.: Кнорус, 2006. — 192 с.

6. Касенова Н. Н. Воспитание культуры межнационального общения в педагогическом вузе // История и педагогика естествознания. — 2015. — № 3. — С. 53–58.
7. Каурова А. Д. Организация сферы туризма. — СПб.: Издательский дом Герда, 2005. — 320 с.
8. Квартальнов В. А. Туризм. — М.: Финансы и статистика, 2006. — 448 с.
9. Козлова Е. С. Повышение академической мобильности как важнейшее условие формирования образовательной инициативы студентов // Новые образовательные технологии в вузе (НОТВ–2013): материалы X Международной научно–методической конференции (06–08 февраля 2013 г.): сборник тезисов докладов участников конференции. — г. Екатеринбург, 2013. — С. 220–225.
10. Кортунов В. В. Культура и цивилизация как основной вопрос социологии культуры // Сервис plus. — 2014. — № 1. — С. 6–15.
11. Кузнецова Е. В. Определение культуры: разнообразие подходов // Перспективы науки и образования. — 2013. — № 5. — С. 49–55.
12. Международная зимняя школа в онлайн–формате стартует в ТУСУРе / [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https: // tusur.ru/ru/novosti–i–meropriyatiya/novosti/prosmotr/–/novost–mezhdunarodnaya–zimnyaya–shkola–v–onlayn–formate–startuet–v–tusure / Дата обращения: 14.04.2021.
13. Международная конкурентоспособность / [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https: // tusur.ru/ru/sotrudnichestvo/mezhdunarodnaya–konkurentosposobnost./ Дата обращения: 14.04.2021.
14. На зимнюю школу ТУСУРа по электронике записались уже более 50 магистрантов со всего мира / [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https: // tusur.ru/ru/novosti–i–meropriyatiya/novosti/prosmotr/–/novost–na–zimnyuyu–shkolu–tusura–po–elektronike–zapisalis–uzhe–bolee–50–magistrantov–so–vsego–mira / Дата обращения: 14.04.2021.
15. Папирян Г. А. Международные экономические отношения: маркетинг в туризме. — М.: Финансы и статистика, 2001. — 206 с.
16. Раитина М. Ю., Илюхина Г. И., Покровская Е. М., Суслова Т. И., Ходкевич М. М. Молодежный туризм как способ культурной интеграции: региональный аспект (на примере г. Томска) // Сервис Plus. — 2019. — № 2. — С. 3–13. DOI: 10.24411/2413–693X–2019–10201
17. Рассадин Б. И. Развитие туризма в России и финансовые возможности населения // Сервис plus. — Т. 12. 2018. — № 1. — С. 10–23 DOI: 10.24411/2413–693X–2018–10102
18. Хайруллин Р. З. Формирование культуры межнационального общения и толерантности в молодежной среде // Мир психологии. — 2009. — № 3. — С. 85–93.
19. Ruhanen L., Whitford M. Cultural heritage and Indigenous tourism // Journal of heritage tourism. 2019. Vol. 14. Is. 3. P. 179–191. DOI: 10.1080/1743873X.2019.1581788
20. Stone L. S., Nyaupane G. P. The Tourist Gaze: Domestic versus International Tourists // Journal of travel research. 2019. Vol. 58. Is. 5. P. 877–891. DOI: 10.1177/0047287518781890
21. Stone M. J., Migacz S., Wolf E. Learning through culinary tourism and developing a culinary tourism education strategy // Journal of Tourism and Cultural Change. Feb. 2021. DOI: 10.1080/14766825.2021.1876078
22. Teoh M. W., Wang Y., Kwek A. Conceptualising co–created transformative tourism experiences: A systematic narrative review // Journal of Hospitality and Tourism Management. 2021. Vol. 47. P. 176–189. DOI: 10.1016/j.jhtm.2021.03.013
23. Vespestad M. K., Smørvik K. K. Co–creation as a tool to overcome cross–cultural differences in educational experiences? // Journal of Hospitality and Tourism Education. 2020. Vol. 32. Is. 3. P. 156–166. DOI: 10.1080/10963758.2019.1685391.
24. Voegtle E. M., Knill Ch., Dobbins M. To what extent does transnational communication drive crossnational policy convergence? The impact of the Bologna process on domestic higher education policies // Higher Education. 2011. V. 61, № 1. P. 77–94.
25. Usenyuk–Kravchuk S., Gostyaeva M., Raeva A., Garin N. Encountering the extreme environment through tourism: The arctic design approach // Journal of Destination Marketing and Management. 2021. V. 19. DOI: 10.1016/j.jdmm.2020.100416

References:

1. Aleksandrova A. Yu. (2002). International tourism. — Moscow: Aspekt Press. (In Russ.).
2. Vakulchik A. (2009). The intercultural aspect of youth tourism. Social'no–jekonomicheskie kommunikacii v sovremennom rossijskom obshhestve [Social and economic communications in modern Russian society]: a collection of articles of the All–Russian Scientific and Practical Internet Conference. — Omsk. (In Russ.).
3. Galichin V. A., Karpukhina E. A., Matveev V. V. & Sugakov A. P. (2009). Academic mobility: in the context of the internationalization of education. — Moscow: the publishing house «University book». (In Russ.)
4. Gorbovskaya A. S. (2009). Prospects for the development of youth tourism in Russia. Social'no–jekonomicheskie kommunikacii v sovremennom rossijskom obshhestve [Social and economic communications in modern Russian society]: a collection of articles of the All–Russian Scientific and Practical Internet Conference. — Omsk. (In Russ.).
5. Zhukova M. A. (2006). Management in the tourism business. — Moscow: Knorus. (In Russ.).
6. Kasenova N. N. (2015). Fostering a culture of international communication in a pedagogical university. Istorija i pedagogika estestvoznanija [History and pedagogy of natural science], 3, 53–58. (In Russ.).
7. Kaurova A. D. (2005). Organization of tourism. — St. Petersburg: Publishing house «Gerda». (In Russ.).
8. Kvartalnov V. A. (2006). Tourism. — Moscow: Publishing house «Finances and statistics». (In Russ.)
9. Kozlova E. S. (2013). Increasing academic mobility as the most important condition for the formation of the educational initiative of students. Novye obrazovatel'nye tehnologii v vuze (NOTV–2013) [New educational technologies at the university (NOTV–2013)]: proceedings of the X International scientific and methodological conference (06 – 08 February 2013). — Yekaterinburg, 220–225. (In Russ.).
10. Kortunov V. V. (2014). «Culture and civilization» as the central issue for sociology of culture. Service plus, 1, 6–15. (In Russ.).
11. Kuznetsova E. V. (2013). Definition of culture: a variety of approaches. Perspektivy nauki i obrazovanija [Prospects of science and education], 5, 49–55. (In Russ.).
12. Mezhdunarodnaja konkurentosposobnost' [International competitiveness]. [Electronic resource] URL: https://tusur.ru/ru/sotrudnichestvo/mezhdunarodnaya–konkurentosposobnost. (Accessed on: 14.04.2021). (In Russ.).
13. Mezhdunarodnaja zimnjaja shkola v onlajn–formate startuet v TUSURe [International Winter School in online format starts at TUSUR]. [Electronic resource] URL: https://tusur.ru/ru/novosti–i–meropriyatiya/novosti/prosmotr/–/novost–mezhdunarodnaya–zimnyaya– shkola–v–onlayn–formate–startuet–v–tusure (Accessed on: 14.04.2021). (In Russ.).
14. Na zimnjuju shkolu TUSURa po jelektronike zapisalis' uzhe bolee 50 magistrantov so vsego mira [More than 50 masters from all over the world have already signed up for the TUSUR winter school in electronics]. [Electronic resource] URL: https: // tusur.ru/ru/novosti–i–meropriyatiya/novosti/prosmotr/–/novost– na–zimnyuyu–shkolu–tusura–po–elektronike–zapisalis–uzhe–bolee–50–magistrantov–so–vsego–mira (Accessed on: 14.04.2021). (In Russ.).
15. Papirian G. A. (2001). International economic relations: marketing in tourism. — Moscow: Publishing house «Finances and statistics». (In Russ.).
16. Raitina M. Yu., Ilyukhina G. I., Pokrovskaya E. M., Suslova T. I. & Khodkevich M. M. (2019). Youth tourism as a way of cultural integration: regional aspect (on the example of Tomsk). Servis plus, 13(2), 3–13. DOI: 10.24411/2413–693X–2019–10201. (In Russ.).
17. Rassadin B. I. (2018). Development of tourism in Russia and financial possibilities of the population. Service plus, 12(1), 10–22. doi: 10.24411/2413–693X–2018–10102. (In Russ.).
18. Khairullin R. Z. (2009). Forming a culture of inter–ethnic communication and tolerance in the youth environment. Mir psikhologii [World of Psychology], 3, 85–93. (In Russ.).
19. Ruhanen L. & Whitford M. (2019). Cultural heritage and Indigenous tourism. Journal of heritage tourism, 14 (3), 179–191. DOI: 10.1080/1743873X.2019.1581788
20. Stone L. S. & Nyaupane G. P. (2019). The Tourist Gaze: Domestic versus International Tourists. Journal of travel research, 58 (5), 877–891. DOI: 10.1177/0047287518781890

21. Stone M. J., Migacz S. & Wolf E. (2021). Learning through culinary tourism and developing a culinary tourism education strategy. Journal of Tourism and Cultural Change. DOI: 10.1080/14766825.2021.1876078
22. Teoh M. W., Wang Y. & Kwek A. (2021). Conceptualising co–created transformative tourism experiences: A systematic narrative review. Journal of Hospitality and Tourism Management, 47, 176–189. DOI: 10.1016/j.jhtm.2021.03.013
23. Usenyuk–Kravchuk S., Gostyaeva M., Raeva A. & Garin N. (2021). Encountering the extreme environment through tourism: The arctic design approach. Journal of Destination Marketing and Management, 19. DOI: 10.1016/j.jdmm.2020.100416
24. Vespestad M. K. & Smørvik K. K. (2020). Co–creation as a tool to overcome cross–cultural differences in educational experiences? Journal of Hospitality and Tourism Education, 32 (3), 156–166. DOI: 10.1080/10963758.2019.1685391.
25. Voegtle E. M., Knill Ch. & Dobbins M. (2011). To what extent does transnational communication drive crossnational policy convergence? The impact of the Bologna process on domestic higher education policies. Higher Education, 61 (1), 77–94.

ТУРИЗМ/ TOURISM

УДК 379.85
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-20-28

Безопасность в туризме: вопросы правового регулирования и перспективы развития в условиях возникновения системных рисков

УХИНА Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук, доцент,
Высшая школа туризма и гостеприимства, Российский государственный университет туризма и сервиса (Москва)
ФЕДОРОВ Александр Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент,
Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского (Калуга)

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты правового регулирования безопасности туристской деятельности, проведен анализ действующего законодательства в сфере туризма, анализируются перспективы его развития в условиях возникновения системных рисков, влияющих на безопасность туристской деятельности.

Ключевые слова: безопасность в туризме, правовое регулирование туристской деятельности, туристические услуги, туристская индустрия, системные риски.

Для цитирования: Ухина Т. В., Федоров А. Г. Безопасность в туризме: вопросы правового регулирования и перспективы развития в условиях возникновения системных рисков // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 20–28. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–20–28
Статья поступила в редакцию: 01.05.2021.
Статья принята к публикации: 01.06.2021.

Safety in tourism: issues of legal regulation and development prospects in the context of the emergence of systemic risks

Tatyana V. UKHINA, Cand. Sc. (Economics), Associate prof.
Higher School of Tourism and Hospitality, Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation
Alexander G. FEDOROV, Cand. Sc. (Law), Associate prof.
Institute of History and Law, Kaluga State University named after K. E.Tsiolkovski, Kaluga, Russian Federation

Abstract. The article examines certain aspects of legal regulation of the safety of tourist activities, analyzes the current legislation in the field of tourism, analyzes the prospects for its development in the context of the emergence of systemic risks affecting the safety of tourist activities.

Key words: safety in tourism, legal regulation of tourist activities, tourist services, tourist industry, systemic risks

For citation: Ukhina T. V. & Fedorov A. G. (2021). Safety in tourism: issues of legal regulation and development prospects in the context of the emergence of systemic risks. Service plus, 15 (3), 20–28. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–20–28 (In Russ.).
Submitted: 2021/05/01.
Accepted: 2021/06/01.

Одной из глобальных проблем современности на сегодня является проблема безопасности. В любой сфере, где человек вступает в контакт с природой, другим человеком или группой людей, техникой и технологиями, возникают определенные риски. Учитывая специфику туристской отрасли, потребитель турусслуг непрерывно связан с опасностью. По мнению С. Б. Мичурина, «в России туризм, с одной стороны, всё больше приобретает черты самостоятельной отрасли экономики, с другой – массового общественного явления, развивающегося в соответствии со спецификой территории и своими внутренними закономерностями» [1]. Таким образом, организационно–правовое обеспечение безопасности туризма направлено в первую очередь на организацию личной безопасности туристов, сопряженной с сохранностью их имущества, охрану экологической природной среды при оказании туристских услуг. В результате как правовое, так и организационное обеспечение безопасности туризма должно быть направлено на принятие необходимых мер по предотвращению опасных деяний, а также на ликвидацию последствий их проявления.

При проведении данного исследования ставилась цель проанализировать характерные особенности правового обеспечения безопасности туризма и в результате обозначить перспективы его совершенствования в условиях возникновения системных рисков, например, таких, как принятие международным сообществом режима локдауна (lockdown), выраженного в виде «введения строгих ограничений на поездки, социальное взаимодействие и доступ к общественным пространствам»[1].

Объектом исследования стали отношения, возникающие по поводу обеспечения безопасности в туризме.

Предметом исследования выступают вопросы правового регулирования безопасности в туризме и перспективы его развития в условиях возникновения системных рисков.

Для реализации поставленной цели были определены следующие задачи: раскрыть понятие «безопасность туризма» и обозначить функции уполномоченного федерального органа исполнительной власти по обеспечению безопасности туризма; проанализировать правовое регулирование безопасности туризма на законодательном и подзаконном уровнях; обозначить особенности отраслевого законодательства, призванные обеспечить безопасность туризма по своим направлениям деятельности; сформулировать выводы по итогам проведенного исследования и определить перспективные направления обеспечения безопасности туризма в условиях возникновения системных рисков.

Среди современных ученых, занимающихся проблемами безопасности и рисков в туристской отрасли, следует выделить работы А. П. Бгатова, А. Г. Бобковой, С. И. Берлин, С. А. Кудреватых, Е. Л. Писаревского, И. В. Попова и др. [7, 8, 9, 10]. Однако вопросы безопасности туризма остаются до настоящего времени актуальными и привлекают к себе значительное внимание как ученых, так и практиков.

В статье 14 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» «под безопасностью туризма понимаются безопасность туристов (экскурсантов), сохранность их имущества, а также ненанесение ущерба при совершении путешествий окружающей среде, материальным и духовным ценностям общества, безопасности государства»[2]. При этом на Федеральное агентство по туризму (Ростуризм) как уполномоченный федеральный орган исполнительной власти возложена обязанность «информировать туроператоров, турагентов и туристов (экскурсантов) об угрозе безопасности туристов (экскурсантов) в стране (месте) временного пребывания, в том числе путем опубликования соответствующих сообщений в государственных средствах массовой информации». Наряду с этим необходимо отметить, что «в силу специфики отрасли, кроме агентства, еще более 40 федеральных ор–

[1] Словарь Collins назвал «локдаун» словом 2020 года. Интерфакс. 10.11.2020. // URL: https://www.interfax.ru/world/736388 Дата обращения: 20.02.2021.

[2] Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 года № 132–ФЗ.

ганов исполнительной власти наделены функциями в части регулирования туризма [3].

Если в стране пребывания российских туристов возникает угроза безопасности их жизни или здоровья, то туристом или туроператором может быть расторгнут договор об оказании туристских услуг или условия такого договора должны быть изменены в интересах туристов в части обеспечения безопасности их отдыха. При заключении договора на оказание туристских услуг турист должен быть проинформирован об опасностях, с которыми он может столкнуться в стране пребывания, а также о порядке и способах получения экстренной помощи в условиях возникновения опасности для его жизни и здоровья.

Руководствуясь положениями статьи 7 Федерального закона «О безопасности», Ростуризм и иные уполномоченные органы государственного управления координируют свою деятельность с иностранными партнерами в сфере обеспечения безопасности «на основе общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»[3]. При этом основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности, а также утверждение национальной стратегии и иных концептуальных и доктринальных документов в сфере обеспечения безопасности формируются и осуществляются непосредственно самим Президентом России, что законодательно относится к его полномочиям[4].

Кроме того, частью 2 статьи 7 Закона о безопасности определено, что «Президент России принимает меры по защите граждан от преступных и иных противоправных действий, по противодействию терроризму и экстремизму, а защита прав и законных интересов российских граждан за рубежом является одной из целей международного сотрудничества Российской Федерации в области обеспечения безопасности»[5].

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время в рамках государственной политики развития туристской деятельности ставится задача развивать «здоровую» конкурентоспособность турбизнеса, в частности, повышать безопасность туризма в его различных сферах реализации. Одним из перспективных направлений в этой части, по мнению М. Н. Рузмановой и А. С. Котосонова, является «становление и развитие сервиса обеспечения безопасности туристской деятельности в Российской Федерации», под которым они понимают «деятельность, осуществляемую негосударственными организациями в области обеспечения безопасности туристов» [2]. Причем основная цель развития такого сервиса обеспечения безопасности туристской деятельности, по их мнению, должна быть направлена на «эффективное задействование рыночных механизмов и оказание негосударственными организациями услуг … в дополнение к государственным» [2]

Согласно мартовскому отчету World Travel & Tourism Council 2020 года (WTTC) об экономическом влиянии сектора туризма и путешествий, в настоящее время «сектор туризма и путешествий вносит 10,3% в мировой ВВП, отвечает за создание каждого четвертого из новых рабочих мест в мире, а также девять лет подряд опережает в своем развитии рост глобальной экономики»[6]. При этом, по данным апрельского отчета WTTC 2020 года, «отрасль встала перед угрозой потерять вследствие коронавирусной пандемии невообразимые 100 млн рабочих мест. Кроме того, анализ WTTC показывает резкий скачок экономических потерь в мировой экономике — до 2,7 трлн долл. США»[7]. В отчете отмечается, что в 2019 году сектор туризма и путешествий эффективно развивался, но «жесточайший удар со стороны кризиса, вызванного в 2020 году эпидемией «Ковид–19», за какие–то несколько месяцев привел к немыслимым изменениям, вызывающим глубокую озабоченность в индустрии»[8].

Правовой аспект обеспечения безопасности туристской деятельности значим как для выездного, так и для въезного туризма. Правомерность поведения туристов во многом зависит от их осведомленности об установленных правилах поведения, особенностях национального менталитета и общепринятых обычаях того или иного государства. Это в полной мере касается и норм российского законодательства о туристской деятельности, регулирующих вопросы правового положения иностранных граждан, связанных с вопросами национальной миграционной политики.

[3] Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 года № 390–ФЗ
[4] Там же. Ст. 8.
[5] Там же. Ч. 2 ст. 7.

[6] Экономическое влияние сектора туризма и путешествий в 2019 году и последствия кризиса 2020 года. Telegram–канал TOHOLOGY. 29.04.2020 URL: https://www.tohology.com/hospitality/industry/economic–impact–of–travel–tourism/ Дата обращения: 20.02.2021.
[7] Там же.
[8] Там же.

Принимая такие правовые нормы, органы государственного управления должны осознавать, что действие этих правил должно соблюдать баланс интересов государства в развитии туризма, с интересами обеспечения его безопасности.

Правовое регулирование туристской деятельности относится к вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, что позволяет развивать профильное региональное законодательство. В ряде субъектов Российской Федерации наряду с региональными законами о туристской деятельности разработаны концепции развития туризма и профильные целевые программы, где отражаются и проблемы безопасности туризма[9].

Правовое регулирование безопасности туризма в значительной мере осуществляется посредством принятия подзаконных ведомственных актов. Например, в утвержденном приказом Минкультуры России административном регламенте, наряду со «стандартом предоставления государственной услуги по информированию об угрозе безопасности туристов в странах временного пребывания, включающем описание услуги, сроки ее предоставления и исчерпывающий перечень документов, необходимых для ее предоставления, определены состав, последовательность и сроки выполнения административных процедур (действий), а также требования к порядку их выполнения»[10]. Соответствующим приказом также регулируется порядок взаимодействия Ростуризма с иными уполномоченными структурами, призванными информировать туристов, находящихся в туристической поездке, об угрозе их безопасности, а также порядок обжалования действий либо бездействия Ростуризма по их информированию.

В целях повышения безопасности туристов Федеральное агентство по туризму принимает нормативные акты, направленные на регламентацию и классификацию туристских объектов повышенной опасности эксплуатации. Так, например, Приказом Ростуризма «Об утверждении Правил классификации горнолыжных трасс, классификации пляжей»[11], устанавливается субъектный состав участников и порядок классификации горнолыжных трасс и пляжей, что в целом способствует повышению безопасности туристского отдыха в таких местах повышенной опасности эксплуатации.

Принятые Минтрансом России в июне 2007 года Федеральные авиационные правила направлены на «защиту прав и законных интересов пассажиров-туристов при их перелетах к месту отдыха, обеспечивают качество и безопасность оказываемых услуг»[12].

Аналогичные задачи стоят и перед Правилами перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом[13], в которых определяются условия перевозки пассажиров, багажа и грузобагажа, а также определяются уровень их обслуживания, основные требования к услугам и порядок возмещения утраты, недостачи и повреждения багажа и грузобагажа.

Перечень законных и подзаконных актов, обеспечивающих безопасность туристов при их перемещении к местам отдыха, можно продолжить и далее. Например, утвержденные приказами Минтранса России Правила морской перевозки пассажиров и Правила перевозок пассажиров и их багажа на внутреннем водном транспорте[14].

С июля 2007 года обязанности турагентов по обеспечению безопасности туристской деятельности устанавливались Правилами оказания услуг по реализации туристского продукта. Однако с 1 января 2021 года Правительством РФ утверждены новые правила оказания услуг по реализации турист-

[9] См., напр.: Постановление Правительства Республики Тыва «Об утверждении Концепции развития туризма в Республике Тыва до 2025 года» от 17.04.2020 № 162; Постановление Правительства Архангельской области «Об утверждении концепции развития туризма в Архангельской области» от 2.09.2014 № 351–пп; Постановление Правительства Белгородской области «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Белгородской области на 2013–2017 годы» от 14.01.2013 № 5–пп

[10] Приказ Минкультуры России «Об утверждении Административного регламента по предоставлению Федеральным агентством по туризму государственной услуги по информированию в установленном порядке туроператоров, турагентов и туристов (экскурсантов) об угрозе безопасности туристов (экскурсантов) в стране (месте) временного пребывания» от 27.06.2012 № 666

[11] Приказ Ростуризма «Об утверждении Правил классификации горнолыжных трасс, классификации пляжей» от 08.09.2020 № 287–Пр–20

[12] Приказ Минтранса России «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей» от 28.06.2007 № 82

[13] Приказ Минтранса России «Об утверждении Правил перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом» от 19.12.2013 № 473

[14] Приказ Минтранса России «Об утверждении правил морской перевозки пассажиров» от 17.06.2015 № 190; Приказ Минтранса России «Об утверждении Правил перевозок пассажиров и их багажа на внутреннем водном транспорте» от 5.05.2012 № 140

ского продукта[15], в соответствии с которыми будет корректироваться значительная часть внутренних стандартов ассоциаций туроператоров и иных локальных актов турагентств и их объединений.

Необходимо признать, что Российская Федерация имеет значительный потенциал в продвижении туристской индустрии как в сфере внутреннего, так и внешнего туризма, что позволит сделать ее одним из приоритетных направлений национальной экономики, обеспечивающим повышение занятости в этой сфере, способствующим развитию региональной туристской инфраструктуры, способствующей сохранению и развитию природного, исторического и культурного потенциала страны.

Признавая это, необходимо особое внимание уделять безопасности туристской деятельности, с учетом имеющихся обеспечительных мер. Так, в методическом пособии, разработанном в 2015 году ВНИИ ГОЧС (ФЦ) МЧС России «Обеспечение безопасности», устанавливается, что «для обеспечения безопасность жизни, здоровья туристов и сохранности их имущества должны быть разработаны методы контроля за выполнением требований безопасности при ознакомлении с природными, историческими, социально-культурными или иными объектами, способными удовлетворить духовные и физические потребности туристов»[16].

Получая туристские услуги, человек может столкнуться с различными опасностями природного и техногенного характера, от получения случайной травмы до гибели в результате террористического акта в местах скопления туристов на объектах культурного наследия. Популярные туристские маршруты становятся объектами пристального внимания для криминальных элементов как возможность совершать противоправные действия против жизни, здоровья и свободы человека.

Так, участниками Эстерсундской конференции, проведенной ВТО в 1995 году, были определены основные направления по решение вопросов безопасности в туризме и снижению рисков при путешествиях. Ее участники признали, что «сфера туризма в целом или ее отдельные элементы при определенных обстоятельствах могут генерировать угрозы безопасности, причиняющие вред окружающей среде, материальным и духовным ценностям общества, а также безопасности государства»[17].

Как вывод, безопасность туризма должна быть обеспечена государственными гарантиями, посредством формирования необходимой правовой базы, защищающей как интересы всего государства, так и интересы отдельно взятого туриста. Государственные гарантии должны быть направлены на обеспечение безопасности туристской услуги как во время совершения туристами путешествий, так и в местах их быта и отдыха.

В современных условиях система правового регулирования туристской деятельности включает Федеральный закон об основах туристской деятельности, принимаемые в соответствии с ним иные профильные федеральные и региональные законы, а также иные нормативные правовые акты.

При возникновении непредвиденных обстоятельств на государственном уровне принимаются надлежащие меры по защите интересов российских туристов, в том числе меры по их эвакуации из страны временного пребывания.

Анализируя источники правовой регламентации безопасности туризма, нельзя не упомянуть принятый Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации и введенный в действие с 1 января 2016 года в качестве национального стандарта Российской Федерации ГОСТ 32611–2014[18] который «устанавливает требования по обеспечению безопасности жизни, здоровья, имущества туристов при совершении путешествий. Распространяется на юридических лиц, независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности, индивидуальных предпринимателей, оказывающих туристские услуги»[19].

Как уже было отмечено ранее, Россия имеет значительный потенциал для привлечения внешних и внутренних туристов при соответствующем со-

[15] Постановление Правительства РФ «Об утверждении правил оказания услуг по реализации туристского продукта» от 18.112020 № 1852

[16] Методическое пособие «Обеспечение безопасности». ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ) МЧС России. – Москва, 2015. // URL: https://umcgochs.mos.ru/Osnovn_Sved_Org/documents,Otchet/Ychebnii%20posobiya.php Дата обращения: 23.02.2021.

[17] Безопасность в туризме. Описание Эстерсундской конференции по безопасности туризма и уменьшению рисков при путешествиях. – Москва, 2014. // URL: https://allbest.ru/ Дата обращения: 24.02.2021.

[18] ГОСТ 32611–2014 «Туристские услуги. Требования по обеспечению безопасности туристов» (протокол от 27 февраля 2014 г. № 64–П)

[19] Там же.

вершенствовании туристской инфраструктуры. Это, в частности, характеризуется «наличием в России 18 объектов всемирного наследия ЮНЕСКО и 11 объектов всемирного природного наследия ЮНЕСКО, в связи с чем по этим показателям Российская Федерация занимает в общемировом рейтинге 10–е и 4–е места соответственно»[20].

При этом эти рейтинговые показатели могли быть значительно выше, если бы потребительский спрос не сдерживался такими факторами, как предубеждения (стереотипы) иностранных граждан о туризме в Российской Федерации – «небезопасность» и «негативный геополитический образ»[21].

В Концепции федеральной целевой программы развития российского внутреннего и въездного туризма на 2019–2025 годы отмечено, что «для достижения целевых установок предполагается осуществить дальнейшее использование кластерного подхода при определении стратегических ориентиров развития сферы туризма в субъектах Российской Федерации, как приоритетного наряду с принципами государственно–частного партнерства и координации региональных программ развития туризма»[23].

При этом в Стратегии развития российского туризма в период до 2035 года уделяется особое внимание обеспечению безопасности в сфере туризма[24].

В контексте этого документа можно согласиться с Е. В. Козловой, Т. В. Солод и А. А. Завьяловым в том, что «обеспечение комплексной безопасности туристов и объектов туристской деятельности включает действия всех участников туристской отрасли: турагентов и туроператоров, туристских фирм, предприятий общественного питания, коллективных средств размещения, транспортных компаний, государственных служб, ответственных за жизнь и здоровье граждан, и самих туристов» [4].

В начале 2020 г. все страны охватила пандемия нового вида коронавируса, COVID–19, объявленная Всемирной организацией здравоохранения [5].

Рис. 1 — Индекс конкурентоспособности турсектора России[22]
Fig. 1 — Russian Tourism Sector Competitiveness Index

[20] Российские объекты из списка Всемирного наследия ЮНЕСКО // URL: http: // unesco.ru/unescorussia/sites/ Дата обращения: 24.02.2021.

[21] Российскую туриндустрию оценили. Ведомости. 27.09.2019. // URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/09/27/812212–rossiiskuyu–turindustriyu Дата обращения: 24.02.2021.

[22] Там же.

[23] Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» от 5.05.2018 № 872–р

[24] Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 года» от 20 сентября 2019 г. № 2129–р

Коронавирусная инфекция, разразившаяся пандемия внесли свои коррективы в реализацию разработанной стратегии.

Так, например, Правительством РФ в апреле 2020 года был утвержден перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших при распространении коронавирусной инфекции, в результате чего «туризм вошел в число отраслей экономики, наиболее пострадавших от коронавируса»[25]. Признавая это, государство осуществляет помощь представителям туристской отрасли, что находит свое отражение в профильных нормативных актах.

Меры государственной поддержки туристского сектора выражаются в: возмещении расходов на вывоз туристов авиакомпаниям; продлении лицензий; выдачи беспроцентных кредитов на зарплату; введении моратория на банкротство и налоговых каникул; переносе сроков по налогам и сборам, кредитам; ведении арендных каникул; выдаче субсидий в размере 12 130 рублей субъектам малого и среднего бизнеса; отмене налогов за II квартал 2020 года и ряд других[26].

Вместе с тем следует отметить, что безопасность в сфере туристской деятельности «размыта» в системе обеспечения государственной безопасности относительно других отраслей, что выражается в том, что на сегодня еще нет конструктивного механизма единого контроля за реализацией правовых мер по обеспечению безопасности туристской деятельности, что порождает злоупотребление правом в этих правоотношениях. Отсутствует сбор статистических данных о всех происшествиях с участием туристов как за рубежом, так и на территории Российской Федерации. Эти сведения не обобщаются, не анализируются. Меры профилактики не принимаются и не доводятся до сведения широкой общественности, потенциальных участников туриндустрии. Органы регионального управления туризма не мотивированы и материально не обеспечены для проведения эффективных мер в области обеспечения безопасности в сфере туризма.

Дальнейшее отсутствие координации между разными уровнями государственной власти, разрозненность усилий региональных органов исполнительной власти, отсутствие поддержки со стороны органов государственного управления смежных отраслей и сфер деятельности (транспорт, строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, связь и телекоммуникации, охрана природных ресурсов, здравоохранение, образование, социальное обеспечение) могут привести к снижению уровня безопасности туристов, как результат — снижение турпотоков, потеря рабочих мест, рост преступности, упадок экономики, социальные протесты и другие негативные явления. Важнейшими для организации туризма являются требования национальных стандартов. В настоящее время в Российской Федерации действует более сорока национальных стандартов туристских услуг.

Руководствуясь положениями Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 года, необходимо обеспечивать специальные преференциальные режимы при развитии туристских территорий, формировать комплексные проекты создания туристской и обеспечивающей инфраструктуры, а также применять кластерный подход при их формировании, позволяющий на региональном уровне обеспечивать безопасность туризма.

При этом мнения ученых и практиков сходятся в том, что сегодня назрела необходимость принятия мер к усилению защиты и охраны наиболее уязвимых объектов туристской индустрии, инфраструктуры и туристских ресурсов; необходим механизм осуществления единого административного контроля за выполнением законодательства по обеспечению безопасности в туриндустрии; необходима разработка четких страховых механизмов, обеспечивающих возможные риски туристов.

Властным структурам необходимо продлить меры по субсидированию турбизнеса, с целью поддержки внутреннего туризма. Эта новая мера, предложенная российским правительством, очень важна, она позволит отдохнуть большому количеству россиян в сложившихся условиях [6].

Туристскому бизнесу следует сместить фокус на развитие сегмента внутреннего туризма, сделав ставку на развитие индивидуального и экологического туризма с предложением новых, уникальных туров, туризм в малых группах, с учетом развития бюджетного туризма, а также

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что сформированная правовая

[25] Постановление Правительства РФ «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» от 3.04.2020 № 434

[26] Туризм-2020 и COVID-19: туристическая отрасль в условиях пандемии и после нее. Информационно-правовой портал «Гарант.РУ». 27.05.2020 // URL: https: // www.garant.ru/article/1376805/ Дата обращения: 24.02.2021.

база в сфере туристской деятельности позволяет говорить о достаточном потенциале обеспечительных мер, направленных на безопасность туризма. При этом соблюдение предложенных и иных мер по усилению безопасности путешествий с учетом санитарно–эпидемиологической обстановки трансфера, места пребывания, качества страхового продукта и т. п. позволит не только восстановить туристскую отрасль, пострадавшую от пандемии, но и выработать устойчивый механизм противостояния угрозам в туристском бизнесе.

Литература

1. Мичурин С. Б. Безопасность в туризме: методологический и пространственный аспекты [Текст]: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24: защищена 28.12.12: утв. 25.04.13 / Мичурин Сергей Борисович — Пермь, 2012. — 220 с. — Библиогр.: С. 202–213. — 04200201565.
2. Рузманова М. Н., Котосонов А. С. Обеспечение безопасности туристской деятельности на территории Российской Федерации // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. — 2011. — № 1 (2). URL: https: // cyberleninka.ru/article/n/obespechenie–bezopasnosti–turistskoy–deyatelnosti–na–territorii–rossiyskoy–federatsii (дата обращения: 24.02.2021).
3. Калинина Л. Е. Принципы государственного управления в сфере туризма // Право и экономика. — 2006. — № 12. — С. 10–13.
4. Козлова Е. В., Солод Т. В., Завьялов А. А. Международный туризм в условиях кризиса мировой экономики: тенденции и проблемы развития // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2019. — № 4(107). — С. 7–12.
5. Логунцова И. В. Индустрия туризма в условиях пандемии коронавируса: вызовы и перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. — 2020. — № 80. — С. 16–23.
6. Толстых К. С. Специфика развития рынка труда индустрии туризма в рамках экономического кризиса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2018. — № 1. — С. 261–268.
7. Бобкова А. Г. Безопасность туризма: учебник / А. Г. Бобкова, С. А. Кудреватых, Е. Л. Писаревский; под общ. ред. д–ра юрид. наук. Е. Л. Писаревского. — М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. — 272 с.
8. Берлин С. И., Попов И. В. Современные критерии обеспечения безопасности туризма как элемент национальной безопасности России // ЕГИ. — 2020. — № 2 (28). URL: https: // cyberleninka.ru/article/n/sovremennye—kriterii–obespecheniya–bezopasnosti–turizma–kak–element–natsionalnoy–bezopasnosti–rossii (дата обращения: 25.02.2021).
9. Бгатов А. П. Безопасность в туризме: Учебное пособие / А. П. Бгатов. — 2–е изд., перераб. и доп. — М.: Форум: НИЦ ИНФРА–М, 2013. — 176 с.
10. Писаревский Е. Л. Безопасность туризма. Правовое обеспечение. Кн. I. Основы безопасности туризма: учеб.–метод. пособие: в 3 кн. / Писаревский Е. Л. — Москва : Финансы и статистика, 2007. — 320 с.

References:

1. Michurin S. B. (2012). Bezopasnost' v turizme: metodologicheskij i prostranstvennyj aspekty [Safety in tourism: methodological and spatial aspects] [Text]: Candidate of geographical sciences' thesis. Perm, 202—213. (In Russ.).
2. Ruzmanova M. N. & Kotosonov A. S. (2011). Obespechenie bezopasnosti turistskoj dejatel'nosti na territorii Rossijskoj Federacii [Ensuring the safety of tourist activity on the territory of the Russian Federation]. Sovremennye tehnologii obespechenija grazhdanskoj oborony i likvidacii posledstvij chrezvychajnyh situacij [Modern technologies for ensuring civil defense and eliminating the consequences of emergency situations], 1 (2). (In Russ.). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie–bezopasnosti–turistskoy–deyatelnosti–na–territorii–rossiyskoy–federatsii (Accessed on 24.02.2021).
3. Kalinina L. E. (2006). Principles of state management in the field of tourism. Pravo i ekonomika [Law and economics], 12, 10–13. (In Russ.).
4. Kozlova E. V., Solod T. V. & Zavyalov A. A. (2019). International tourism in the conditions of the crisis of the world economy: trends and problems of development. Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo;

pravo i upravlenie [Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management], 4(107), 7–12. (In Russ.).
5. Loguntsova I. V. (2020). Touristic Industry in the time of Coronavirus Pandemic: Challenges andmPerspectives. Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik [State Administration. Electronic bulletin], 80, 16–23. (In Russ.).
6. Tolstykh K. S. (2018). Specifics of the development of the labor market of the tourism industry within the framework of the economic crisis. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski [State and municipal Management. Scientific notes], 261–268. (In Russ.).
7. Bobkova A. G. (2014). Bezopasnost' turizma [Security of tourism]: textbook. — Moscow: Federal Agency for Tourism. (In Russ.).
8. Berlin S. I. & Popov I. V. (2020). Modern criteria for ensuring the safety of tourism as an element of national security of Russia. EGI, 2 (28). (In Russ.). URL: https: // cyberleninka.ru/article/n/sovremennye–kriterii—obespecheniya–bezopasnosti–turizma–kak–element–natsionalnoy–bezopasnosti–rossii (Accessed on 25.02.2021).
9. Bgatov A. P. (2013). Bezopasnost' turizma [Safety in tourism]: A textbook. 2nd ed. — Moscow: Forum: SIC INFRA–M. (In Russ.).
10. Pisarevsky E. L. (2007). Bezopasnost' turizma. Pravovoe obespechenie [Safety of tourism. Legal support]. Book I // Fundamentals of tourism security: manual: in 3 books. — Moscow: Finance and Statistics. (In Russ.).

ТУРИЗМ/
TOURISM

УДК 338.48:379.85
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-29-42

Новые виды туризма как резерв для увеличения внутреннего и въездного туристического потока в Российской Федерации

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Александр Борисович
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, туристическое агентство «Магазин путешествий» (Москва, РФ); старший преподаватель кафедры: менеджмент Гостиничного и Ресторанного бизнеса;
e–mail: preobrazhenskiy–ab@ranepa.ru
ГАРКУШИНА Наталья Анатольевна
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, студентка факультета Гостеприимства;
e–mail: ngarkushina–19@edu.ranepa.ru

Аннотация

Современный туризм в Российской Федерации является одной из быстроразвивающихся сфер экономики, оказывая существенное влияние на природную, социальную, культурную и экономическую среду дестинаций. При этом стремительный рост туристического потока сопровождается решением проблем, связанных с отсутствием современных гостиниц, качества и наличия дорог, консервативным ассортиментом туристического продукта, предлагающим туристам маршруты и виды путешествий, созданные ещё при Советском Союзе. Наличие гостиниц в том или ином районе, доступность потенциальных мест отдыха или экскурсионных маршрутов — это те проблемы, которые все чаще и чаще обсуждаются как в научных публикациях, так и в массмедиа. Поэтому целью статьи является предложение некоторых путей решения этой проблемы. Авторы статьи анализирует причины, оказывающие влияние на рост туристического рынка, и определяет факторы, приводящие к сдерживанию туристического потока в отдельных дестинациях. Авторы предлагают путём введения в ассортимент туристического продукта на территории РФ новых, мало используемых или вовсе не используемых нишевых видов турпродукта существенно расширить число российских и иностранных туристов, не затрачивая на создание этих продуктов средств, которые могли бы понадобиться при создании традиционных видов турпродукта.

Актуальность тематике исследования подтверждается рядом вопросов, поднимающихся в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей [3–9, 11–7].

Изучение опыта и этапов развития собственного туристического агентства показало устойчивый рост интереса российских граждан к путешествиям внутри своей страны, а социологические опросы аналитических служб выявили недостаточную осведомлённость иностранных туристов о туристических возможностях нашей страны. Поэтому авторы предлагают ввести в ассортимент туристических продуктов новый вид путешествия и принять меры по расширению уже существующих, но недостаточно развитых турпродуктов. Авторы приводят примеры успешных зарубежных практик, которые показывают популярность предлагаемых продуктов среди зарубежных и российских туристов. Авторы уделяют значительное внимание возможностям нишевых турпродуктов, предлагают пути решения расширения турпотока посредством перехода от традиционной модели ассортимента туристского продукта к стратегической, от экстенсивного (развитие вширь) до интенсивного (развитие вглубь). Вопросы расширения ассортимента особенно актуальны сегодня для России, где поток ту–

ристов направлен на две ключевые дестинации — Санкт–Петербург и Москву, поэтому результаты проведенного исследования могут быть полезны в стратегическом планировании развития сферы туризма.

Ключевые слова: ассортимент туристического продукта, железнодорожный туризм, караванинг, арендованные катера, новые направления туристических путешествий, пути решения проблем с вложением средств в инфраструктуру туризма.

Для цитирования: Преображенский А. Б., Гаркушина Н. А. Новые виды туризма как резерв для увеличения внутреннего и въездного туристического потока в Российской Федерации // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 29–42. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–29–42

Статья поступила в редакцию: 16.05.2021.

Статья принята к публикации: 16.06.2021.

New types of tourism as a reserve for increasing the domestic and inbound tourist flow in the Russian Federation

Alexander B. PREOBRAZHENSKY, Senior lecturer, preobrazhenskiy–ab@ranepa.ru
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation
Natalia A. GARKUSHINA, ngarkushina–19@edu.ranepa.ru
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

Abstract. Modern tourism in the Russian Federation is one of the rapidly developing areas of the economy with a significant impact on the natural, social, cultural and economic environment of destinations. At the same time, the fast growing tourist flow causes the solutions of the problems associated with the lack of modern hotels, quality and availability of roads, a conservative assortment of tourist products offering routes and types of travel created during the Soviet Union. The presence of state hospitals in a particular area, the availability of potential places of recreation or sightseeing routes are the key problems discussed both in scientific publications and in the mass media. Therefore, the purpose of the article is to offer some ways to solve this problem. The authors of the article analyze the reasons that influence the growth of the tourist market, and determine the factors that lead to the containment of the tourist flow in certain destinations. The authors propose to expand significantly the number of Russian and foreign tourists by introducing new, little–used or completely unused and unpopular types of tour products into the range of tourist products on the territory of the Russian Federation, without spending money on the creation of these products that they might need when creating traditional types of tourist products. A number of issues raised in the works of both domestic and foreign researchers confirms the relevance of the research topic [3–9, 11–7]. The study of the experience and stages of development of our own travel agency showed a steady increase in the interest of Russian citizens to travel within their country, and sociological surveys, analytical services revealed insufficient awareness of foreign tourists about the tourist opportunities of our country. Therefore, the authors propose to introduce a new type of travel into the range of tourist products and take measures to expand existing, but insufficiently developed tourist products. The authors give examples of successful foreign practices that show the popularity of the products offered among foreign and Russian tourists. The authors pay considerable attention to the possibilities of unpopular tourist products, suggest ways to solve the expansion of the tourist flow, through the transition from the traditional model of the range of tourist products to the strategic one, from the extensive (development in breadth) to the intensive (development in depth). The issues of expanding the assortment are especially relevant today for Russia, where the flow of tourists follows two key destinations — St. Petersburg and Moscow, so the results of the study can be useful in strategic planning of the development of the tourism sector.

For citation: Preobrazhensky A. B. & Garkushina N. A. (2021). New types of tourism as a reserve for increasing the domestic and inbound tourist flow in the Russian Federation. Service plus, 15 (3), DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–29–42 (In Russ.).

Submitted: 2021/05/16.
Accepted: 2021/06/16.

Путь российской индустрии туризма от тотальной государственной монополии до возможности свободно и легально организовывать путешествия граждан России, был не столь лёгким, в отличие от других видов коммерческой деятельности. Закон СССР от 26.05.1988 № 8998–XI «О кооперации в СССР» разрешал оказывать населению огромный спектр услуг из сферы потребления, но оказание услуг туристического направления, особенно в части выезда за рубеж, по–прежнему оставалось в руках государственных структур и строго регламентировалось. 20 мая 1991 года закончился период «железного занавеса» — президент СССР Михаил Горбачев подписал принятый Верховным Советом СССР Закон СССР «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР», разрешавший советским гражданам выезжать за границу без выездной визы. Но получение общегражданского паспорта и многочисленные документы, регламентирующие право на выезд в ту или иную страну, по–прежнему ставили серьёзные барьеры на пути туристов, желающих выбраться за границу нашей страны. 1 января 1993 года в Российской Федерации вступил в силу Закон СССР «О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР». Подтверждение легитимности на территории России этого союзного закона засвидетельствовано специальным постановлением парламента от 22 декабря 1992 года. И этот закон уже не существующей страны действовал в России до 18 июля 1996 г., когда Государственная Дума РФ приняла Федеральный закон № 114–ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Закон вступил в силу от 15 августа 1996 г.

Логично было бы считать, что именно с 1 января 1993 года и надо было бы начинать историю российской туриндустрии, но в профессиональной среде принято считать, что туристическая индустрия заявила о себе как о самостоятельной и состоявшейся отрасли в 1995 году, когда в небо поднялись первые чартерные рейсы, которые показали, что в стране появилась новая индустрия, способная решать глобальные, масштабные задачи мирового масштаба.

Исходя из вышеизложенного можно заявлять, что в 2021 году туристической отрасли Российской Федерации исполняется 25 лет.

Разрозненный и мелкий туристический бизнес впервые заявил о себе как об индустрии туризма, владеющей всеми составляющими успешной отрасли, а именно, о наличии в отрасли производства (туроператорский сегмент), сбыта (туристические агентства), продукта (предложение пакетных и индивидуальных туров) и международных связей. И, конечно же, возрастающий с каждым годом поток туристов убедительно доказал существование в стране рынка туристических услуг.

С той поры произошёл ряд структурных и концептуальных перемен, появился «Закон об основах туристической деятельности», который претерпел ряд многочисленных изменений и дополнений, менялся и ландшафт рынка, и игроки, лидирующие на нём.

К существенным изменениям, происшедшим на туристическом рынке, следует отнести и поворот отрасли от модели преимущественной отправки туристов за рубеж и формирование продукта на основе предложений иностранных туроператоров, к формированию продукта на основе предложений путешествия по территории России. Иными словами, туроператоры стали активнее предлагать туры на основе внутреннего продукта, а агенты включились в процесс сбыта путешествий по России. Причины, приведшие к этому явлению, не входят в задачи этой статьи и подлежат рассмотрению в отдельном порядке. Однако один из авторов этой статьи как владелец на протяжении 25 лет туристического агентства может отметить, что доля продажи туров по России за последние 12 лет существенно подросла и показывает стабильную тенденцию к дальнейшему росту.

Отметим, что это агентство имеет филиал в Москве и Липецке.

В Липецке тенденция увеличения спроса на путешествия по России существенно выросла, в основном благодаря введению в ассортимент агентства экскурсионных туров по Липецкой и прилегающим к ней областям. Особо необходимо отметить, что на предложение такого рода туров потребитель ответил безусловной поддержкой, и они стали пользоваться огромным спросом.

Таблица 1. Результаты продаж туров в Москве и Липецке
Table 1. Results of tour sales in Moscow and Lipetsk

Расположение агентства	Москва						Липецк					
гг.	2008		2013		2017		2008		2013		2017	
Пляжные, %	65	3	70	3	60	12	75	1	78	5	50	15
Экскурсионные, %	12	1	10	5	7	4	10	0	2	5	3	25
Оздоровительные, %	10	2	5	3	6	6	8	1	3	3	2	3
Другое, %	6	1	3	1	4	1	5	0	0	2	0	2
Всего, %	93	7	88	12	77	23	98	2	85	15	55	45

В 2019 году, в московском агентстве число туров за рубеж и спрос на путешествие по России практически сравнялось, а в Липецке спрос на путешествие по России достиг 65 %.

Возможно, пример одного агентства из тысячи работающих на туристическом рынке России может показаться недостаточным и субъективным, в этом случае предлагаем обратиться к данным, приведённым в Отраслевом отчёте № 2 (15) «Рынок туристических услуг. Потребительское поведение и поведение россиян». В ходе составления данного отчёта аналитическим центром НАФИ в 2018 году было опрошено 1 600 жителей нашей страны. В результате доля россиян, планирующих отправиться в отпуск за границу или провести его в России составила 40 %, а граждан, планирующих провести отпуск за рубежом — 28 %.

Эти цифры убедительно доказывают, что рост спроса на внутренний туристический продукт растёт, и существует явная тенденция на достижение некого паритета между внутренним туристическим продуктом и предложениями путешествия за рубеж.

Но как раз в точке роста и наступает время проведения анализа, который призван ответить на извечные вопросы — что делать дальше и где мы отстаём?

Многочисленные беседы, опросы, анализ отзывов путешественников приводят к выводам, что основные точки проблем, которые необходимо решать, на данный момент находятся в следующих составных частях туристической отрасли:

— имидж и бренд территории;
— туристический продукт;
— ассортимент предложений.

Е. А. Джанджугазова, В. В. Лапочкина отмечают: «*говоря об имидже регионов, мы подразумеваем целый комплекс ассоциативных представлений, соотносимый индивидом с регионом. В некоторой степени он близок к понятию «социальный стереотип», но стереотипы обычно возникают непроизвольно, в то время как имидж тщательно продумывается и конструируется, а следовательно, им можно управлять*» [9].

Зададим себе вопрос: много ли городов, областей, краёв нашей страны в нашем сознании индивида имеют свой имидж? Конечно же, сразу возникают образы Москвы, Санкт-Петербурга, Сочи, возможно, Суздаля или Ярославля и в большинстве случаев на этом перечень заканчивается.

Что уж тут говорить, если даже Российская Федерация, наша с вами страна, не имеет своего имиджа, направленного на международный и внутренний рынок!

Рассмотрим роль формирования имиджа территории на примере Греции. Греция — один из примеров сильного туристического бренда, который ежегодно лидирует по показателям узнаваемости, потребительских предпочтений и лояльности. Сущность бренда передаёт колорит страны, подчеркивает уникальность территории, ее неповторимую историю и природу, выделяет преимущества выбора Греции в качестве места отдыха. Греция применяет приём, сущность которого заключается в периодической смене бренда страны, что позволяет проецировать его на существующую реальность и на основе этого формировать спрос на туристические услуги страны, исходя из существующей в мире экономической и политической ситуации. Так, в кризисном 2013 году Греция выходила на международный туристический рынок с брендом «Доступная роскошь», соединив в одном предложении и доступность своего продукта, и роскошь за минимальные средства.

Мало иметь свой разработанный бренд, его надо умело и настойчиво продвигать. Много ли наших регионов могут быть уверенными, что их имидж, их бренд известен всей стране?

Опросив 60 агентств Москвы и Липецка, мы не смогли получить от сотрудников туристических агентств ни одного внятного ответа о том, как именно позиционирует себя Москва или Липецк. Бренд Липецкой области «Жемчужина России», закреплённый решением властей области, не известен ни одному из 50 опрошенных нами клиентов агентства «Магазин Путешествий» (Москва).

И такой итог ожидаем. Формирование известности, продвижение бренда той или иной территории на туристическом рынке нельзя решить силами только туристического бизнеса, да и не являются эти мероприятия их задачей. Продвижение бренда территории, укрепление его имиджа — это всецело задача органов власти, отвечающих за привлечение туристов на территорию своего региона, а совмещение усилий бизнеса и властных структур, несомненно, отразится на результате и сделает территорию узнаваемой и востребованной в туристическом плане.

Туристический продукт

Россия — страна, имеющая огромный туристический потенциал. Трудно переоценить исторические, культурные, природные ресурсы нашей страны, и именно на них должно базироваться формирование туристического продукта, как для внутреннего, так и для международного рынка.

Но если посмотреть на этот процесс внимательно, можно обнаружить, что на данный момент более 90 % туристических предложений базируется на том, что досталось туристической отрасли от наследства Советского Союза. Если экскурсионная поездка, то это города Золотого кольца, если круиз, то по Волге на судах, построенных во времена СССР. Отдельные попытки создать принципиально новый туристический продукт всё же встречаются, и, как правило, они успешны. Вспомним создание практически «с нуля» Родины Деда Мороза в Великом Устюге или о весьма удачном проекте организации музейного села Вятское в Ярославской области, и таких примеров можно привести немало. Всё это говорит о том, что создание нового туристического продукта на территории страны возможно и коммерчески выгодно. Однако и здесь есть резервы. Речь идёт о расширении ассортимента туристических предложений в соответствии с тенденциями, которые существуют и востребованы на международном туристическом рынке. Россия, страна огромных территорий, страна, каждая часть которой необыкновенно прекрасна и, к сожалению, порой абсолютно недоступна!

Туристической отрасли Росси нужны новые продукты, которые позволяли бы доставлять как наших, так и иностранных туристов в места, которые в настоящее время недоступны в силу отсутствия дорог или транспорта, способного доставить в то или иное место группу туристов или индивидуального путешественника. Нет в этих регионах и достойных средств размещения, способных удовлетворить запросы как российских, так и иностранных туристов, зато есть проблемы с питанием и порой безопасностью путешествующих. Но именно в этих регионах и таятся подлинные сокровища нашей страны. В лесах Тверской области в окрестностях озера Селигер находится исток великой европейской реки Волги, в сердце Липецкой области стоит один из древнейших городов России — красавец Елец (1146 г.), а много ли туристов доезжает до чудного Торжка, способного удивить гостей своими кулинарными традициями, есть ли среди наших и зарубежных путешественников посетители единственного в нашей стране Музея российских национальных напитков в Гаврилов Посаде[1]? Легко ли нашим туристам доехать до Байкала, есть ли достойные гостиницы в Омске или в селе народных живописцев — Палехе? Чаще всего мы будем вынуждены отвечать отрицательно. Является ли отсутствие гостиниц, нахождение тех или иных интересных мест в стороне от традиционных туристических маршрутов препятствием для привлечения в них туристов и вовлечения их в число туристических объектов? При современном положении дел, когда мы связаны стереотипами норм существующих типов туризма — конечно же, это непроходимые препятствия! А между тем существуют виды туризма, которые позволяют устранить вышеозначенные препятствия, открыть для российского и зарубежного туриста подлинные сокровища российской глубинки и избежать при этом такого всеми нами нелюбимого явления, как оверт-туризм.

Мы хотим предложить вам обзор таких видов путешествий, которые весьма популярны во всём мире, а в нашей стране почти или совсем не используются.

Речь пойдёт о следующих видах:

- Железнодорожный туризм
- Караванинг (один из видов автомобильного туризма)

[1] www.mdcentr.com

- Хаусботинг, или путешествие на арендованных круизных катерах, самостоятельно управляемых туристами.

Все эти виды рассчитаны на определённый тип путешественников, которые не стремятся к излишней роскоши, считают, что только продвижение дальше и вперёд — это единственное, что может называться туризмом. Эти люди понимают смысл слова «путешествие» как «шествие по пути». Можно усомниться и возразить, что, очевидно, таких людей немного и они не составляют интереса для бизнеса. Конечно, по сравнению с миллионами пляжных «активистов» число такого рода путешественников не впечатляет, но и не является исчезающе малой величиной! Только одна компания LeBoat, организующая путешествия на арендованных круизных катерах, предоставила свои услуги в 2019 году — 102 000 человек[2], а таких компаний в Европе по меньшей мере 12! А сколько туристов путешествует по всему миру на своих автомобилях и каждый день садятся в туристические поезда?! И для всех них наша страна — это огромное белое пятно.

Россия обладает протяжённой сетью железных дорог, огромным количеством автомобильных трасс, наши водные пути одни из самых разветвлённых в мире! И все эти возможности либо не используются, либо используются не в полную силу.

Но так ли уж важно для российского туриста наличие в ассортименте предложений таких туристических продуктов?

Для ответа на этот вопрос предлагаем рассмотреть следующие параметры, отражающие, на наш взгляд, потенциал того или иного туристического продукта:

- Тенденции спроса
- Новизна продукта
- География и сезонность
- Значение и роль туристического продукта в формировании образа страны, необходимого для повышения уровня туристической привлекательности России на внутреннем и внешних рынках
- Финансовая составляющая продукта. Затраты на создание продукта, его продвижения и эксплуатации. Прогноз ожидаемой прибыли.

Тенденции спроса:

На наш взгляд, такие виды туристического продукта, как железнодорожный туризм, караванинг и путешествие на хаусботах, стоит отнести к активным видам туризма. Все они подразумевают активное перемещение в пространстве, имеют своей целью осмотр как можно большего количества тех или иных объектов, будь то достопримечательности или виды природы, требуют от участников путешествия определённых навыков и умений, а порой и немалой доли физической активности.

В то же время изучения спроса нам нужно для того, чтобы понять — какая возрастная группа может сформировать в дальнейшем потребность на изучаемые нами виды туристического продукта.

Обратимся к данным, представленным Аналитическим центром НАФИ в отчете за 2017 год [2].

Россияне отвечали на вопрос: «Какие виды отдыха Вы предпочитаете?». Было опрошено 1 600 человек, данные в таблице рассчитаны в % от всех опрошенных, представлена динамика по годам.

Таблица 2. Результаты ответа на вопрос «Какие виды отдыха Вы предпочитаете?» (по данным [1])

Table 2. Results of the answer to the question «What types of holidays do you prefer?» (according to the data [1])

Виды отдыха	2017	2018
Пляжный отдых	38	34
Лечение в санатории	15	14
В домах отдыха; пансионатах	8	10
Активный отдых (катание на лыжах, сноуборде, походы, рыбалка, охота и т. д.)	30	23
Познавательный отдых — экскурсии, путешествия по историческим, памятным местам	20	23
Отдых на даче, огороде	36	25
Отдых дома	35	29
Другое	1	1
Затрудняюсь ответить	2	11

https://nafi.ru/analytics/rynok-turisticheskikh-uslug-potrebitelskoe-povedenie-i-plany-rossiyan-sotsiologiya-statistika-publik/

Данные опроса показывают, что доля активного отдыха вкупе с познавательным отдыхом показывает 50 % в 2017 году и 46 % в 2018 году, что даёт нам основание говорить о достаточно весомой доле потенциальных клиентов, готовых принять рассматриваемые нами виды туристического продукта, а следовательно, мы вправе ожидать достаточно высокий спрос на эти виды туризма. Несколько настораживает

[2] https://www.leboat.com/about-us/press-office

Таблица 3. Результаты ответа на вопрос «Какие виды отдыха Вы предпочитаете?» по возрастным группам (по данным [1])

Table 3. Results of the answer to the question «What types of holidays do you prefer?» by age groups (according to [1])

Виды отдыха	18–24	25–34	35–44	45–54	55 и старше
Пляжный отдых	55	48	44	33	14
Лечение в санатории	2	7	9	15	24
В домах отдыха; пансионатах	2	4	8	11	17
Активный отдых (катание на лыжах, сноуборде, походы, рыбалка, охота и т. д.)	43	34	29	18	8
Познавательный отдых — экскурсии, путешествия по историческим, памятным местам	30	25	29	28	11
Отдых на даче, огороде	16	19	20	28	35
Отдых дома	23	18	27	30	39
Другое	1	1	2	1	1
Затрудняюсь ответить	12	12	1	12	8

тенденция к снижению доли потребителей, участников активного туризма. На наш взгляд, внедрение в ассортимент туристических предложений таких видов активного туризма, как караванинг и путешествие на арендованных хаусботов, сумеет существенно скорректировать эту тенденцию в сторону повышения доли активных туристов.

Вывод. Спрос на активные виды туризма в сегменте внутреннего туризма существует и, в отличие от мирового рынка потребления, где изучаемыми нами видами турпродукта пользуются в основном люди от 50 лет и выше, в России потенциальная клиентская группа ж.–д. туризма, караванинга и хаусботов будет, с большой долей вероятности, формироваться из молодых возрастных групп от 18 до 44 лет.

Рассмотрим потенциальный спрос на активный отдых в России со стороны иностранных туристов. В Отчёте Всемирной туристической организации за 2019 год [18], в котором рассмотрены основные тенденции туристического спроса современного потребителя.

Первые три позиции в этом перечне занимают следующие тенденции:

- Путешествие ради изменения. Живите как местный житель, стремитесь к подлинности и трансформации. По разъяснению сотрудников ЮНВТО имеется в виду стирание граней в сфере межкультурных различий.
- Путешествие для «поделиться увиденным», фото в Instagram, комментарии, впечатления и рекомендации.
- Стремление к здоровому образу жизни. Прогулочный, оздоровительный и спортивно-активный туризм.

Как мы видим, эти тренды направлены на стирание межкультурных различий, они включают в себя стремление не только самому совершить путешествие, но и передать свои впечатления, опыт, полученный во время тура, другим людям, которые пока ещё не были в той или иной местности нашей планеты. Для нас же, как для авторов этой статьи, значение имеет тренд на активный туризм с элементами спортивных и оздоровительных составляющих. Вкупе с возможностями общения с местными жителями и возможности передачи в социальных сетях своих впечатлений о новых, доселе неизвестных местах — эти тренды впечатляюще доказывают необходимость внедрения в ассортимент туристического продукта России таких продуктов, как караванинг, железнодорожный туризм и плавания на арендованных катерах по рекам России.

Как таковых исследований на тему готовности провести своё путешествие по России в активном стиле, к сожалению, не проводилось, но учитывая достаточно большую долю сторонников такого рода туризма в Европе и во всём мире, можно с уверенностью считать, что на рынке въездного туризма предложения активных видов туризма найдут своих сторонников.

Имея опыт приёма иностранных туристов в России, в рамках своего агентства можем апеллировать

к мнению иностранных туристов, которые неоднократно указывали на тот факт, что Россия из года в год предлагает достаточно классический туристический продукт, в большей мере ориентированный на представление культурного и исторического наследия страны. Не отрицая важность и высокий интерес со стороны зарубежного туризма к такого рода достопримечательностям, мы считаем, что включение такого рода туристического продукта, как самостоятельные путешествия, на такого рода транспорте, как автомобиль (VR караван) и арендованный круизный катер, может существенно расширить палитру предложений интересных объектов нашей страны. Как мы уже писали ранее, такого рода турпродукт даёт возможность иностранным туристам с комфортом и с большей долей самостоятельности добраться до самых отдалённых уголков нашей страны, мест, где достопримечательностей не меньше, чем в городах Золотого кольца, но нет толп туристов, нет нужды каждый день вновь и вновь собирать и распаковывать чемоданы.

По данным Всемирной туристической организации (UNWTO), Россия в мировом туризме входит в десятку самых популярных стран среди европейских. Однако в этом же отчёте отмечается, что несмотря на достаточно высокое место в рейтинге туристического спроса, в нашу страну едут далеко не платёжеспособные туристы, это доказывает совсем уже непочётное 21–е место по количеству трат туриста во время его пребывания в России. В то же время путешествие на туристическом поезде стоит от 4 тыс. евро за недельную поездку (например, Андалузский экспресс), аренда круизного катера от 1 600 евро за недельный круиз, а собственный VR караван в среднем стоит от 50 000 евро. Вот такой турист может заменить или существенно разбавить долю заполонивших российский рынок въездного туризма бекперов (backpackers — самостоятельные туристы, путешествующие с рюкзаками за плечами, по принципу «всё своё ношу с собой»).

Таким образом, можно отметить следующее.

— Российский въездной туризм существенно выиграет, предложив мировому туристическому рынку туристический продукт, основанный на таких продуктах, как караванинг, ж.д.–туризм, аренда круизных катеров.

— Введение в ассортимент предложений этих видов путешествий существенно расширит количество культурных, исторических, природных объектов, предлагаемых для посещения иностранным туристам.

— Самостоятельное путешествие подразумевает контакты с местным населением, что расширит представление зарубежных туристов о России и её жителях, будет способствовать разрушению негативных мифов о нашей стране и снижению градуса русофобии.

Путешественники, которые совершают поездки на поездах, в машинах — караванах или на арендованном круизном катере, тратят гораздо больше средств, по сравнению с традиционными туристами, организованными в группы.

Новизна продукта

Как мы уже отмечали, туристической отрасли России исполняется в 2021 году 25 лет и, казалось бы, за эти годы туроператоры и турагенты должны были освоить все виды туристических предложений. Однако вышеприведённый опрос ясно показывает явный перекос спроса в сторону пляжных туров и чётко указывает на тенденцию увеличения интереса к пассивным видам отдыха. По опыту продаж в собственном турагентстве также можно сказать, что интерес россиян к путешествию как таковому падает год от года. Такие настроения наблюдаются и в молодёжной среде. Тем не менее зачастую, возвращаясь из того или иного пляжного тура, наши клиенты рассказывают, что они, уже находясь на курорте, с удовольствием участвовали в пешеходном или велосипедном туре, научились стоять на доске для серфинга или путешествовали по побережью страны на арендованном автомобиле. Даже поверхностный взгляд на предложения российских туроператоров показывает, что в стране просто нет предложений по организации велосипедных или пешеходных туров, за волной рекламы пляжного отдыха не слышны слабые голоса фирм, организующих железнодорожные поездки или аренду VR–караванов, из опрошенных нами студентов института ИОМ, входящего в структуру РАНХиГС, никто не слышал о предложениях туроператора «Арт–тур», представителя компании LeBoat в России.

Россияне с удовольствием потребляют новые продукты, им нравится испытывать доселе неизвестные им ощущения, побывать в местах, куда до этого момента им было недосуг или не имелось возможности добраться, понравятся им и те возможности для отдыха компанией, которые дают рассматриваемые нами виды туристического продукта.

То есть новизна и необычность железнодорожного туризма, караванинга, плавание на арендованных круизных катерах послужат гарантом возникновения спроса на эти виды турпродукта и, с большой долей вероятности, может поднять роль активного туризма на туристическом рынке России.

География и сезонность

Рассматриваемые нами виды турпродукта органично входят в структуру ассортимента туристического рынка России. Все они могут использоваться на всей территории страны, которая имеет третью в мире протяжённость железнодорожных путей (85 000 километров железных дорог, по данным Международного союза железных дорог International Union of Railways)[3]; пятое место в мире по протяжённости автомобильных дорог — 1 млн 529,4 тыс. км (Данные Росстата, от 2018г.)[4]; общую протяжённость внутренних водных путей федерального значения 101 484,8 км, что выдвигает Россию на второе место в мире после Китая (данные Министерства транспорта Российской Федерации (Росморречфлот)[5].

Кроме хаусботов, все эти виды путешествий являются круглогодичными на всей территории нашей страны.

Другими словами, предлагаемые для анализа виды путешествий могут использовать всю территорию нашей страны от уже освоенных туристическим бизнесом, до достаточно удалённых от основных туристических маршрутов. За исключением путешествий по рекам и озёрам, караванинг и путешествия по железной дороге могут быть использованы на протяжении всего года и не имеют сезонных ограничений.

Значение и роль новых видов туристического продукта в формировании образа страны, необходимого для повышения уровня туристической привлекательности России на внутреннем и внешних рынках

Для жителей России культурное и историческое разнообразие нашей страны является фундаментальным обоснованием для принятия решения посетить тот или иной город или место. Но как показывают данные, представленные Аналитическим центром НАФИ в Отраслевом обзоре № 2 (15) Февраль 2019 г. «Рынок туристических услуг: Потребительское поведение и планы россиян» [1], в сознании россиян почти все самые культовые достопримечательности сконцентрированы в Москве и Санкт-Петербурге.

Опрошенным предлагалось назвать три главные достопримечательности России, которые являются визитной карточкой страны. Форма ответов была свободной — назывались как отдельные объекты, так и города или регионы, где эти объекты находятся. Среди наиболее популярных были отмечены респондентами такие:

- Кремль (39 %),
- Красная площадь (33 %)
- озеро Байкал (18 %).

Наличие возможности спланировать своё путешествие, самому привести свой автомобиль или круизный катер в то или иное место откроет жителям нашей страны возможность приехать в те места, которые ещё не открыты или только открываются для массовых путешествий. Автомобиль-караван можно будет поставить на специально оборудованную стоянку в Осташково и полюбоваться на закат на озере Селигер, катер встанет у берега реки Тверца в Торжке, один из древнейших городов России Елец встретит караванеров или плывущих на катере по реке Сосна перебором Елецкой гармошки и у туристов, как внутренних, так и иностранных, в перечне самых красивых достопримечательностей нашей страны появятся новые адреса.

Памятники воинской славы россияне также считают достопримечательностями национального уровня: это города-герои и Мамаев Курган. Олимпийские объекты и курорты Сочи и Красной Поляны особо популярны среди жителей Сибирского и Южного федеральных округов (по 12 % соответственно).

В воспитании патриотизма нет равных туристических продуктов тем предложениям, что может дать железнодорожный туризм. «Поезда Памяти», экспедиции по местам самых важных битв Великой Отечественной войны, посещение международных спортивных состязаний, таких как Олимпийские игры в Сочи, — все эти и многие другие мероприятия проводят туристические фирмы, организующие туры на туристических поездах. Мы расскажем об этом подробнее в разделе, посвящённом железнодорожному туризму.

[3] https://uic.org/europe
[4] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/transport/#.
[5] http://morflot.gov.ru/vvt.html

Для иностранного туризма введение в ассортимент предложений для въездного туризма, караванинга, туристических поездов и самостоятельного плавания по рекам России на круизных катерах явится ещё одним фактором продвижения нашей страны на туристическом рынке мира.

Согласно исследованиям аналитического центра НАФИ «Туристическая привлекательность России для жителей стран Европы», по мнению опрошенных европейцев, помимо проблем со стоимостью и транспортными условиями поездки, барьерами к посещению России также является отсутствие информации о ней как о туристском направлении. Это ясно показывает ответ на вопрос — «За последние полгода Вы встречали в СМИ информацию о туристских достопримечательностях России?». Только треть европейцев встречали в СМИ информацию о туристских достопримечательностях России за последние полгода (33 %). Чаще всего с такой информацией сталкивались жители постсоветских и восточноевропейских стран, близких нам территориально (46–47 %). Жители других европейских регионов встречали информацию о туристских достопримечательностях России в медиа значительно реже — 24 %, но при этом степень удовлетворённости от поездки в Россию достигает 91 %!

Распределение ответов на вопрос «Если Вам ранее приходилось посещать Россию в качестве туриста, насколько Вы остались довольны поездкой в целом?» 95 % ответило, что удовлетворены поездкой, а 5 % — нет.

Туристы, путешествующие на поездах, автомобилях, катерах, в отличие от обычных визитёров, имеют свои сплочённые общим интересом сообщества, они входят в различные ассоциации, в своих блогах и социальных сетях, активно делятся между собой своими впечатлениями, мнениями, обмениваются советами и рекомендациями. Таким образом, мы можем быть уверенными, что тема активных путешествий по нашей стране будет широко представлена на сайтах ассоциаций караванеров, в блогах любителей железнодорожных путешествий, а фотографии незабываемых пейзажей и русской природы, снятые с борта круизного катера, побудят новых путешественников посетить нашу страну.

То есть подводя итог вышесказанному, нужно отметить, что позитивная доля впечатлений от посещения доселе неизвестных широким туристическим кругам Европы местам, городам, природным объектам будет способствовать продвижению положительного имиджа нашей страны на глобальном туристическом рынке Европы и всего мира.

Финансовая составляющая продукта: затраты на создание продукта, его продвижение и эксплуатацию. Прогноз ожидаемой прибыли

Как правило, внесение в существующий порядок чего–либо нового вызывает сомнения и порождает множество вопросов и сомнений. Это нормальная и ожидаемая реакция на те или иные изменения, ведь зачастую вмешательство в нормально работающий процесс приводит к тому, что новое не приносит пользы и существенно вредит стабильности, уже доказавшей свою состоятельность. Поэтому так важно обеспечить плавный — эволюционный, путь внедрения новых туристических продуктов в уже существующий ассортимент туристического рынка России, важно понимать, каким путём будет происходить внедрение этих видов путешествия, кто из участников рынка будет финансировать проекты, кто будет их продвигать, кто эксплуатировать и в каких случаях надо будет объединяться для решения той или иной задачи.

Когда мы говорим о финансовой составляющей процесса появления на рынке нашей страны нового туристического продукта, мы понимаем, что помимо поездов, автомобилей и катеров, постройка или приобретение которых потребует определённых средств, главным условием, необходимым для создания предпосылок к появлению, эксплуатации и продвижению этих новых видов туристического продукта, является наличие инфраструктуры, позволяющей использовать все эти средства передвижения! И именно эта инфраструктура делает караванинг, ж.–д. туризм и хаусботы не только интересным турпродуктом, но и чрезвычайно выгодной статьёй дохода для бюджета страны. Прежде всего это увеличит количество внутренних и иностранных туристов, которые найдут для себя новый, отвечающий их интересам и возможностям вид отдыха, появляются новые возможности для малого и среднего бизнеса, увеличивается количество новых рабочих мест, внедряются новые технологии.

Для туристических поездов необходимо строительство новых ж.–д. путей, приспособленных для отстоя вагонов, а в некоторых случаях приведение в соответствие с нуждами туристов уже существую–

щих. С появлением технологий переработки бытовых отходов, способных сублимировать жидкие фракции в твёрдое состояние, вагоны не загрязняют окружающую среду. Современные вагоны по своему комфорту не отличаются от гостиничного номера и способны предоставить туристам все удобства и сервис, который они получают в нормальных условиях, и это сделает ненужным строительство специальных туристических стоянок. И в этом варианте необходима кооперация частного бизнеса со структурами РЖД. Строительство современного туристического поезда потребует существенного капиталовложения, но они несовместимы по своим размерам с затратами на строительство гостиницы классического вида, а наличие на борту ж.–д. состава 100–120 пассажиров делает возможной окупаемость вложений средств в создание такого рода поезда в течение достаточно короткого времени.

Караванинг имеет, пожалуй, самые лучшие шансы на быстрое развитие из всех видов туризма, которые мы рассматриваем в нашем материале. Россия входит в число стран — лидеров по протяжённости сети автомобильных дорог, автомобили покупают или берут напрокат сами караванеры, для караванинга не надо строить гостиницы. Затраты на строительство кемпингов или обустроенных стоянок для автомобилей не совместимы с затратами на строительство отелей. В этом случае необходимо только понимание местных властей, что выделение местным предпринимателям участков земли для обустройства кемпинга привлечёт в их город новых туристов, которые будут пополнять местный бюджет, загружать работой местные трудовые ресурсы, продвигать регион в своих блогах и репортажах.

Что касается арендных круизных катеров (хаусботы), здесь также прослеживается очевидная выгода для федерального и местных бюджетов.

В этом случае не потребуется строительство дорог или новых отелей, вложения государственных средств также не нужно.

Скорее всего, ввиду отсутствия отечественных круизных катеров и инвесторов, видящих выгоду во вложении средств в этот вид туризма, первыми на наш рынок придут зарубежные компании, специализирующиеся на предоставлении такого рода продукта на рынке Европы, например английская фирма LeBoat, уже имеющая своего генерального представителя в России и понимающая потенциал российского рынка. Эта фирма и привезёт свои катера в нашу страну. И в этом случае места стоянок катеров также будет строить малый и средний региональный бизнес, а государству и местным властям нужно будет проявит заинтересованность в выделении участков для строительства мини–портов для стоянки круизных катеров.

Таким образом, широкомасштабное внедрение на туристический рынок России таких видов туристического продукта, как караванинг, железнодорожный туризм и путешествие на круизных катерах, не потребует от государства значительного вложения средств и в то же время даст новые возможности для регионального и среднего бизнеса, создаст новые рабочие места, увеличит поступления налогов в местные бюджеты.

Каков же потенциал спроса на подобные виды туризма?

Подробнее этот вопрос мы рассмотрим во второй части нашей статьи, в которой дадим обзор каждого из этих туристических продуктов, здесь же стоит упомянуть, что спрос на эти виды туризма, несомненно, существует.

По словам директора туроператорской фирмы «Профцентр» (Самара)[6], железнодорожные туры, которые её фирма предлагает с 2012 года, пользуются повышенным спросом, бронирование носит опережающий характер и состав в 300 человек (школьные группы), никогда не уходит со свободными местами. Все, даже далёкие от туризма люди, знают, какой популярностью пользуются среди иностранных туристов билеты на обычный железнодорожный состав «Транссибирский экспресс».

В своём интервью г–н Артюхов — руководитель клуба любителей автопутешествий «Лига караванеров и Автопутешественников»[7], сообщил нам, что, по его подсчётам, количество караванеров в нашей стране может достигать от семи до десяти тысяч экипажей (экипаж — в среднем три человека), а количество иностранных VR–караванов, выходящих на наши дороги, по его мнению, достигает 1 000 машин организованных туристов и столько же самостоятельных экипажей. Как мы уже упоминали ранее, только одна из 12 предоставляющих путешествия на круизных катерах по Европе компания, LeBoat, в своём отчёте указала, что её услугами в 2019 году воспользовались 102

[6] http://profcentre.ru/turisticheskie–poezda
[7] http://caravanliga.ru

тыс. человек, из них 3 000 были из России. А сколько россиян путешествовало с другими компаниями? Представители компании LeBoat в беседе с нами подтвердили высокий интерес со стороны европейского потребителя к турам по рекам нашей страны. По их прогнозам, число иностранных туристов, готовых проплыть на круизном катере по нашим рекам, может составить до 3 тысяч экипажей за сезон. А это 10–12 тысяч туристов! По существующим нормам, локализация того или иного продукта на отечественном рынке приносит до 50 % туристов, ранее воспользовавшихся этим продуктом за рубежом. Таким образом, мы вправе ожидать минимум 1 500 российских туристов на бортах круизных катеров, плывущих по Оке, Тверце, Воронежу, Верхнему Дону, Волго–Донскому каналу и прочим водным путям!

Выводы

Затраты на создание и внедрение на туристический рынок России таких туристических продуктов, как караванинг, железнодорожный туризм, хаусботинг, не потребуют от государства существенного расхода средств, в основном эти расходы будут осуществляться за счёт малого и среднего бизнеса. Однако внедрение этих видов туризма окажет влияние на туристический рынок России. Новизна продукта, его доступность, экзотичность (в случае с круизными катерами), сравнительно малая цена, широкая география, делающая доступными даже ранее нетуристические места страны, — всё это скажется на росте турпотока. К тому же увеличится количество рабочих мест и бизнес–активность на местах.

Конечно же, не всё так легко, на пути внедрения этих туристических продуктов встанет много преград. Это, в первую очередь, устаревшее законодательство, отсутствие инфраструктуры, которую ещё предстоит построить, отсутствие отечественных инвесторов, готовых вкладываться в туристическую отрасль, и многое другое.

Но авторы статьи верят, что при наличии веры в эти проекты, доброй воли и здорового прагматизма со стороны местных властей все проблемы, стоящие перед внедрением новых продуктов, преодолимы, и караванинг, железнодорожный туризм, путешествия на круизных катерах займут достойное место на туристическом рынке России.

Список источников:

1. Аналитический центр НАФИ. Издательство НАФИ, 2017 г. Рынок туристических услуг: потребительское поведение и планы россиян Социология. Статистика. Публикации. Отраслевые обзоры. Вып. 2 (15)
2. Аналитический центр НАФИ, Авторы: Т. А. Аймалетдинов, В. И. Гриценко, О. А. Долгова. — М.: Издательство НАФИ, 2019.
3. Афанасьев О. Е. Туристские кластеры и дестинации: проблемы создания и продвижения // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2016. — Т. 10. — No 1. — С. 5–6.
4. Барсегян В. О., Кульмухаметова Ф. М. Факторы формирования и совершенствования потребностей общества // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2014. — Т. 8. — No 2. — С. 20–24 (DOI: 10.12737/4306).
5. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход (избранные труды по экономической теории). — М., 2003.
6. Валединская Е. Н. Роль и значение стратегического развития сферы услуг туризма и гостеприимства в региональной экономике // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2012. — No 4. — С. 79–86.
7. Власова Т. И. Экономика современного туризма: состояние и проблемы // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования. Труды VII Междунар. Науч.–практич. конф. — СПб.: «Д.А.Р.К.», 2012. — С. 24–31.
8. Голубчиков Ю. Н. Чем завлечь туриста в глубинку России? // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2015. — Т. 9. — No 3. — С. 12–17 (DOI: 10.12737/12877).
9. Джанджугазова Е. А., Лапочкина В. В. Маркетинговые методы формирования имиджа туристических территорий (на примере Смоленской области// «Современные проблемы сервиса и туризма». — М. — № 2. — 2007. https://readera.org/marketingovye–metody–formirovanija–imidzha–turistskih–territorij–na–primere–140205846
10. Рынок туристических услуг //Социология. Статистика. Публикации. Отраслевые обзоры. — Вып. 15. Авторы: Т. А. Аймалетдинов, О. А. Шарова; Л. Ю. Пустов.

11. Туристская привлекательность России для жителей стран Европы // Результаты межстранового исследования/ Аналитический центр НАФИ, авторы: И. А. Гильдебрандт, Т. А. Аймалетдинов — М.:Издательство НАФИ, 2020. — 50 с.
12. Page S. J. and Connell, J. (2006) Tourism: A modern synthesis (2nd edition). London: Thomson Learning
13. Presenza A. (2006) The performance of a tourism destination. Who manages the destination? Who plays the audit role? University of Molise, Department of Economics, Management and Social Science, Campobasso, Italy.
14. Mintel (2001) Adventure Travel. Global. November. London: Mintel. Swarbrooke, J & Horner, S (2007) Consumer Behaviour in Tourism (2nd edition). Butterworth–Heinemann, Oxford.
15. Swarbrooke J., Beard C., Leckie S. & Pomfret G. (2003) Adventure Tourism: The new frontier. Butterworth–Heinemann, Oxford.
16. Cooper C., Fletcher J., Fyall A., Gilbert D. and Wanhill S. (2008) Tourism: Principles and Practice, 4th ed. Essex: Pearson Education Limited.
17. Gershuny J. I. Changing Times: Work and Leisure in Post–industrial Societies. Oxford: Oxford University Press. 2000.
18. World Tourism Organization (2019), International Tourism Highlights, 2019 Edition, UNWTO, Madrid, ISBN printed version: 978–92–844–2114–5 DOI: https://doi.org/10.18111/9789284421152

References:

1. NAFI research centre NAFI Publishing House, (2017). The market of tourist services: consumer behavior and plans of Russians of Sociology [Rynok turisticheskih uslug: potrebitel'skoe povedenie i plany rossijan]. Statistics. Publications. Industry reviews, 2 (15). (In Russ.).
2. Aimaletdinov T. A., Gritsenko V. I., Dolgova O. A. (2019). Rynok turisticheskikh uslug: potrebitelskoe povedenie i plany rossiian [The market of tourist services: consumer behavior and plans of Russians]. — Moscow: NAFI Publishing House, 2019. (In Russ.).
3. Afanasyev O. E. (2016). Tourism cluster and destination: challenges of creation and promotion. Sovremennye problemy servisa i turizma [Service&Tourism: Current challenges], 10 (1), 5–6. (In Russ.).
4. Barseghyan V. O., Kulmukhametova F. M. (2014). Faktory formirovanija i sovershenstvovanija potrebnosteĭ obshhestva [Factors of formation and improvement of the needs of society]. Sovremennye problemy servisa i turizma [Service&Tourism: Current challenges], 8 (2), 20–24 (DOI: 10.12737/4306). (In Russ.).
5. Becker G. S. Human behavior: an economic approach (selected papers on economic theory). — Moscow: 2003. (In Russ.).
6. Valedynskaya E. N. (2012). Rol' i znachenie strategicheskogo razvitiya sfery uslug turizma i gostepriimstva v regional'noi ekonomike [The role and importance of strategic development of the service sector of tourism and hospitality in the regional economy]. Sovremennye problemy servisa i turizma [Service&Tourism: Current challenges], 4, 79–86. (In Russ.).
7. Vlasova T. I. (2012). Economics of modern tourism: state and problems. Turizm i rekreatciia: fundamentalnye i prikladnye issledovaniia [Tourism and recreation: fundamental and applied research]. Proceedings of the VII International scientific and practical conference. — St. Petersburg: «D. A. R. K.», 24–31.
8. Golubchikov Yu. N. (2015). How to attract a tourist to the hinterland of Russia? Sovremennye problemy servisa i turizma [Service&Tourism: Current challenges], 9 (3), 12–17 (DOI: 10.12737/12877). (In Russ.).
9. Dzhandzhugazova E. A. & Lapochkina V. V. (2007). Marketing methods of forming the image of tourist territories (on the example of the Smolensk region. Sovremennye problemy servisa i turizma [Service&Tourism: Current challenges], 2. URL: https://readera.org/marketingovye–metody–formirovanija–imidzha–turistskih–territorij–na–primere–140205846 (In Russ.).
10. Aimaletdinov T. A., Sharova O. A., Pustov L. YU. Rynok turisticheskikh uslug [The market of tourist services]. Sociology. Statistics. Publications. Industry reviews, 15. (In Russ.).

11. Hildebrandt I. A., Aimaletdinov T. A. (2020). Turistskaia privlekatelnost Rossii dlia zhitelei stran Evropy [The tourist attractiveness of Russia for residents of European countries]. Results of an inter–country study. — Moscow: NAFI Publishing House.
12. Page S. J. and Connell J. (2006) Tourism: A modern synthesis (2nd edition). London: Thomson Learning.
13. Presenza, A. (2006) The performance of a tourism destination. Who manages the destination? Who plays the audit role? University of Molise, Department of Economics, Management and Social Science, Campobasso, Italy.
14. Swarbrooke J. & Horner S. (2007) Consumer Behaviour in Tourism (2nd edition). Oxford: Butterworth– Heinemann.
15. Swarbrooke J., Beard C., Leckie S. & Pomfret G. (2003). Adventure Tourism: The new frontier. Oxford: Butterworth–Heinemann.
16. Cooper C., Fletcher J., Fyall A., Gilbert D. and Wanhill S. (2008) Tourism: Principles and Practice, 4th ed. Essex: Pearson Education Limited.
17. Gershuny J. I. (2000). Changing Times: Work and Leisure in Post–industrial Societies. Oxford: Oxford University Press.
18. World Tourism Organization (2019), International Tourism Highlights, 2019 Edition, UNWTO, Madrid, ISBN printed version: 978–92–844–2114–5 DOI: https://doi.org/10.18111/9789284421152

ЭКОНОМИКА И СЕРВИС/ ECONOMY & SERVICE

УДК 338.48
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-43-50

Безопасность и качество гостиничных услуг в современных условиях

СКАБЕЕВА Лариса Ивановна, к. пед. н., доцент высшей школы туризма и гостеприимства ФГОБУ ВО РГУТиС
skabeeva@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ основных составляющих обеспечения качества и безопасности гостиничных услуг и современных тенденций по аудиту безопасности гостиничных услуг, учитывающих, в том числе, актуальные вопросы санитарно–эпидемиологических требований. При организации предоставления гостиничных услуг необходимо четко иметь представление обо всех нормативных требованиях, предъявляемых к исполнителю гостиничных услуг, технических характеристиках всего оснащения гостиничного предприятия. Целью исследования является изучение различных рисков гостиничного предприятия во взаимосвязи с нормативными требованиями, предъявляемыми к исполнителю гостиничных услуг, с учетом современных тенденций. Объектом исследования являются составляющие безопасности гостиничного предприятия и их влияние на качество гостиничных услуг. Для достижения цели исследования применялись теоретико–методологические подходы, теоретический анализ научных и периодических источников, системный метод, метод обобщения.

К научной новизне данной статьи можно отнести выявление и систематизацию производственно–организационных рисков гостиничного предприятия и разработку комплекса организационно–технических мероприятий по обеспечению качества и безопасности гостиничного предприятия. В результате исследования приводится перечень составляющих элементов системы безопасности, по которым должен проводиться аудит гостиничного предприятия.

В статье сделан акцент на актуальных решениях проблем безопасности, учитывающих современные тенденции, протоколы безопасности по профилактике коронавирусной инфекции в сфере гостеприимства. Сделаны выводы, что актуальным трендом в обеспечении качества гостиничных услуг является участие ГК в экосертификации, которая позволит следовать принципам устойчивого развития предприятия и снизит негативное воздействие на окружающую природную среду в процессе оказания услуги.

Также важным выводом в статье является то, что на регулярной основе необходимо проводить аудит безопасности, проводить объективную оценку защищенности гостиничного предприятия по широкому кругу угроз, включаемых в концепцию комплексной безопасности.

Ключевые слова: качество и безопасность гостиничных услуг, комплексная безопасность гостиницы, протоколы безопасности, актуальные вопросы санитарно–эпидемиологических требований гостиниц, профилактика коронавирусной инфекции в сфере гостеприимства.

Для цитирования: Скабеева Л. И. Безопасность и качество гостиничных услуг в современных условиях // Сервис Plus. — 2021. — Т.15. — № 3. — С. 43–50. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–43–50

Статья поступила в редакцию: 11.05.2021.

Статья принята к публикации: 11.06.2021.

Safety and quality of hotel services in modern conditions

Larisa I. SKABEEVA, Cand. Sc. (Pedagogic), Associate Prof., skabeeva@mail.ru
Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the main components of ensuring the quality and safety of hotel services and modern trends in the audit of the safety of hotel services, taking into account, among other things, current issues of sanitary and epidemiological requirements. When organizing the provision of hotel services, it is necessary to have a clear understanding of all the regulatory requirements imposed on the contractor of hotel services, the technical characteristics of all the equipment of the hotel enterprise. The purpose of the study is to study the various risks of the hotel company in relation to the regulatory requirements imposed on the contractor of hotel services, taking into account current trends. The object of the study is the components of the security of the hotel enterprise and their impact on the quality of hotel services. To achieve the research object, theoretical and methodological approaches, the author used theoretical analysis of scientific and periodic sources, the system method, and the method of generalization. The scientific novelty of this article includes the identification and systematization of production and organizational risks of a hotel enterprise and the development of a set of organizational and technical measures to ensure the quality and safety of a hotel enterprise. The result of the study provides the list of the components of the security system that should be audited by the hotel company. The article focuses on topical solutions to security problems that take into account current trends, safety protocols for the prevention of coronavirus infection in the hospitality industry. The author concludes that the current trend in ensuring the quality of hotel services is the participation of the Group of Companies in eco–certification, which will allow following the principles of sustainable development of the enterprise and reducing the negative impact on the environment in the process of providing services. In addition, an important conclusion in the article is that it is necessary to conduct a security audit on a regular basis, to conduct an objective assessment of the security of the hotel enterprise for a wide range of threats included in the concept of integrated security.

Keywords: quality and safety of hotel services, integrated hotel security, security protocols, current issues of sanitary and epidemiological requirements of hotels, prevention of coronavirus infection in the hospitality sector.

For citation: Skabeeva L. I. (2021). Safety and quality of hotel services in modern conditions. Service plus, 15 (3), 43–50. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–43–50 (In Russ.).

Submitted: 2021/05/11.

Accepted: 2021/06/11.

Безопасность и качество гостиничных услуг — основные факторы, на которые обращает внимание гость при выборе гостиницы. В свою очередь законодательство различных стран, в которых действуют нормативные требования по защите прав потребителей, устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях [1]. Целью исследования данной статьи является выявление современных аспектов, влияющих на качество и безопасность гостиничного предприятия, а также систематизация производственно-организационных рисков.

Роль государственных стандартов в управлении качеством гостиничных услуг сводится к подтверждению их безопасности для потребителя. Таким образом, под безопасностью гостиничной услуги предлагается понимать выполнение комплекса мер, связанных с обеспечением безопасности жизни и здоровья потребителя/исполнителя услуги, а также его имущества, с отсутствием негативного воздействия на окружающую природную среду в процессе оказания услуги [10]. В свою очередь мероприятия по обеспечению качества и безопасности гостиничных услуг должны сводиться к выполнению нормативных требований. Российскими потребителями гостиничных услуг приобретен некий профессиональный туристский опыт по качеству обслужива-

ния, и они знают, что, например, даже если произошла авария в отеле (особенно 3*–5*), должны быть резервные источники и бесперебойная поставка горячей, холодной воды и электричества. Более того, если какое-либо техническое оборудование, технологическое оснащение отсутствует (не соответствует системе классификации), то это является существенным недостатком услуги, и исполнитель уплачивает потребителю за каждый день просрочки неустойку (пеню) в размере трех процентов стоимости услуги[1].

Целями системы качества и безопасности являются:

— повышение имиджа и роста прибылей за счет обеспечения качества услуг и безопасности клиентов;

— защита прав потребителей гостиничных услуг, самого предприятия гостиничного бизнеса, его структурных подразделений и сотрудников;

— сохранение и эффективное использование финансовых, материальных и информационных ресурсов.

Как считают исследователи актуальных вопросов по безопасности и качеству Н. И. Гаранин, Е. Н. Гаранина, А. И. Сеселкин, Л. В. Баумгартен, В. М. Игнатенко, система обеспечения комплексной безопасности гостиницы — сложный инженерно-технический и организационный процесс, включающий в себя ряд технических, физических и организационных мер. Он является отражением реальных взаимозависимостей, которые возникают в столь сложном по структуре, задачам и инструментарию организме, которым является современная гостиница при воздействии на ее жизнедеятельность различных угроз. Это не только угрозы пожаров, происков террористов, но и проблемы, вызванные некачественными строительными решениями, начиная с предпроектных исследований, разработки технического задания, оснащением некачественным оборудованием, отказами систем жизнеобеспечения, нарушениями правил его эксплуатации и т. д. [1, 4, 5].

Источниками опасности (рисками) гостиницы являются: террористические; криминальные; техногенные; природные; эпидемиологические; производственно-организационные угрозы.

К производственно-организационным угрозам эксперты относят:

— ошибки при организации кадровой работы, организации труда работников, нарушение техники безопасности;

— недобросовестная реклама;

— несовершенная инженерно-техническая эксплуатация здания ГК;

— несоответствие требованиям системы классификации;

— проблемы во взаимодействии с поставщиками;

— проблемы финансовой деятельности: операционные риски, контроль имущества и финансовых средств;

— нарушение защиты информации;

— комплаенс-риски: материальные и нематериальные потери (убытки), из-за несоблюдения законодательства РФ и в результате применения санкций и (или) иных мер воздействия со стороны надзорных органов, вследствие игнорирования, нарушения сотрудниками внутренних документов организации, стандартов или невозможности исполнения требований внутренних и внешних регламентов основных процессов, коррупционные схемы, потери репутации из-за неэтичных поступков сотрудников;

— травмы гостей в процессе обслуживания из-за несоблюдения правил оказания услуг и техники безопасности оказания дополнительных услуг (бассейн, СПА, фитнесс, катание на лошади и др.);

— угрозы жизни и здоровью гостей из-за отсутствия системы контроля доступа, изношенности оборудования;

— отравления вследствие несоблюдения технологических процессов предприятия питания и т. д.;

— угроза распространения заболеваний коронавирусной инфекции из-за несоблюдения санитарно-эпидемиологических требований.

Важной составляющей управления контролем качества и безопасности является разработка и управление системой комплексной безопасности ГК, эффективность которой зависит от выбора современных технических средств и их обслуживания [7]. Кроме этого, согласно требованиям системы классификации, гостиничное предприятие должно быть обеспечено резервными источниками электроснабжения и водоснабжения, при этом они должны быть безопасны в использовании [2,3].

Также на регулярной основе необходимо проводить аудит безопасности — комплекс мероприятий, позволяющих получить наиболее полную и объектив-

[1] Закон РФ «О защите прав потребителей» https://docs.cntd.ru/document/9005388 [дата обращения 13.03.2021]

ную оценку защищенности гостиничного предприятия по широкому кругу угроз, включаемых в концепцию комплексной безопасности, а также систему оценки рисков и контроля качества. Аудит безопасности организуется во взаимодействии с независимыми профессиональными службами по типам и видам угроз (например, пожарная безопасность, состояние строительных конструкций, антитеррористическая защищенность и пр.); аудит объектов ГК, представляющих угрозы возникновения аварий, ЧС (подсистемы жизнеобеспечения и безопасности).

На основании результатов аудита должны быть спланированы и организационно–технические мероприятия с целью локализации выявленных проблем — как на этапе функционирования гостиницы, так и на этапе проектирования при новом строительстве и реконструкции. Меры по укреплению до требуемого уровня любых «незащищенных» элементов системы комплексной безопасности образуют эффективную систему, учитывающую специфику гостиничного предприятия, и ложатся в основу разработки «Паспорта антитеррористической защищенности и безопасности ГК», согласно законодательству[2].

Аудиту могут быть подвергнуты:

— проектное решение строящегося гостиничного комплекса: для строительства, реконструкции или выполнения ремонта в отелях нужно руководствоваться положениями Свода Правил СП 257.1325800.2016 «Здания гостиниц. Правила проектирования». В этом документе приведены требования к самим зданиям и помещениям в них, к участкам для размещения гостиниц (включая требования к подходам и подъездам к ним, размещению и размерам автостоянок, мест для курения). В документе указаны показатели кратности воздухообмена, параметров микроклимата, качества воздуха, уровня шума и вибрации, освещенности и экологичности помещений отеля.

— конструкции, основания, ограждения здания и сооружения действующего гостиничного предприятия;

— инженерно–техническая инфраструктура — состояние коммуникаций, сетей, запорной и электрической арматуры, освещения, пультов и центров управления, систем АСУ;

— система противопожарных мер;

— системы доступа, контроля, телекоммуникационного и иного слежения, сигнализации, электронных замков и прочих систем непосредственно структуры обеспечения безопасности;

— подъездные пути, входы основные, служебные и аварийные, эвакуационные пути;

— система взаимодействия со всеми внешними службами поддержания безопасности — административными органами, коммунальными аварийными службами, службами МЧС, пожарной службой и другими.

В отдельных случаях в состав мероприятий по аудиту безопасности могут быть включены разделы: организационная и кадровая структура (профессиональная подготовка, обучение, тренинги); аудит информационной безопасности; комплексная защита электронных информационных и управляющих систем, компьютерной сети; защита конфиденциальной информации и персональных данных; проверка партнеров и конкурентов; проверка персонала (в т. ч. их имидж в соцсетях).

Отдельный аудит проводится на предприятиях питания ГК, где деятельность должна осуществляться на принципах ХАССП. Система ХАССП (анализ рисков и критические контрольные точки) стала одной из самых актуальных предупредительных моделей управления качеством и безопасностью (в английской транскрипции HACCP — Hazard Analysisand Critical Control Points) — концепция, предусматривающая систематическую идентификацию, оценку и управление опасными факторами, существенно влияющими на безопасность продукции предприятий питания ГК.

Согласно нормативным требованиям предприятие питания ГК должно: предотвращать возникновение критических (опасных) факторов при изготовлении (производстве) и реализации продукции общественного питания и проводить оценку (анализ) соблюдения требований по позициям, представленным в соответствующих контрольных листах. Для этого весь процесс разбивается на элементы (блок-схемы технологического процесса), это позволяет в дальнейшем предупредить или минимизировать риски, и определяются критичные контрольные точки (ККТ) — место проведения контроля для идентификации опасного фактора. ККТ определяют, проводя анализ отдельно по каждому показателю или группе показателей одного свойства и рассматривая после–

[2] ПП РФ № 447 от 14 апреля 2017 г. «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности гостиниц и иных средств размещения и формы паспорта безопасности этих объектов» http://government.ru/docs/27294/ [дата обращения 3.03.2021]

довательно все операции. Все ККТ следует зарегистрировать и следовать им для обеспечения гарантии качества. Важной частью системы является составление системы документации, которая представляет собой письменные документы, подтверждающие выполнение плана ХАССП на предприятии, а также дающие возможность отслеживать происхождение любого ингредиента, технологической операции или конечного продукта.

В базовую документацию следует включить:

— протоколы: обнаружения ККТ и выбора методов мониторинга (таблицы разбора опасных факторов, определение значений для ККТ по дереву принятия решений (схеме));

— процедуры мониторинга и контроль по каждой ККТ для обеспечения контроля на производстве;

— определение корректирующих действий: составление регламента для персонала, в случае превышения предельных значений для каждой ККТ. Разработка инструкций и определение корректирующих действий для восстановления пределов критических контрольных точек;

Комплекс организационно-технических мероприятий по обеспечению качества и безопасности включает объемный этап по аудиту и выявлению проблемных точек в обеспечении безопасности, с последующей проработкой плана мероприятий и разработке стандартов качества и безопасности ГК:

1. Подготовка договоров и мероприятий для контроля и проверки Роспотребнадзором

— договор на проведение очистки и дезинфекции систем вентиляции и кондиционирования;

— журнал учета работ по проведению очистки и дезинфекции систем вентиляции и кондиционирования гостиницы;

— договор на вывоз и утилизацию мусора — ТБО (твердых бытовых отходов);

— журнал учета получения и расхода дезинфицирующих средств;

— договор на вывоз и утилизацию люминесцентных ламп;

— договор на дератацию и дезинсекцию помещений, акты профилактических работ (дезинсекция — уничтожение насекомых с использованием специальных механических, химических и биологических методов; дератизация — уничтожение грызунов);

— протоколы лабораторных исследований, измерений (бактериологические исследования воды, смывов рабочих поверхностей — полотенца, простыни, мебель, смывов с вентиляции, с полок бельевых с чистым бельем);

— оценка искусственной освещенности на рабочем месте;

— оценка параметров микроклимата на рабочем месте: t воздуха, влажность воздуха, скорость движения воздуха;

— договор на проведение периодических медицинских осмотров сотрудников и оформление личных медицинских книжек;

— списки (контингенты) работников, занятых на вредных работах и работах с вредными производственными факторами, подлежащих предварительным и периодическим медицинским осмотрам;

— договор на мытье фасадов и окон;

— договор на стирку белья, спецодежды сертификатами фабрики — прачечной/химчистки;

— перемещение чистых и грязных потоков в виде схемы на А4 и доказательство того, что они не пересекаются с пищеблоком;

— договор на дезинфекцию гостевых матрасов 1 раз в год (акт — обработка паровым пылесосом).

2. Разработка протоколов (стандартов) санитарно-эпидемиологической безопасности и AntiCovid (в период пандемии рекомендуется включать отдельным разделом в мероприятия по обеспечению системы безопасности). Многие отели уже сейчас внедряют новые решения, ставя в приоритет безопасность гостей [6, 8].

— разработка протоколов (стандартов) осуществляется на основании Методических рекомендаций МР 3.1/2.1.0193-20 «Рекомендации по профилактике новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в учреждениях, осуществляющих деятельность по предоставлению мест для временного проживания (гостиницы и иные средства размещения)»;

— необходимо включать перечень мероприятий с целью обеспечения согласованности между отраслями в секторе путешествий и туризма Всемирный совет по туризму и путешествиям (WTTC)[3].

— рекомендательно: подключение гостиниц к ЕЦХД (Единый центр хранения и обработки данных) с установкой видеокамер. С целью обеспечения безопасности города изображения с камер собираются в ЦОД ЕЦХД. К камерам имеют доступ различные ведомства и службы МВД, МЧС и др. Надежный сов-

[3] https://safetravelsmsk.russpass.ru [дата обращения 3.03.2021]

ременный центр позволяет хранить, обрабатывать и анализировать информацию на современном отказоустойчивом оборудовании.

— проведение обучения и инструктажа персонала по вопросам предупреждения и распространения новой коронавирусной инфекции (2019–nCoV), в том числе: по проведению профилактической дезинфекции; по использованию средств индивидуальной защиты; по выполнению мер личной профилактики (проведение термометрии работников не менее 2 раз в день (утром при «входном фильтре» и вечером);

— обеспечение персонала запасом одноразовых или многоразовых со сменными фильтрами масок (исходя из продолжительности рабочей смены и смены одноразовых масок не реже 1 раза в 3 часа, фильтров — в соответствии с инструкцией), дезинфицирующими салфетками, кожными антисептиками для обработки рук (повторное использование одноразовых масок, а также использование увлажненных масок не допускается; проведение термометрии работников не менее 2 раз в день (утром при «входном фильтре» и вечером));

— организация централизованного сбора использованных одноразовых масок с герметичной упаковкой их в 2 полиэтиленовых пакета перед размещением в контейнеры для сбора отходов;

— организация контроля за соблюдением привлеченными компаниями, предоставляющими услуги по договорам аутсорсинга, а также сервисными предприятиями, эксплуатирующими оборудование учреждения), при выполнении своих служебных обязанностей, мер личной гигиены, использование масок и перчаток (смена маски каждые 3 часа, перчаток — по мере загрязнения и повреждения).

— при стирке белья особое внимание уделяется термохимической обработке и либо химической обработке зарегистрированным в качестве дезинфектанта кислородным отбеливателем.

Для контроля за выполнением требований необходимо разработать стандарты (и чек–листы) по соблюдению всех предписаний надзорных органов: создание чек–листов уборки в местах общего пользования и номерного фонда; чек–листов проветривания и дезинфекции помещений; назначение сотрудника, ответственного за соблюдением профилактики AntiCovid; использование приложений для напоминаний по выполнению профилактики AntiCovid.

Контролировать соблюдение всех стандартов и рекомендаций должен специально назначенный специалист, обладающий всесторонними компетенциями с точки зрения новых санитарно–эпидемиологических правил, обладающий способностью обосновывать необходимость соблюдения правил по AntiCovid. Например, в некоторых отелях учредили специальную должность — Guest Guardian — ответственный за гостей, который на постоянной основе следит за строгим выполнением гостями всех правил и рекомендаций, которые разрабатываются отраслевыми специалистами и ВОЗ.

Для того чтобы соответствовать современным требованиям обеспечения качества и безопасности необходимо учитывать последние тренды в оснащении оборудованием по контролю и мониторингу всех процессов гостиничного предприятия.

3. При аудите состояния качества и безопасности гостиничного предприятия необходимо оценивать такой фактор, как отсутствие негативного воздействия на окружающую природную среду в процессе оказания услуги, который заложен в нормативных требованиях закона «О защите прав потребителей». При этом важно учитывать факторы:

— минимизация образования отходов за счет совершенствования системы раздельного сбора и регулярный мониторинг расхода ресурсов, образование отходов и выбросов CO_2;

— использование средств для мытья посуды, чистки, уборки и прачечной, по грамотному и безопасному применению средств для чистки, уборки и прачечной, учету их использования и точному дозированию; средства должны быть безопасными для человека и окружающей среды;

— использование эко–материалов при строительстве и отделке и оснащении;

— использование эко–продуктов и продуктов местного производства;

— обучение персонала, согласно принципам экологического менеджмента.

Данное требование является обязательным при оказании гостиничных услуг и если не учитывать его в деятельности гостиничного предприятия, это может создавать различные риски, связанные с нарушением закона «О защите прав потребителей».

Для того чтобы соответствовать вышеперечисленным требованиям, необходимо участие ГК в эко–сертификации, которая позволит следовать прин–

ципам устойчивого развития предприятия и снизит негативное воздействие на окружающую природную среду в процессе оказания услуги. В РФ в 2020 г. «Экологическим союзом» разработан стандарт «Листок жизни» и гостиничное предприятие может получить сертификат соответствия[4].

Ресурсосберегающие, SMAR-технологии давно уже помогают в обеспечении высокого качества и безопасности ГК, а также экологической политике и устойчивому развитию гостиничного предприятия [9]. Изменения необходимо планировать и в части инженерных систем: ожидается модернизация систем вентиляции и кондиционирования для повышения интенсивности воздухообмена и фильтрации. При строительстве новых отелей или при проведении реконструкции старых объектов использование инженерных систем нового поколения станет обязательным. Классические СНиПы, с вертикальными вентиляционными каналами будут изменяться («если человек заболел каким-то вирусом на первом этаже — респираторным, передающимся воздушно-капельным путем, — то весь стояк сверху практически не защищен, вирус с первого этажа запросто может попасть на пятый»)[5].

Здоровье, гигиена и безопасность стали новыми индикаторами для завоевания доверия клиентов, важно, чтобы гость ежесекундно чувствовал заботу о своем здоровье и полную безопасность [11]. Например, для обеспечения дезинфекции современными средствами применяются технологии озонирования. Привычные методы часто оказываются малоэффективными или излишне затратными. Внедрение современных методов дезинфекции повышает эффективность и оптимизирует финансовые показатели. Озонирование — одно решение для пяти проблем: устранение неприятных запахов, дезинфекция, дезинсекция, дератизация и уничтожение спор плесени.

Таким образом, можно сделать вывод, что обеспечение качества и безопасности гостиничного комплекса — непрерывный процесс, позволяющий предоставлять потребителям гостиничные услуги надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества, а также окружающей среды. Результаты мониторинга безопасности ложатся в основу составления «Паспорта антитеррористической защищенности и безопасности ГК», протокола безопасности AntiCovid, а также разработки новых подходов по технической эксплуатации зданий ГК, применении цифровых технологий, новейшего программного обеспечения, контролирующего работу всего оборудования, которые позволяют соответствовать всем требованиям обеспечения безопасности.

Список литературы:

1. Баумгартен Л. В. Методы внешней оценки качества и безопасности гостиничных услуг // Журнал: Менеджмент качества — № 4, 2014. — С. 308–314.
2. Воронцова Г. Г., Воронцова А. В. Современные тренды обеспечения безопасности в индустрии гостеприимства // Технико-технологические проблемы сервиса. — СПб.: СПбГЭУ, 2018 — №1 (63) — С. 88–91.
3. Воронцова Г. Г., Воронцова А. В., Поночевный Д. А. Современные системы управления безопасностью в гостиничных комплексах // Технико-технологические проблемы сервиса. — СПб.: СПбГЭУ, 2019 — № 2 (48). 2019. — С. 44–48.
4. Гаранин Н. И., Гаранина Е. Н., Сеселкин А. И. Проблемы обеспечения комплексной безопасности при проектировании гостиниц. — Российская международная академия туризма г. Краснодар, Курорты. Сервис. Туризм. — № 1. — 2015. — С. 19–23.
5. Игнатенко В. М. Организация безопасности услуг в гостиничных комплексах // Технико-технологические проблемы сервиса. — СПб.: СПбГЭУ, 2018 — № 2. — С. 90–94.
6. Минкова Е. С., Ивлева О. В., Борисова У. В. Исследование состояния российской гостиничной индустрии в период пандемии коронавируса. — Балтийский федеральный университет им. И. Канта. — 2020. — С. 150–156.
7. Николаев А. В. Обеспечение безопасности в сетевых отелях «HOLIDAY INN» // Технико-технологические проблемы сервиса. — СПб.: СПбГЭУ, 2017— № 4 — С. 97–102.

[4] Требования СТО-56171713-007-2020 Услуги средств размещения https://ecounion.ru/wp-content/uploads/2020/12/sredstva-razmeshenia-novyj-standart.pdf [дата обращения 2.02.2021]

[5] https://www.vedomosti.ru/business/characters/2020/06/03/ 831855-dobrograde-chtob-virus-ne-zaletel [дата обращения 2.02.2021]

8. Осипова, Л. Б. Гостиничный и туристический бизнес во время пандемии коронавируса COVID–19 / Л. Б. Осипова, В. Н. Прокопьев. // Молодой ученый. — 2020. — № 23 (313). — С. 429–433.
9. Соболевская Виктория. «Гостиничная индустрия в эпоху COVID–19» // Современный отель. — № 3, 2020.
10. Терехов А. М. Организация безопасности услуг в гостиничных комплексах // Экономические науки. — № 40–1, 2016. — С. 53–57.
11. Yangyang Jiang, Jun Wen. Effects of COVID–19 on hotel marketing and management. A perspective article. International Journal of Contemporary Hospitality Management (Int J Contemp Hospit Manag) Volume 32, issue 8 Publication date: 25 June 2020 .DOI: 10.1108 / IJCHM–03–2020–0237.

References

1. Baumgarten L. V. (2014). Metody vneshnei otcenki kachestva i bezopasnosti gostinichnykh uslug [Methods of external assessment of the quality and safety of hotel services]. Menedzhment kachestva [Quality Management], 4, 308–314. (In Russ.).
2. Vorontsova G. G., Vorontsova A.V. (2018). Modern trends of safety in the hospitality industry. Tekhniko–tekhnologicheskie problemy servisa [Technical and technological problems of the service], 1 (63), 88–91. (In Russ.).
3. Vorontsova G. G., Vorontsova A.V. & Ponochevny D. A. (2019). Modern security management systems in hotel complexes. Tekhniko–tekhnologicheskie problemy servisa [Technical and technological problems of the service], 2 (48), 44–48. (In Russ.).
4. Garanin N. I., Garanina E. N., Seselkin A. I. (2015). Problems of ensuring complex security in the design of hotels. Rossiiskaia mezhdunarodnaia akademiia turizma g. Krasnodar, Kurorty. Servis. Turizm [Russian International Academy of Tourism Krasnodar, Resorts. Service. Tourism]. Scientific–methodological and Informational journal, 1, 19–23. (In Russ.).
5. Ignatenko V. M. (2018). Organization of security of services in hotel complexes. Tekhniko–tekhnologicheskie problemy servisa [Technical and technological problems of the service], 2, 90–94. (In Russ.).
6. Minkova E. S., Ivleva O. V. & Borisova U. V. (2020). Issledovanie sostoianiia rossiiskoi gostinichnoi industrii v period pandemii koronovirusa [Research on the state of the Russian hotel industry during the coronovirus pandemic]. Immanuel Kant Baltic Federal University: 150–156. (In Russ.).
7. Nikolaev A. V. (2017). Ensuring security in chain hotels «HOLIDAY INN». Tekhniko–tekhnologicheskie problemy servisa [Technical and technological problems of the service], 4, 97–102. (In Russ.).
8. Osipova L. B. & Prokopyev V. N. (2020). Hotel and tourist business during the COVID–19 coronavirus pandemic. Molodoi uchenyi [Young scientist], 23 (313), 429–433. (In Russ.).
9. Sobolevskaya V. (2020). Hotel industry in the era of COVID–19. Sovremenniy otel [Modern hotel], 3. (In Russ.).
10. Terekhov A. M. (2016). Organization of security services in hotel complexes. Ekonomicheskie nauki [Economics science], 40 (1), 53–57. (In Russ.).
11. Yangyang Jiang, Jun Wen (2020). Effects of COVID–19 on hotel marketing and management. A perspective article. International Journal of Contemporary Hospitality Management (Int J Contemp Hospit Manag), 32 (8). DOI: 10.1108 / IJCHM–03–2020–0237

ЭКОНОМИКА И СЕРВИС/ ECONOMY & SERVICE

УДК 629.78
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-51-60

Космические технологии и геоинформационный сервис

ФЕДУЛИН Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, ректор,
rector.06@mail.ru
Российский Государственный Университет Туризма и Сервиса, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена 60–летию полета Юрия Гагарина в космос. В статье рассматривается, что дали космические технологии человечеству. Показана необходимость развития направления подготовки высшего образования — геоинформационный сервис. Геоинформационный сервис базируется на сервисологии, науках о Земле и информатике.

В статье автор доказывает, что космонавтика нужна науке — она грандиозный и могучий инструмент изучения Вселенной, Земли, самого человека. С каждым днем все более расширяется сфера прикладного использования космонавтики. Служба погоды, навигация, спасение людей и спасение лесов, всемирное телевидение, всеобъемлющая связь, сверхчистые лекарства и полупроводники с орбиты, самая передовая технология — это уже и сегодняшний день, и очень близкий завтрашний день космонавтики. А впереди — электростанции в космосе, удаление вредных производств с поверхности планеты, заводы на околоземной орбите и Луне, и т. д.

Результатом развития космических технологий прикладного характера стал геоинформационный сервис. Геоинформационный сервис является комплексной наукой, полученной в результате симбиоза наук о Земле и обществе. В основе теории о геоинформационном сервисе лежат методы и теории, взятые из наук об обществе (взаимодействие общества и индивидуумов, потребности и их удовлетворение), наук о Земле (сферические оболочки Земли, геодезия, география, геоэкология, картография), информатики (модели, методы, алгоритмы, языки и программные инструменты для организации взаимодействия программ и программных систем, человеко–машинные интерфейсы, модели, методы, алгоритмы и программные средства машинной графики, визуализации, обработки изображений, систем виртуальной реальности, мультимедийного общения).

Ключевые слова: сервисология, науки о Земле, геоинформационный сервис, космический мониторинг, геоинформатика, глобальное позиционирование, геоинформационное картографирование, геомаркетинг, трехмерное моделирование.

Для цитирования: Федулин А. А. Космические технологии и геоинформационный сервис // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 51–60. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–51–60

Статья поступила в редакцию: 01.03.2021.
Статья принята к публикации: 01.04.2021.

Space technologies and geographic information services

Alexander A. FEDULIN, Dr. Sc. (History), Professor, Rector,
rector.06@mail.ru
Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is dedicated to the 60th anniversary of Yuri Gagarin's flight into space. The article examines what space technologies have given to humanity. The necessity of development of the direction of preparation of higher education geoinformation service is shown. The geographic information service is based on serviceology, earth sciences and informatics.

In the article, the author proves that space exploration is necessary for science — it is a grandiose and powerful tool for studying the Universe, the Earth, and the man himself. The implementation sphere of space exploration is expanding more and more every day. Weather forecast service, navigation, saving people and saving forests, world television, comprehensive communications, ultra–pure medicines and orbit semiconductors, the most advanced technology is already today, and the very near future of space exploration. Moreover, ahead there will be electric power station in space, the removal of harmful industries from the surface of the planet, factories in the near–Earth orbit and the Moon, etc.

The result of the development of applied space technologies has become a geoinformation service. The geoinformation service is a complex science obtained as a result of the symbiosis of the Earth and society sciences. Methods and theories, which are taken from the social sciences (interaction of society and individuals, needs and their satisfaction), Earth sciences (spherical shells of the Earth, geodesy, geography, geoecology, mapping), computer science (models, methods, algorithms, languages and software tools for organizing the interaction of programs and software systems, human–machine interfaces, models, methods, algorithms and software tools for machine graphics, visualization, image processing, virtual reality systems, multimedia communication), form the theory of the geoinformation service.

Keywords: serviceology, Earth sciences, geoinformation service, space monitoring, geoinformatics, global positioning, geoinformation mapping, geomarketing, three–dimensional modeling

For citation: Fedulin A. A. (2021). Space technologies and geographic information services. Service plus, 15 (3), 51–60. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–51–60 (In Russ.).

Submitted: 2021/03/01.

Accepted: 2021/04/01.

Введение

В этом году мы празднуем 60–летие первого полета человека в космос [1]. Когда Юрий Гагарин полетел в космос, я был еще маленьким, но в памяти моей осталось всеобщее ликование и подъем по поводу полета космонавта в космос. Люди выходили на улицу поздравляли друг друга. Наверное, такая же атмосфера царила и в других странах.

Пользу от развития космонавтики мы тогда не могли оценить. Об этом знали только ученые ведущих стран мира. Но покорение космоса — это был важный этап развития науки, вызывающий ликование народа.

Космические технологии в повседневной жизни человека

Сейчас, спустя 60 лет, можно отметить, что полеты в космос не прошли даром. Потраченные деньги на полеты окупились использованием на Земле космических технологий [2–5].

Благодаря космической отрасли было запатентовано более 50 тыс. различных изобретений. Все они были либо специально созданы в ходе развития космических программ, либо получили широкое распространение именно после того, как их довели до ума ученые, работающие на космос [6–8]. Они широко распространены в быту, но об их «косми–

ческом» происхождении мало кто догадывается [9–13].

Постепенно человечество развивалось, приборы для изучения космоса становились все совершеннее: сложнее, мощнее, эффективнее. Были изобретены более прочные и стойкие краски и пластики, специальные клеи, микросхемы, телескопы, спутники, зонды. С их помощью люди узнавали все больше и больше, раскрывали многие тайны и загадки.

Современные научные разработки для целей освоения космического пространства едва ли не ежедневно пополняются новыми изобретениями, которые по прошествии иногда очень небольшого отрезка времени начинают использоваться в быту, значительно упрощая нашу жизнь.

Спутниковые возможности

Первым идею использования спутников для создания глобальной системы связи в 1945 г. предложил писатель и ученый Артур Кларк. Свое изобретение он не запатентовал, так как не верил в возможность реализации идеи при его жизни, а также из благородных побуждений: А. Кларк заявлял, что его идея должна служить всему человечеству. 4 октября 1957 г. был запущен первый спутник Земли, а уже через 8 лет — геостационарный спутник связи с поэтическим названием Early Bird («Ранняя пташка»). Он мог в одно и то же время передавать через Атлантический океан 240 телефонных каналов либо 1 телевизионный.

Сегодня спутниковые системы используются повсеместно — в метеорологии, геологической разведке, для передачи телевизионного и интернет-сигнала, в телефонии. Одной из самых востребованных космических технологий сейчас является система глобального позиционирования GPS. Спутниковая навигация помогает ориентировать на незнакомых дорогах, а также заблаговременно предсказывать наводнения и выявлять значительные загрязнения окружающей среды. GPS не уникальна, есть еще и российская система ГЛОНАСС [14–17]. Параллельно идет разработка сугубо гражданской европейской спутниковой системы Galileo.

Современный широкополосный интернет и спутниковое телевидение — это прямое использование космических технологий буквально в каждом доме.

Продукты питания

Космические разработки подарили человечеству также и некоторые продукты питания [18–19]. Например, биопродукты — йогурты, соки и сыры, обогащенные бифидобактериями, появились на полках магазинов в 1990-е гг. прошлого века. Однако еще в 1963 г. микробиологи обнаружили бактерии, подавлявшие развитие гнилостных и болезнетворных микробов, и продукты с их добавлением стали необходимой частью трапезы космонавта.

Космос не только изобретал, но и переосмысливал уже привычные предметы. Например, упаковка туба (она же тюбик) первоначально использовалась для хранения зубной пасты и кремов. Но когда возникла необходимость кормить космонавтов в невесомости, пастообразные борщи и котлеты стали расфасовывать в тубы. В них хранилась вся космическая еда до 1982 г., когда были внедрены и другие способы длительного сохранения продуктов. Сегодня любой землянин найдет в ближайшем к дому магазине десятки продуктов в тубах.

Так же в 60-х годах XX века для космонавтов были изобретены легкие сублимированные, т. е. обезвоженные продукты, так как поднять в космос 1 кг стоит от 5 до 10 тысяч долларов. А теперь и мы можем наслаждаться быстро завариваемыми супами, кашами, лапшой, растворимым кофе. Это заметно экономит наше время.

Одежда

Огнестойкая ткань для костюмов пожарников сначала использовалась в скафандрах. Также скафандр для выхода в открытый космос стал прототипом нового поколения защитных костюмов со встроенной системой охлаждения, разработанных итальянской компанией D'Appolonia для пожарных и автогонщиков. Термобелье, в которое облачаются любители зимних видов спорта, первоначально было разработано как элемент гардероба астронавтов. Благодаря особым технологиям пряжи оно способствует испарению избытка влаги, выделяемой телом при нагрузках, и сохранению тепла.

При изготовлении беговых кроссовок применяется трехмерная ткань с полиуретановой пеной: она правильно распределяет нагрузку по ноге во время движения. Идея была заимствована у лунных боти-

нок, разработанных для лунной миссии Apollo. Ботинки лунных пионеров пружинили шаг и обеспечивали вентиляцию.

Настолько банальные вещи, как липучка и молния, появились и были востребованы вначале в космосе, а потом уже перекочевали в нашу повседневную жизнь.

Застежки-липучки получили широкую популярность благодаря телепрограмме с околоземной орбиты, в которой зрители увидели, что в невесомости астронавты фиксируют предметы к стенам при помощи липучек. Застежки, позволяющие быстро и прочно застегнуться, быстро перекочевали на костюмы горнолыжников, аквалангистов, а затем и на детскую одежду. Однако придуманы липучки были еще в докосмическую эру — патент на них был получен в 1955 г.

Молния для одежды была запатентована еще в 1914 году американцем Гидеоном Сундебеком, но была по-настоящему востребована лишь после того, как ученые стали трудиться над экипировкой космонавтов. Молния оказалась намного практичнее, чем обыкновенные пуговицы и застежки, которые могли оторваться, и на их закрытие/открытие требовалось больше времени.

Бытовая техника

Фильтры для воды также являются изначально разработкой для космонавтов, которая им очень пригодилась: ведь запасы воды минимальны, а храниться она должна довольно долго [20]. Так что, хотя «домашняя» и сравнительно несложная система фильтрации была известна с середины прошлого века, ученым пришлось «научить» фильтры очищать воду в экстремальных космических условиях. Со временем их находки (с использованием древесного угля) были позаимствованы компаниями по производству бытовых фильтров.

А портативные беспроводные пылесосы, идеально подходящие для уборки автомобиля, сделаны по принципу магнитно-бурильного аппарата, разработанного NASA для забора лунного грунта.

В качестве следующего примера внеземной продукции приведем давно известные и пользующиеся популярностью и спросом сковородки, имеющие тефлоновое покрытие. Они стали распространенным и желанным на каждой кухне предметом благодаря тому, что позволяют готовить вкусные блюда, сохраняя естественность вкусовых качеств и полезные свойства исходных продуктов. И вряд ли кто-нибудь из нас задумывается, что материал с загадочным названием «тефлон» также впервые был применен в пошиве скафандров.

Говоря об этом материале, следует упомянуть, что однозначно не рекомендуется допускать соприкасание тефлонового покрытия сковороды с предметами из металла — это может просто испортить достаточно тонкое покрытие. Так космическая технология способствует развитию народных, исключительно земных промыслов — почти забытого ремесла изготовления специальных кухонных предметов из дерева.

Особенно много космического используется в медицине. Так, костюмы, позволяющие учиться ходить детям с церебральным параличом, используются космонавтами на орбите для поддержания в тонусе мышц, которые атрофируются от бездеятельности в невесомости.

Современные фотоаппараты используют так называемую ПЗС-матрицу, пресловутые мегапиксели у всех на слуху. Но мало кто знает, что эти микросхемы из светочувствительных фотодиодов из кремния были созданы при разработке новых электронных телескопов и совершенствования астрономических наблюдений, поскольку даже лучшая пленка не может дать и половину преимуществ цифровых камер.

Космические технологии проникли во все отрасли жизни. Даже в стоматологии используются передовые материалы, созданные космической промышленностью. Коронки из оксида циркония, передовое направление в протезировании зубов, используют материал, применяемый для изготовления теплоизоляционной обшивки кораблей.

Геоинформационный сервис

В Российском Государственном Университете Туризма и Сервиса (РГУТИС) ведется обучение студентов согласно Перечню направлений подготовки высшего образования — бакалавриата направления Сервис (код 43.03.01) и согласно Перечню направлений подготовки высшего образования — магистратуры Сервис (код 43.04.01) [21–24]. Эти направления относятся к разделу Наук об обществе, укрупнённая группа СЕРВИС И ТУРИЗМ (Приказ Министерства об-

разования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования»).

По направлению Сервис ведёт обучение 101 вуз в 54 городах по 47 профилям. После обучения выпускники вузов получают 114 профессий. Наиболее распространёнными профилями обучения являются сервис в жилищно-коммунальном хозяйстве; сервис в торговле; социально-культурный сервис; сервис в индустрии моды и красоты; экологический сервис; транспортный сервис; сервис недвижимости; информационный сервис и другие. (Источник: https://edunews.ru/entrants/okso/obshestvo/turizm/servis-bakalavriat.html). И только один вуз — Российский Государственный Университет Туризма и Сервиса — ведёт обучение по профилю геоинформационный сервис.

В основе теоретической базы направления Сервис лежит наука сервисология [25–27]. Наука сервисология возникла на стыке экономики, социологии, маркетинга, психологии и других дисциплин, изучающих человека и его потребности [28, 29].

С другой стороны, наука геоинформатика появилась на стыке наук о Земле и информатики [30–35]. В симбиозе наук информатика предоставляет инструментарий для изучения наук о Земле и обществе. Таким образом, с развитием информатики, развиваются и методы изучения информации о Земле и обществе. Основой формирования геоинформатики явилась технология привязки банка данных к пространству и времени. Появление такой технологии сначала использовалось в системах автоматизированного проектирования и, затем, для формирования картографического банка данных. Развитие космической фотограмметрии позволило накопить огромное количество информации о поверхности Земли [7, 36, 37]. Аэрофотоснимки стали дополнять картографические изображения. Размещение всей этой информации в Интернет предоставило доступ к пространственной информации о Земле огромному количеству пользователей [38, 39, 40]. Сейчас уже невозможно себе представить нашу жизнь без использования электронных карт. Создание системы глобального позиционирования позволило создать навигационные системы для перемещения по поверхности Земного шара при помощи всех транспортных средств [41–45].

Таким образом, геоинформационный сервис включает в себя такие науки, как: сервисология, геоинформатика, науки о Земле, глобальное позиционирование, космический мониторинг, геоинформационное картографирование [46–51].

Заключение

Космонавтика нужна науке — она грандиозный и могучий инструмент изучения Вселенной, Земли, самого человека. С каждым днем все более расширяется сфера прикладного использования космонавтики. Служба погоды, навигация, спасение людей и спасение лесов, всемирное телевидение, всеобъемлющая связь, сверхчистые лекарства и полупроводники с орбиты, самая передовая технология — это уже и сегодняшний день, и очень близкий завтрашний день космонавтики. А впереди — электростанции в космосе, удаление вредных производств с поверхности планеты, заводы на околоземной орбите и Луне, и т.д.

Результатом развития космических технологий прикладного характера стал геоинформационный сервис. Геоинформационный сервис является комплексной наукой, полученной в результате симбиоза наук о Земле и обществе. В основе теории о геоинформационном сервисе лежат методы и теории, взятые из наук об обществе (взаимодействие общества и индивидуумов, потребности и их удовлетворение), наук о Земле (сферические оболочки Земли, геодезия, география, геоэкология, картография), информатики (модели, методы, алгоритмы, языки и программные инструменты для организации взаимодействия программ и программных систем, человеко-машинные интерфейсы, модели, методы, алгоритмы и программные средства машинной графики, визуализации, обработки изображений, систем виртуальной реальности, мультимедийного общения).

Выпускники, обученные по программам геоинформационного сервиса, смогут заниматься:

- управлением данными при организации информационного обеспечения в решении задач для сферы сервиса,
- проектированием информационных систем и технологий,
- организацией телекоммуникационных и вычислительных сетей,
- использовать программные средства реализации информационных процессов,
- обеспечивать информационную безопасность геоинформационных систем,

- использовать технологии поиска данных в сети Интернет и использования мировых информационных ресурсов в профессиональной деятельности.

Выпускники смогут работать на предприятиях, которые занимаются сервисом коммуникационного и сетевого оборудования, сопровождением сервисного и прикладного программного обеспечения.

Литература

1. Шайтура С. В. Время первых // Конструкторское бюро. — 2019. — № 2. — С. 9–13.
2. Гапоненко О. В., Лукьянчик В. В., Сенников Д. А. Основные аспекты оценки реализуемости мероприятий по подготовке производства космических аппаратов целевого назначения. // Двойные технологии. — 2016. — № 2 (75) — С. 33–36.
3. Гапоненко О. В. Приоритетные направления технологических НИОКР космонавтики и ракетно-космической промышленности России // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2017 — Т. 4. — № 5-2. — С. 17–22.
4. Гапоненко О. В., Гаврин Д. С., Свиридова Е. С. Анализ структуры стратегических планов развития ракетно-космической промышленности методом классификации НИОКР космических функциональных и промышленных технологий // Вестник Московского авиационного института. — 2019 — Т. 26. — № 1. — С. 64–81.
5. Гапоненко О. В., Кондратенко А. Н., Лукьянчик В. В. Основные аспекты инновационной деятельности на предприятиях двигателестроения в условиях структурной перестройки ракетно-космической промышленности // Двойные технологии. — 2015. — № 2 (71). — С. 52–57.
6. Князева М. Д., Митрофанов Е. М., Филатов А. Н., Шайтура С. В. Виртуальный музейный портал «Ветераны космической отрасли на фронтах великой отечественной войны и в тылу в 1941–1945 годах» — В сборнике: Современные проблемы туризма и сервиса. Сборник статей научных докладов по итогам Всероссийской научно-практической конференции. — Москва, 2020. — С. 146–151.
7. Князева М. Д., Митрофанов Е. М., Чумаченко С. И., Шайтура С. В. Автоматизированная обработка аэрокосмической информации в пакете Erdas Imagine — Учебное пособие — Бургас, 2018.
8. Савиных В. П., Князева М. Д., Машников Н. Н., Филатов А. Н. Перспективы космического образования // Славянский форум — 2014. — № 2 (6). — С. 116–121.
9. Чумаченко С. И., Князева М. Д., Митрофанов Е. М., Шайтура С. В. Космический мониторинг — Учебное пособие — Бургас, 2017.
10. Шайтура А. С. Использование космических технологий в экологии // Славянский форум. — 2017. — № 3 (17). — С. 275–277.
11. Шайтура С. В. Определения координат точек на поверхности космического тела // Russian Journal of Astrophysical Research. Series A. — 2020. — № 6 (1). — С. 35–45.
12. Шайтура С. В., Князева М. Д., Митрофанов Е. М., Мухин А. С. Космическое мировоззрение в системе непрерывного образования // Сервис plus. — 2020. — Т. 14. — № 2. — С. 42–51.
13. Шайтура С. В., Кожаев Ю. П., Васкина М. Ю. Космический мониторинг водных ресурсов туристических дестинаций Крыма // Сервис в России и за рубежом. — 2020. — Т. 14. — № 1 (88). — С. 127–141.
14. Артюхин В. С., Логункова А. А. Глобальные спутниковые навигационные системы Глонасс и GPS// Славянский форум. — 2017. — № 3 (17). — С. 278–284.
15. Медведев Ю. Н., Шайтура С. В. Метрологическое обеспечение инфраструктуры транспортного комплекса с использованием глобальной навигационной спутниковой системы // Славянский форум. — 2020. — № 2 (28). — С. 229–236.
16. Неделькин А. А., Степанова М. Г., Шайтура С. В. Тенденции и перспективы развития информационно-коммуникационных технологий дистанционного обучения в подготовке экономистов // Славянский форум. — 2016. — № 2 (12). — С. 171–179.
17. Романова Ю. Д., Шайтура С. В. Технологии поиска информации // Славянский форум. — 2015. — № 2 (8). — С. 283–292.

18. Shaitura S. V., Nedkova A. S., Tyger L. M., Goryacheva E. D., Morozova N. O., Berketova L. V. Food security and catering // Revista Turismo Estudos & Práticas. — 2020. — № S3. — С. 11.
19. Шайтура С. В., Тыгер Л. М., Кожаев Ю. П. Продовольственная безопасность и кейтеринг // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. — 2020. — № 9. — С. 103–112.
20. Shaitura S. V., Demenev A. V., Minitaeva A. M., Knyazeva M. D., Ordov K. V., Kozhaev Yu. P. Air change with a heat pump in industrial premises // International Journal of Civil Engineering and Technology. — 2018. — Т. 9. — № 11. — С. 1647–1654.
21. Федулин А. А. О геоинформационном сервисе // Славянский форум. — 2017. — № 3 (17). — С. 7–13.
22. Чумаченко С. И., Князева М. Д., Митрофанов Е. М., Шайтура С. В. Космический мониторинг — Учебное пособие — Бургас, 2017.
23. Shaitura S. V., Minitaeva A. M, Ordov K. V., Shaparenko V. V. Virtual enterprises in a spatial economy // International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE) — 2019. — Т. 7. — № 6. — С. 719–724.
24. Shaitura S. V., Ordov K. V., Lesnichaya I. G., Romanova Yu. D., Khachaturova S. S. Services and mechanisms of competitive intelligence on the internet // Espacios. — 2018. — Т. 39. — № 45. — С. 24.
25. Федулин А. А. Инновационные технологии подготовки кадров для сферы сервиса и туризма (презентация) // Сервис plus. — 2008. — Т. 2. — № 4. — С. 19–21.
26. Федулин А. А. Приоритетные задачи формирования науки о сервисе // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. — 2009. — № 4. — С. 3–4.
27. Федулин А. А., Багдасарян В. Э. Мифы о сервисе // Сервис plus. — 2010. — № 1. — С. 3–13.
28. Федулин А. А., Багдасарян В. Э. Сервис в условиях российской трансформации: постиндустриализм или системная деградация // Сервис в России и за рубежом. — 2011. — № 7 (26). — С. 25–38.
29. Шайтура С. В., Минитаева А. М., Жаров В. Г., Иванова В. В. Критерии эффективности сервиса // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. — 2021. — № 1. — С. 137–143.
30. Булгаков С. В., Ковальчук А. К., Цветков В. Я., Шайтура С. В. Интегрированные геоинформационные системы. — Москва, 2007.
31. Савиных В. П., Цветков В. Я., Шайтура С. В. Основные положения в области геоинформационных технологий // Славянский форум. — 2015. — № 2 (8). — С. 293–301.
32. Шайтура С. В. Информационная ситуация в геоинформатике // Образовательные ресурсы и технологии. — 2016. — № 5 (17). — С. 103–108.
33. Шайтура С. В. Информационные модели данных и баз знаний в геоинформатике // Славянский форум. — 2012. — № 2 (2). — С. 69–79.
34. Шайтура С. В. Информационные ресурсы в геоинформатике // Образовательные ресурсы и технологии. — 2015. — № 1 (9). — С. 103–108.
35. Шайтура С. В. Информационные ресурсы геоинформационных технологий // Славянский форум. — 2016. — № 2 (12). — С. 282–288.
36. Жиганов А. Н., Заичко В. А., Лукьященко М. А., Максимов А. В. Систематизация космических услуг // Сервис в России и за рубежом. 2014. — № 4 (51). — С. 166–176.
37. Чумаченко С. И., Князева М. Д., Митрофанов Е. М., Шайтура С. В. Космический мониторинг — Учебное пособие — Бургас, 2017.
38. Shaitura S. V., Minitaeva A. M., Ordov K. V., Shaparenko V. V. Virtual enterprises in a spatial economy // International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE) —2019. — Т. 7. — № 6. — С. 719–724.
39. Shaitura S. V., Ordov K. V., Lesnichaya I. G., Romanova Yu. D., Khachaturova S. S. Services and mechanisms of competitive intelligence on the internet // Espacios. — 2018. — Т. 39. — № 45. — С. 24.
40. V. Ya. Tsvetkov, S. V. Shaytura, K. V. Ordov. (2019). Digital management railway. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2019), Yekaterinburg, Russia, pp. 181–185 https://doi.org/10.2991/iscde-19.2019.34
41. Шайтура С. В. Анализ геоинформационных систем автомобильных дорог // Славянский форум. — 2019. — № 4 (26). — С. 280–288.

42. Шайтура С. В. Геоинформационные системы водного транспорта // Славянский форум. — 2019. — № 3 (25). — С. 216–225.
43. Шайтура С. В. Модель сети автомобильных дорог // Славянский форум. — 2019. — № 4 (26). — С. 165–173.
44. Шайтура С. В., Кожаев Ю. П. Геоинформатика автомобильного транспорта // Славянский форум. — 2019. — № 3 (25). — С. 379–386.
45. Шайтура С. В., Сумзина Л. В. Геоинформационный сервис при выборе маршрута шелкового пути // Славянский форум. — 2017. — № 2 (16). — С. 209–212.
46. Сумзина Л. В., Шайтура С. В. Геоинформационный сервис как профиль образовательной программы // Славянский форум. — 2017. — № 3 (17). — С. 14–23.
47. Сумзина Л. В., Шайтура С. В. Геоинформационный сервис как составная часть обучения конструкторов // Конструкторское бюро. — 2018. — № 1 (132). — С. 64–74.
48. Сумзина Л. В., Шайтура С. В. Подготовка кадров по геоинформационному сервису // Отходы и ресурсы. — 2017. — Т. 4. — № 3 . — С. 9.
49. Шайтура С. В. Геоинформационный сервис — В сборнике: Реестр новых научных направлений — Москва, 2018. — С. 205–206.
50. Шайтура С. В., Сумзина Л. В., Кочетков А. С., Кудров Ю. В. Теоретические основы рабочих процессов объектов геоинформационного сервиса. — Бургас, 2017. — 340 с.
51. Шайтура С. В., Сумзина Л. В., Кочетков А. С., Кудров Ю. В. Конструкция объектов геоинформационного сервиса. — Бургас, 2017. — 305 с.

References

1. Shaitura S. V. (2019). Time of the First. Konstruktorskoe buro [Design Bureau], 2 (139), 9–13. (In Russ.)
2. Gaponenko O. V., Lukyanchik V. V., & Sennikov D. A. (2016). The main aspects of assessing the feasibility of measures to prepare the production of spacecraft for special purposes. Dvoynie tekhnologii [Dual Technologies], 2 (75), 33–36. (In Russ.).
3. Gaponenko O. V. (2017). Priority areas of technological research and development of astronautics and rocket and space industry of Russia. Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya [Economics and Management: Problems, Solutions], 4 (5–2), 17–22. (In Russ.).
4. Gaponenko O. V., Gavrin D. S., & Sviridova E. S. (2019). Analysis of the structure of strategic plans for the development of the rocket and space industry by the classification of R&D of space functional and industrial technologies. Vestnik Moskovskogo aviacionnogo instituta [Bulletin of the Moscow Aviation Institute], 26 (1), 64–81. (In Russ.).
5. Gaponenko O. V., Kondratenko A. N., & Lukyanchik V. V. (2015). The main aspects of innovative activity at the enterprises of engine building under the conditions of structural adjustment of the rocket and space industry. Dvoynie tekhnologii[Dual Technologies], 2 (71), 52–57. (In Russ.).
6. Knyazeva M. D., Mitrofanov E. M., Chumachenko S. I., Shaytura S. V. (2020). Virtual Museum portal «Space industry veterans on the fronts of the Great Patriotic War and in the rear in 1941–1945» Sovremennye problemy turizma i servisa [Modern problems of tourism and service]: Proceedings of Russian scientific and practical conference, Moscow, 146–151. (In Russ.).
7. Knyazeva M. D., Mitrofanov E. M., Chumachenko S. I., Shaytura S. V. (2018). Automated processing of aerospace information in the package Erdas Imagine — Study Guide. Burgas. (In Russ.).
8. Savinykh V. P., Knyazeva M. D., Mashnikov N. N., Filatov A. N. (2014). Prospects for space education. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 2(6), 116–121. (In Russ.).
9. Chumachenko S. I., Knyazeva M. D., Mitrofanov E. M. & Shaitura S. V. (2017). Space Monitoring — Study Guide. Burgas. (In Russ.).
10. Shaitura S. V. (2017). Use of space technologies in ecology. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 3 (17), 275–277. (In Russ.).

11. Shaitura S. V. (2020). Определения координат точек на поверхности космического тела // Russian Journal of Astrophysical Research. Series A, 6 (1), 35–45. (In Russ.).
12. Shaytura S. V., Knyazeva M. D., Mitrofanov E. M. & Mukhin A. S. (2020). Space worldview in the system of continuous education. Service plus, 14 (2), 42–51. DOI: 10.24411/2413–693X–2020–10205 (In Russ.).
13. Shaytura S. V., Kozhaev Yu. P. & Vaskina M. Yu. (2020). Space monitoring of water resources in Crimea tourist destinations. Servis v Rossii i za rubezhom [Services in Russia and Abroad], 14(1), 127141. doi: 10.24411/1995–042X–2020–10111. (In Russ.).
14. Artyukhin V. S., Logunkova A. A. (2017). Global satellite navigation system GLONASS and GPS. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 3 (17), 278–284. (In Russ.).
15. Medvedev Yu. N., Shaytura S. V. (2020). Features of metrological maintenance of geodetic and cadastral works. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 2 (28), 229–236. (In Russ.).
16. Nedelkin A. A., Stepanova M. G., Shaitura S. V. (2016). Trends and prospects of development of information and communication technologies of distance learning in the training of economists. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 2 (12), 171–179. (In Russ.).
17. Romanova Yu. D., Shaitura S. V. (2015). Information search technologies. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 2 (8), 283–292. (In Russ.).
18. Shaitura S. V., Nedkova A. S., Tyger L. M. & Goryacheva E. D., Morozova N. O., Berketova L. V. (2020). Food security and catering. Revista Turismo Estudos & Práticas, S3, 11.
19. Shaitura S. V., Tyger L. M., Kozhaev Yu. P. (2020). Food security and catering. Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi selskokhoziaistvennoi akademii [Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy], 9, 103–112. (In Russ.).
20. Shaitura S. V., Demenev A. V., Minitaeva A. M., Knyazeva M. D., Ordov K. V., Kozhaev Yu. P. (2018). Air change with a heat pump in industrial premises. International Journal of Civil Engineering and Technology, 9 (11), 1647–1654.
21. Fedulin A. A. (2017). On the geoinformation service. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 3 (17), 7–13. (In Russ.).
22. Chumachenko S. I., Knyazeva M. D., Mitrofanov E. M. & Shaitura S. V. (2017). Space Monitoring — Study Guide. Burgas. (In Russ.).
23. Shaitura S. V., Minitaeva A. M, Ordov K. V., Shaparenko V. V. (2019). Virtual enterprises in a spatial economy. International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE), 7 (6), 719–724.
24. Shaitura S. V., Ordov K. V., Lesnichaya I. G., Romanova Yu. D., Khachaturova S. S. (2018). Services and mechanisms of competitive intelligence on the internet. Espacios, 39 (45), 24.
25. Fedulin A. A. (2008). Innovative Technology for Training in Service and Tourism Industry. Service plus, 4(2), 19–21. (In Russ.).
26. Fedulin A. A. (2009). Priority tasks of the formation of service science. Vestnik Assotsiatsii VUZov turizma i servisa [Universities for Tourism and Service Association Bulletin], 4, 3–4. (In Russ.).
27. Fedulin A. A., Bagdasaryan V. E. (2010). Myths about the service. Service plus, 1, 3–13. (In Russ.).
28. Fedulin A. A., Bagdasaryan V. E. (2011). Service in the conditions of the Russian transformation: post–industrialism or systemic degradation. Services in Russia and abroad, 7 (26), 25–38. (In Russ.).
29. Shaitura S. V., Minitaeva A. M., Zharov V. G., Ivanova V. V. (2021). Service performance criteria. Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi selskokhoziaistvennoi akademii [Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy], 1, 137–143. (In Russ.).
30. Bulgakov S. V., Kovalchuk A. K., Tsvetkov V. Ya., Shaytura S. V. (2007). Integrated Geoinformation Systems–Moscow. (In Russ.).
31. Savinykh V. P., Tsvetkov V. Ya. & Shaitura S. V. (2015). The main provisions in the field of geographic information technologies. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 2 (8), 293–301. (In Russ.).
32. Shaytura S. V. (2016). Information situation in geoinformatics. Educational Resources and Technologies, 5(17), 103–108. (In Russ.).
33. Shaytura S. V. (2012). Information model data and knowledge bases geoinformatics. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 2(2), 69–79. (In Russ.).

34. Shaytura S. V. (2016). Information situation in geoinformatics. Educational Resources and Technologies, 5(17), 103–108. (In Russ.).
35. Shaytura S. V. (2016). Informational resources of geoinformatics technologies. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 2 (12), 282–288. (In Russ.).
36. Zhiganov A. N., Zaichko V. A., Lukyashchenko M. A., Maksimov A. V. (2014). Systematization of space services. Services in Russia and abroad, 4 (51), 166–176. (In Russ.).
37. Chumachenko S. I., Knyazeva M. D., Mitrofanov E. M. & Shaitura S. V. (2017). Space Monitoring — Study Guide. Burgas. (In Russ.).
38. Shaitura S. V., Minitaeva A. M., Ordov K. V., Shaparenko V. V. (2019). Virtual enterprises in a spatial economy. International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE), 7 (6), 719–724.
39. Shaitura S. V., Ordov K. V., Lesnichaya I. G., Romanova Yu. D., Khachaturova S. S. (2018). Services and mechanisms of competitive intelligence on the internet. Espacios, 39 (45), 24.
40. Tsvetkov V. Ya., Shaytura S. V., Ordov K. V. (2019). Digital management railway. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2019), Yekaterinburg, Russia, 181–185 https://doi.org/10.2991/iscde–19.2019.34
41. Shaytura S. V. (2019). Analysis of geographic information systems of roads. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 4 (26), 280–288. (In Russ.).
42. Shaytura, S. V. (2019). Geoinformation systems of water transport. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 3 (25), 216–225. (In Russ.).
43. Shaytura S. V. (2019). Road network model. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 4 (26), 165–173. (In Russ.).
44. Shaitura S. V., Kozhaev Yu. P. (2019). Geoinformatics of automobile transport. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 3 (25), 379–386. (In Russ.).
45. Shaitura S. V., Sumzina L. V. (2017). Geo–information service when choosing the route of the silk road. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 2 (16), 209–212. (In Russ.).
46. Shaitura S. V., Sumzina L. V. (2017). Geoinformation service as a profile of the educational program. Slavyanskiy forum [Slavic Forum], 3 (17), 14–23. (In Russ.).
47. Shaitura S. V., Sumzina L. V. (2018). Geoinformation service as a part of designer training. Konstruktorskoe burn [Design Bureau], 1 (132), 64–74. (In Russ.).
48. Sumzina L. V. & Shaitura S. V. (2017). Podgotovka kadrov po geoinformacionnomu servisu [Training for geographic information services]. Othody i resursy [Waste and resources], 4 (3), 9 (In Russ.).
49. Shaitura S. V. (2018). Geoinformation service. In the collection: Register of new scientific directions. Moscow, 205–206. (In Russ.).
50. Shaitura S. V., Sumzina L. V., Kochetkov A. S. & Kudrov Yu. V. (2017). The theoretical basis of the work processes of the objects of geographic information services. Burgas. (In Russ.).
51. Shaitura S. V., Sumzina L. V., Kochetkov A. S. & Kudrov Yu. V. (2017). The construction of geographic information service facilities. Burgas. (In Russ.).

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ/ CULTURE & CIVILIZATION

УДК 94(47)
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-61-72

Потребительские практики времен Второй мировой войны как опыт для современных практик осознанного потребления и «медленной моды»

ЕРМИЛОВА Дарья Юрьевна, кандидат философских наук, профессор Высшей школы дизайна,
d.ermilova@gmail.com
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса», Москва, Российская Федерация
ЛЯХОВА Надежда Борисовна, профессор Высшей школы дизайна,
lyakhova_nb@mail.ru
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса», Москва, Российская Федерация
НЕМЧИНОВА Елена Евгеньевна, доцент Высшей школы дизайна,
ee–nem–va@yandex.ru
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса», Москва, Российская Федерация
КЕПА Юрий Никитович, доцент Высшей школы дизайна,
yurchik05@yandex.ru
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса», Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию моды и потребительских практик времен Второй мировой войны. Предмет исследования — практики использования одежды в экстремальных условиях военного времени. Цель исследования — выявить особенности моды в историческом контексте. Задачи — рассмотреть, как нормированное распределение повлияло на отношение людей к одежде. Мода военного времени была исследована на примере СССР, Германии, Великобритании, США, Франции. Гипотеза исследования — мода может быть трактована как результат распространенных потребительских практик, вызванных экстремальными условиями жизни, базирующимися на опыте предшествующих периодов и от которых отказались после войны. Идеи «замедлить» моду впервые появились во время Второй мировой войны, чтобы не тратить на производство одежды для мирного населения ресурсы, необходимые для военных целей. Основные характеристики военной моды были общими для всех стран и были порождены мерами по рационированию. Минимальное количество одежды, которую можно было приобрести по купонам (карточкам, талонам, маркам), вынуждало людей шить одежду самим, переделывать старые вещи, использовать для изготовления одежды, обуви, аксессуаров, украшений необычные материалы. Во всех странах экономное потребление оценивалось как «потребительский патриотизм», «патриотический шик». Опыт разнообразных взаимодействий людей с одеждой в условиях военного времени возможно использовать в современных практиках в контексте актуальных тенденций «медленной моды» (Slow fashion) и «осознанного потребления», кастомизации и продления жизни вещей. В статье были предложены примеры применения этого опыта как производителями (дизайнерами), так и современными потребителями. В таком ракурсе мода военного времени до сих пор не рассматривалась, как и не проводились параллели между военной модой в СССР и странах Запада. Дальнейшие исследования потребительских практик военного времени с точки зрения концепций «замедления потребления» представляются весьма перспективными.

Ключевые слова: Вторая мировая война, мода, потребительские практики, нормированное распределение ресурсов, Slow fashion, кастомизация.

Для цитирования: Ермилова Д. Ю., Ляхова Н. Б., Немчинова Е. Е., Кепа Ю. Н. Потребительские практики времен Второй мировой войны как опыт для современных практик осознанного потребления и «медленной моды» // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 61–72. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–61–72

Статья поступила в редакцию: 06.05.2021.

Статья принята к публикации: 06.06.2021.

Consumer practices of the Second World War as an experience for modern practices of conscious consumption and «slow fashion»

Dar'ya Yu. ERMILOVA, Cand. Sci. (Philosophy), Prof.,
d.ermilova@gmail.com
Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation
Nadezhda B. LYAKHOVA, Prof.,
lyakhova_nb@mail.ru
Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation
Elena E. NEMCHINOVA, Associate Prof.,
ee–nem–va@yandex.ru
Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation
Yuriy N. KEPA, Associate Prof.,
yurchik05@yandex.ru
Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of fashion and consumer practices during the Second World War. The subject of the study is the practice of using clothing in extreme wartime conditions. The purpose of the study is to identify the features of fashion in the historical context. The task is to consider how the normalized distribution affected the attitude of people to clothing. The authors researched the wartime fashion on the example of the USSR, Germany, Great Britain, the United States, and France. The research hypothesis is that fashion can be interpreted as the result of widespread consumer practices caused by extreme living conditions, based on the experience of previous periods and abandoned after the war. The idea of «slowing down» fashion first appeared during the Second World War, so as not to waste the resources necessary for military purposes on the production of clothing for the civilian population. The main characteristics of military fashion generated by rationing measures were common to all countries. The minimum amount of clothing that could be purchased using coupons (cards, coupons, stamps) forced people to sew clothes themselves, alter old things, and use unusual materials for making clothes, shoes, accessories, and jewelry. In all countries, they evaluated economical consumption as «consumer patriotism», «patriotic chic». The experience of various interactions of people with clothing in wartime conditions can be used in modern practices in the context of current trends of «slow fashion» and «conscious consumption», customization and prolongation of the life of things. The article offers examples of the application of this experience by both manufacturers (designers) and modern consumers. In this perspective, they have not considered the fashion of wartime yet, as well as they have not drawn parallels between the military fashion in the USSR and the countries of the West. Further studies of wartime consumer practices from the point of view of the concepts of «slowing down consumption» seem very promising.

Keywords: World War II, fashion, consumer practices, normalized resource allocation, «slow fashion», customization

For citation: Ermilova D. Yu., Lyakhova N. B., Nemchinova E. E. & Kepa Yu. N. (2021). Consumer practices of the Second World War as an experience for modern practices of conscious consumption and «slow fashion». Service plus, 15 (3), 61–72. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–61–72 (In Russ.).
Submitted: 2021/05/06.
Accepted: 2021/06/06.

Введение

Тема военной моды вызывает интерес не только в связи с важностью сохранения памяти о войне и юбилейными датами, но и потому что может быть рассмотрена в ракурсе актуальных проблем современной жизни. Мода времен Второй мировой войны в начале XXI века стала популярна благодаря ностальгическим настроениям, вызванным экономическим кризисом и другими негативными явлениями, тревожащими людей в 2010–е гг. Мир стремительно меняется, эпидемия COVID–19 стала катализатором многих тенденций, в частности «четвертой промышленной революции». Неуверенность в будущем и проблемы настоящего создают благоприятную почву для ретромоды. Но, по мнению автора, возможен и другой аспект рассмотрения этой темы — опыт прошлого может быть ценным и для настоящего, и для будущего. В настоящем исследовании внимание уделено потребительским практикам, которые могут быть рассмотрены в контексте актуальных тенденций «медленной моды» (Slow fashion) и «осознанного потребления», переработки и продления жизни вещей, кастомизации. Военная мода — это опыт поведения потребителей, вызванного экстремальными условиями жизни, но базирующийся на ценностях предшествующих периодов, от которых отказались после Второй мировой войны. Гипотеза исследования — опыт потребительских практик военного времени можно использовать в современных практиках «замедления моды». Предмет исследования — практики использования одежды в экстремальных условиях военного времени. Цель настоящего исследования — выявить особенности поведения людей относительно вещей во время Второй мировой войны. Задачи — рассмотреть, как нормированное распределение повлияло на отношение людей к одежде. Мода военного времени была исследована на примере СССР, Германии, Великобритании, США, Франции.

Мода периода Второй мировой войны была предметом многих исследований — о моде этого периода писали авторы исследований моды XX в.— Н. Котторн, Ш. Зелинг, В. А. Мендес [1, 2, 3], рассматривая как стилевые особенности военной моды, так и влияние на нее систем нормированного распределения. В 2000–е гг. больше внимания стали уделять изучению отдельных аспектов военной моды, рационированию и экономному потреблению. Дж. Биддл–Перри посвятила свое исследование британской моде эпохи «жесткой экономии» — периоду после войны, который базировался на опыте ограничений военного времени [4]. Д. Гилберт анализировал связи моды и экономики, в частности моду военного времени [5]. Р. Арнольд исследовала развитие американской моды в 1930–40–е гг. [6]. О моде Франции в период оккупации писали Ю. Дрост и Д. Вейон [7, 8]. Исследованию моды Германии времен нацизма посвятили свои работы И. Гюнтер [9] и А. Васильченко [10].

Что касается моды времен Великой Отечественной войны, то работ гораздо меньше. Обширные исследования Дж. Бартлетт [11] и Н. Лебиной [12], посвященные советской моде и повседневной жизни советских людей, обходят эту тему, уделяя больше внимания довоенным и послевоенным временам. Обзорно тема военной моды была затронута в сборнике «Советский стиль» [13]. Наиболее тщательное исследование потребительских практик во время Великой Отечественной войны на основании большого объема разнообразных источников было проведено в коллективных монографиях Е. Кринко, И. Тажидиновой, Т. Хлыниной [14, 15]. К настоящему моменту самый подробный анализ советской моды военного периода (военной моде посвящена целая глава) был проделан в работе С. Журавлева и Ю. Гронова, посвященной моде в СССР [16].

Материалы и методы

Одежда в данном исследовании понимается как часть повседневной жизни человека, которая формирует поведенческие стереотипы и является одним из воплощений социально–культурных представлений личности и общества в целом в конкретных исторических условиях и проявляется в синтезе мате–

риальной и духовной культуры [12, с. 6]. Социально-психологический подход рассматривает особенности поведения человека по отношению к вещам, которые являются элементами повседневности, частью ежедневных рутинных действий, которые называются практиками. В данной статье анализируются потребительские практики времен Второй мировой войны — разнообразные взаимодействия людей с одеждой, которые принято называть модой военного времени, поскольку речь идет о массовом поведении по отношению к вещам, вызванном реалиями военного времени.

Идеи «замедлить» моду, «задержать» ее на довоенном уровне высказывали в США, чтобы не тратить на производство одежды для мирного населения ресурсы, необходимые для военных целей [1, с. 54]. В Германии в последние годы войны интерес к моде совершенно угас на фоне военных поражений и катастроф. Например, макияж и маникюр у женщин расценивались как «асоциальное поведение», за которое можно было попасть в лагерь для перевоспитания асоциальных элементов, как это было со «Swing-Jugend» («Swing Kids»), были запрещены танцы в общественных местах [9, 10]. В 1944 г. вся промышленность Третьего рейха была переведена на нужды армии, даже небольшие швейные мастерские и ателье занимались только ремонтом старой формы. Производство одежды было приостановлено[1]. В Великобритании и особенно США к косметике во время войны относились прямо противоположно — ухоженный и модный образ женщины должен был повысить боевой дух нации — что хорошо видно по агитационным плакатам, рекламе и обложкам журналов военных времен. Во Франции мода была формой сопротивления оккупационному режиму [7, 8]. Так что мода во время войны существовала, несмотря на все трудности. Даже в СССР во время войны издавались журналы «Костюм и пальто», «Моды», «Модели сезона», а в 1944 г. в Москве, Ленинграде и освобожденном Киеве были открыты Дома моделей.

Анализ потребительских практик проводился на основе исследований повседневной жизни и моды военного времени, а также воспоминаний людей, переживших войну. Самый ценный материал — воспоминания очевидцев о повседневной жизни во время войны, семейные истории, которые в последнее время также стали материалом для академических исследований [14, 15]. Но до сих пор не проводился анализ потребительских практик военного времени с точки зрения концепции «замедления потребления».

Практики рационирования

Нужно отметить главное обстоятельство, которое оказало решающее воздействие на моду и было общим почти для всех стран, участвовавших в войне, — меры по нормированному распределению ресурсов среди гражданского населения. Карточки, купоны, талоны, марки давали право купить большинство товаров в ограниченном количестве, определенном специальными указами. Как правило, нормированию подлежали некоторые виды продовольствия (в разных странах разные), средства гигиены, ткани (прежде всего шелк, из которого делали парашюты), одежда, обувная кожа, бензин, автомобильные покрышки (в США). Нормы определяли количество отпускаемых продуктов питания на человека на день или неделю, месяц, средств гигиены (мыло, порошок) на месяц, а одежды — на год. В отличие от карточек на продовольствие, которые жестко нормировали количество мяса, жиров, сахара, консервов, хлеба и т. п., положенные одному человеку (в разных странах нормировались разные продукты), купоны на одежду давали возможность выбрать, на что их потратить. Нормы в разных странах отличались, но, как правило, обеспечивали самый минимум потребностей в одежде. Система нормированного распределения не только была призвана обеспечить минимальные потребности гражданского населения в одежде, но и должна была способствовать экономии материалов и минимизации производственных затрат, а также сдерживать инфляцию. Сэкономленные ресурсы должны были пойти на военные нужды, в частности, на пошив военной формы.

Дефицит тканей и одежды для гражданского населения наблюдался везде, хотя почти во всех странах работали магазины, продававшие одежду без талонов или купонов (в СССР — «коммерческие магазины»), но там были «заоблачные» цены, недоступные большинству людей. Нехватка одежды была порождена не только карточной системой, значительно ограничивающей потребление гражданского насе-

[1] Залесский К. А. Цена победы. Быт в Германии в 1944 году [Электронный ресурс]. URL: https://diletant.media/articles/32036523/ (дата обращения: 27.12.2020).

ления, но и потерей имущества во время бомбежек или эвакуации — особенно в СССР, в Великобритании в эпоху «блица», в Германии (особенно в последние месяцы войны). Надо отметить, что «пики» дефицита не совпадали в разных странах. В СССР с точки зрения обеспечения населения необходимыми вещами самыми сложными были первые два года войны. В США карточки ввели позже (США вступили в войну только 8 декабря 1941 г.) и отменили раньше, чем в других странах, — в августе 1945 г. В Британии и Германии самыми тяжелыми были последние два года войны и особенно послевоенный период.

В любом случае, вещей, которые можно было приобрести по купонам, как правило, по фиксированным ценам, было крайне мало, только для обеспечения самых минимальных потребностей. Например, в СССР рабочим и инженерно-техническим работникам выдавалось 125 купонов в год, служащим — 100 купонов, иждивенцам (то есть тем, кто не работал, — пенсионерам, инвалидам, детям и учащимся) — 80 купонов, а чтобы купить пальто или пару обуви, надо было сдать 30 купонов, хлопчатобумажное платье — 40 купонов. В Великобритании по плану «Утилити», принятому с 1 июня 1941 г., на год взрослому человеку выдавали сначала 66 талонов, в 1942 г. — 48, в 1943 г. — 36, а в 1945 г. — всего 24. Чтобы приобрести пальто или костюм, надо было сдать 18 купонов, мужские брюки — 11 купонов, джемпер — 5 купонов. За пару мужской обуви нужно было отдать 9 купонов, за женские туфли — 5 купонов. Если служащему на работе выдавали униформу — часть купонов нужно было сдать (медсестры — 10, полицейские — 6). Если в Великобритании цены на одежду, продаваемую по талонам, были зафиксированы на довоенном уровне [1], то в СССР потребительский спрос сдерживался еще и высокими ценами на одежду и обувь [16].

Практики экономной и «самодельной моды»

Минимальное количество одежды, которую можно было приобрести по купонам, побуждало людей шить одежду самим, переделывать старую одежду, использовать для изготовления одежды, обуви, аксессуаров, украшений необычные материалы. Исследователи отмечают, что в СССР и так больше половины одежды до войны было не фабричного, а домашнего изготовления, особенно в сельской местности [16]. Но нужно понимать, что это не специфическая особенность советских потребительских практик. Домашнее изготовление одежды — часть традиционного уклада жизни, долго сохранявшегося в крестьянских семьях и социальных низах городского населения (а более состоятельные люди шили не сами, а на заказ у портных, социальная элита — в домах высокой моды), распространенные и до войны потребительские практики. Повсеместно, а не только в СССР, девочек обучали рукоделию, женщины умели шить, вязать, вышивать. Во многих семьях имелись швейные машины. Поэтому большей проблемой для людей того времени была не необходимость самостоятельного изготовления одежды, а дефицит тканей, фурнитуры, ниток и других материалов.

В военной моде продолжались тенденции моды конца 1930-х гг. — актуальны были платья Х-образного силуэта с большими подплечниками. Из-за необходимости экономить ткань юбки шили короткими, до колен, из клиньев или прямыми, носили обувь на платформе, потому что ее можно было изготовить самим [17]. Из-за дефицита тканей или прямых запретов исчезли модели с драпировками (за исключением Франции). Главный тренд военного времени — самодельная, экономная, но чрезвычайно изобретательная мода. В Великобритании была развернута рекламная кампания с персонажем в виде симпатичной тряпичной куклы «Mrs. SEW-and-SEW», которая давала советы, как перешить взрослую одежду в детскую, мужскую — в женскую, как сшить платье из шторы или чехлов для мебели, как заштопать порванную или изношенную одежду.

Одежду часто штопали и перелицовывали — распарывали и сшивали заново изнаночной стороной кверху вместо потертой лицевой. Так как тканей не хватало, были распространены комбинированные модели, которые перешивали из нескольких старых вещей или добавляли ткань от старой вещи к новой. Вместо полноценной блузки под костюм надевали «манишку» — блузку без рукавов, где из хорошей ткани был сшит только воротник и вставка спереди, а остальное — из дешевой хлопчатобумажной ткани или из старой блузки. Была распространена лоскутная техника.

Шелк было запрещено использовать для гражданских нужд, потому что из шелка делали купола парашютов, но использованные парашюты попадали на черный рынок — из парашютного шелка шили

нижнее белье, блузки и платья. Для изготовления одежды использовали самые неожиданные, особенно для современного человека, привыкшего к товарному изобилию, вещи — немецкие бинты (по воспоминаниям жителей оккупированного Бреста), матрасный тик, мешковину (в США из них моделировала платья в спортивном стиле Клэр Маккарделл). Обувная кожа тоже была стратегическим дефицитным материалом, поэтому обувь делали из автомобильных покрышек, дерева, пробки, шили из ткани и вязали из ниток. Великий обувщик С. Феррагамо придумывал модели с вязаным верхом из ниток с люрексом, целлофана и т. п. Изношенную обувь старались починить, чтобы продлить срок ее использования.

Запрет использовать шелк и нейлон (в США с 1943 г.) для гражданских нужд привел к тому, что тонкие чулки были самым дефицитным предметом. В теплое время года модницы надевали короткие носки, как это уже было принято в 1930-е гг. носить со спортивной одеждой. Впервые официальная мода допустила носить туфли в городе на босу ногу — до войны такая манера свидетельствовала о бедности. Или даже имитировали чулки, гримируя ноги морилкой для дерева или специальными красками, которые выпускали косметические фирмы (почти нет упоминаний о подобной практике в СССР и Германии). Шов на нарисованных чулках рисовали карандашом для бровей (рис. 1).

Дефицит одежды из шерстяных тканей пытались компенсировать с помощью вязания. Вязали джемперы, шапки, шарфы, жакеты, жилеты, носки, перчатки и варежки (рис. 2). В Великобритании для этого использовали даже собачью шерсть и нитки, которые продавались для штопки. Во всех странах была распространена самодельная фурнитура — обтяжные пуговицы и пряжки, пояса из ткани платья, потому что приобрести пуговицы в цвет ткани было практически невозможно — пластмассу тоже использовали для военных нужд. Все носили самодельные аксессуары, особенно сумки через плечо, которые распространились именно во время войны, их прообразами были офицерские планшетки и сумки для противогаза. В Британии были популярны самодельные украшения из пасты барбола и плексигласа, который использовали вместо стекла при строительстве военных самолетов.

Отношение к ношеной одежде принципиально отличалось от послевоенного, хотя больше соответствовало традиции — и до войны для низших классов носить бывшую в употреблении одежду было в порядке вещей. Во время войны это расценивалось не только как во многих случаях единственно воз-

Рис. 1 — Девушка демонстрирует приспособление, чтобы ровно рисовать шов на ноге (URL: https://www.cosmo.ru/fashion/how_to/obuv-plyus-noski-nosit-ili-net/ URL: http://tousperfect.com/5-29/)

Fig. 1 — A girl demonstrates a device to draw straight a seam on her leg (URL: https://www.cosmo.ru/fashion/how_to/obuv-plyus-noski-nosit-ili-net/ URL: http://tousperfect.com/5-29/)

Рис. 2 — Шляпа-тюрбан из вязаной трубы. Модель дома высокой моды «Эльза Скьяпарелли», 1941. Фото Андре Зукка; Вязаные шляпа и сумка, 1940-е гг.
(URL: https://www.liveinternet.ru/community/lj_humus/post430427076/
URL: https://www.livemaster.by/topic/138895-sumochki-1940-h-godov)

Fig. 2 — A turban hat made of knitted pipe. Model of the haute couture house «Elsa Schiaparelli», 1941. Photo by Andre Zucca; Knitted hat and bag, 1940s.
(URL: https://www.liveinternet.ru/community/lj_humus/post430427076/
URL: https://www.livemaster.by/topic/138895-sumochki-1940-h-godov)

можный вариант, но и правильное патриотичное поведение. В Германии еще до войны была запущена общенациональная программа сбора теплой одежды для нуждающихся «Зимняя помощь». В конце войны сбор вещей, особенно детских, стал еще более актуальным для населения больших городов, которое лишалось почти всего имущества во время ковровых бомбардировок. В СССР уже в начале войны была развернута акция по сбору теплых вещей для фронта. В Британии собирали в специальных пунктах и обменивали детские вещи. Бывшие в употреблении вещи приобретали на блошиных рынках (в СССР такие стихийные рынки назывались «толкучки»), магазинах second hand или «комиссионных» магазинах (в СССР). Одежду можно было обменять на черном рынке на продукты. Одежда была своеобразным «движимым капиталом» горожан, переселенцев и эвакуированных, который мог выручить в сложные времена.

Один из самых необычных сюжетов военной моды — прообраз современной кастомизации — куртки американских пилотов в стиле пин-ап. Военную форму в армиях других стран запрещено видоизменять уставом, но американские моряки разрисовывали надписями свои майки, а пилоты украшали не только самолеты, но и свои куртки изображениями обнаженных красоток (рис. 3).

Дискуссия

Во-первых, нужно отметить, что, несмотря на то, что в СССР была плановая социалистическая экономика, а в других странах — капиталистическая (в Германии — государственно-монополистический капитализм), мода военного времени, как и потребительские практики, были практическими одинаковыми с некоторыми незначительными различиями, в зависимости от конкретной ситуации. Это можно объяснить тем, что везде была введена система рационирования для нормированного распределения ресурсов для гражданского населения и меры по экономии ткани при производстве. Во всех странах экономное потребление оценивалось как «потребительский патриотизм», «патриотический шик». Слишком широкие брюки с отворотами, длинные двубортные пиджаки по сравнению с официальным стилем расценивались как вызывающе непатриотичные (и были приметой членов протестных субкуль-

Рис. 3 — Разрисованные куртки американских пилотов в стиле пин-ап. (URL: https://warweapons.ru/kurtki-amerikanskih-letchikov-vtoroy-mirovoy-voynyi/)

Fig. 3 — Painted jackets of American pilots in the pin-up style. (URL: https://warweapons.ru/kurtki-amerikanskih-letchikov-vtoroy-mirovoy-voynyi/)

тур). В СССР на экономии во время войны не делали акцента, потому что подобные практики были распространены уже в 1920–30–е гг. как результат товарного дефицита и низких доходов населения.

При этом не надо забывать, что идеи экономного и рационального отношения к вещам — не новшество, а результат опыта предшествующих поколений, которые ценили в вещах добротность, качество, возможность долгого использования. В музейных собраниях хранится немало платьев XVIII века со швами в нелогичных местах, свидетельствующими о том, что их перешили из платьев устаревшего фасона. Нельзя забывать и об опыте Первой мировой войны, во время которой не было введено подобных мер нормированного распределения ресурсов для всех, но были попытки распределения отдельных товаров и жесточайший товарный и продуктовый дефицит. Можно утверждать, что военная мода — это опыт поведения потребителей, вызванный экстремальными условиями жизни, но базирующийся на ценностях предшествующего времени.

После Второй мировой войны, когда начался бурный экономический рост, потребовалось принципиально изменить поведение потребителей, внедряя в сознание идеи «общества потребления» ради развития экономики и, как казалось, как гарантии от новых экономических кризисов. Если во время войны патриот должен был экономить и стараться потреблять как можно меньше, то после войны патриот должен покупать как можно больше, чтобы поддерживать экономику своей страны. Как показал дальнейший ход событий, идеология «общества потребления» не только не помогла избежать новых экономических кризисов, но и усугубила экологические проблемы, которые порождены, помимо других причин, и неумеренным потреблением современного человека, определенными потребительскими практиками [17, с. 263]. Частая смена стилей и моделей, «планируемое устаревание» вещей, одноразовые вещи вместе с концепцией самовыражения человека посредством вещей приводят к безудержному потреблению. Для изменения подобного поведения потребителей требуется существенная перестройка сознания людей, распространение новой системы ценностей в духе «осознанного потребления». И опыт потребительских практик времен войны в этом ракурсе может оказаться неожиданно актуальным, хотя до сих пор к военной моде обращались по другим причинам.

Впервые после войны военную моду стали воспринимать как источник вдохновения в 1970–е гг., когда экономический и энергетический кризис, разгул терроризма, страх перед экологическими катастрофами и ядерной войной вызвали эскапистские настроения, породившие ретромоду. С конца 2000–х гг. ностальгия по 1940–м гг. стала заметным трендом, проявляясь в популярности музыки, дизайна, стилей в графическом дизайне. Социальные причины ностальгических воспоминаний о Второй мировой войне исследовал журналист О. Хаттерли в книге «Министерство ностальгии» [18]. Он полагает, что огромная популярность плаката, выпущенного Ми–

нистерством информации Великобритании в 1939 г. с лозунгом «Keep Calm and Carry On», объясняется тем, что сочетание надписи и оформления связано с важными идеями, присутствующими в исторической памяти англичан — «духом блица», культом Би–би–си, чувством национального единения. Британский культуролог П. Гилрой в книге «После империи» отметил, что даже во времена экономического бума «Битву за Британию» и победу вспоминали часто. Вполне естественно, что во времена кризиса эти ностальгические тенденции только усилились [19]. В условиях экономического кризиса, проблем повседневной жизни, неустойчивой и конфликтной ситуации в мире воспоминания о войне становятся моментом национальной консолидации и способны внушить чувство уверенности в будущем. Ретроностальгия стала долговременной тенденцией — реакцией людей на перемены, связанные не только с кризисами, но и четвертой промышленной революцией, утратой ощущения стабильности, что еще больше усилилось из–за пандемии COVID–19.

Ретромода может быть не только реакцией на неблагоприятные изменения жизни, но и восприниматься как положительный опыт потребительских практик в контексте актуальных тенденций «медленной моды» (Slow fashion) и «осознанного потребления», переработки и продления жизни вещей, кастомизации. То, что современным людям преподносится как новый и актуальный тренд, давно было опробовано в прошлом, но было вытеснено из практики и из памяти послевоенных поколений потребительской психологией, агрессивно навязанной после войны. Речь, разумеется, не идет о нормировании потребления, внедрении какой–то модернизированной системы рационирования, хотя, если следовать прогнозам о «зеленой экономике», дело может дойти и до этого. Важно вернуться к разумному и рациональному отношению к вещам, экономному потреблению (которое уже давно реализовано в отношении расхода воды и электроэнергии в домохозяйствах), отказу от принципа «использовал–выбросил», от одноразовых, некачественных вещей с запланированным недолгим сроком использования, реализации разнообразных способов продления жизни вещей, одежды в частности [20, 21, 22, 23]. Что можно предложить использовать сегодня из опыта военной моды и потребительских практик того времени? Было бы наивно думать, что современного человека, который многое разучился делать своими руками, можно заставить самому шить себе одежду. Все идеи можно разделить на те, которые актуальны скорее для дизайнеров и производителей одежды, и на те, которые могут стать «новыми хорошо забытыми старыми» потребительскими практиками.

Для производителей:

1. Экономное обращение с материалами для производства одежды. Уменьшение выпадов при раскрое, использование этих выпадов для производства другой продукции. Например, финская компания Pure Waste Textiles выпускает одежду и аксессуары из переработанных остатков джинсовых материалов, оставшихся после раскроя. Такие практики могут сэкономить миллионы метров тканей и тонны сырья.
2. Upcycling — повторное использование готовых вещей или тканей, переделанные вещи. Например, дополненные декором спортивные костюмы бренда Jahnkoy, кимоно, сшитые из шелковых платков бренда Rianna + Nina, перешитые вещи из магазинов second hand бренда Vaquera, дизайнерские вещи из старых футболок бренда Maison Briz Vegas [24], украшенные вышивкой старые рубашки, пиджаки и костюмы российского бренда go authentic (рис. 4), ставшие знаменитыми сумки из переработанных пожарных рукавов Elvis & Kresse, коллекции из фабричных остатков кожи Rachel Freire. Примеров можно привести множество — это очень популярное, даже модное сейчас направление в дизайне одежды.

Рис. 4 — Украшенный вышивкой пиджак бренда go authentic Ольги Глаголевой, 2020 г. (URL: https://www.instagram.com/go_authentic_/)

Fig. 4 — Olga Glagoleva's go authentic brand jacket decorated with embroidery, 2020 (URL: https://www.instagram.com/go_authentic_/)

3. Нарисованные чулки стали перспективной идеей, связанной с экономией и переработкой материалов. Подобная имитация чулок благодаря новым технологиям получила развитие в современной практике, когда можно напылять колготки на ноги из баллончика, а потом смывать в конце дня (нет отходов в виде рваных чулок или колготок, которые не разлагаются в природной среде), или напылять специальный состав Fabrican на тело, который, застывая, превращается в одежду, который изобрели Манель Торрес и Пол Лакхэм[2]. Эта смесь прямо на коже высыхает и превращается в одежду, которую можно снимать и вновь надевать, стирать, напылять на нее краску, разрезать и вновь соединять разрезы. Если эта одежда надоест, то ее можно растворить специальным растворителем и опять использовать для напыления.

Для потребителей одежды можно предложить следующую стратегию «осознанного потребления»:

1. Пересмотреть свое отношение к одежде: не покупать вещей на один раз, не выбрасывать ненужные вещи — а отдавать их или обмениваться ими (благодаря социальным сетям во многих странах существуют системы обмена вещами). Направление second hand становится все более востребованной потребительской практикой [23].
2. Очень актуальный тренд — кастомизация вещей — персонификация вещи благодаря переделке под конкретного человека. Это может быть переделка старой одежды, внесение дополнения в готовую вещь, изготовление вещи из старой другого назначения, печворк. Опыт военной моды учит творческому отношению к вещам.
3. Ручное вязание, как и всякие виды рукоделия вообще, позволяет создать самому неповторимую индивидуальную вещь, но в то же время является видом досуга и хобби. Рукоделие уже было в моде в 1970-е гг. (направление low tech). Ручное вязание особенно интересно тем, что связанные вручную вещи можно до бесконечности распускать и вязать что-то новое, в отличие от машинного трикотажа, которые тоже перерабатывают, но распустить его и связать новую вещь из него практически невозможно.
4. Самодельные украшения и аксессуары как форма творческого самовыражения.

[2] https://www.epochtimes.com.ua/ru/novosti-nauki-i-tehniki/sprey-tkan-sozdayot-odezhdu-pryamo-na-tele-fabrican-128235 (Дата обращения: 23.01.2021 г.)

Заключение

В настоящем исследовании:

— был проведен анализ потребительских практик времен Второй мировой войны, связанных с введением нормированного распределения и дефицитом ресурсов, обобщен опыт использования одежды в экстремальных условиях военного времени;

— выявлены общие черты военной моды в разных странах, в то время как в многочисленных исследованиях моды времен Второй мировой войны внимание фокусировалось на национальных особенностях;

— показано, что мода существовала даже в самых сложных условиях и могла быть формой сопротивления и повышения боевого духа нации. Более того, дефицит стимулировал творческое начало, изобретательность в обращении с вещами, преобразования их и изменения функций;

— дефицит породил общераспространенную практику шить одежду самим, переделывать старую одежду, использовать для изготовления одежды, обуви, аксессуаров и украшений необычные материалы. Военная мода дает множество примеров кастомизации и апсайклинга;

— экономное потребление во время войны расценивалось как «потребительский патриотизм». Военная мода — это опыт поведения потребителей, вызванный экстремальными условиями жизни, но базирующийся на ценностях предшествующего времени;

— положительный опыт потребительских практик времен войны может быть использован в контексте актуальных тенденций «медленной моды» (Slow fashion) и «осознанного потребления», переработки и продления жизни вещей, кастомизации. В таком ракурсе мода военного времени до сих пор не рассматривалась. Автором были предложены возможные варианты применения этого опыта и для производителей (дизайнеров): экономия материалов при производстве одежды, upcycling, идея напыления одежды на тело, и для современных потребителей: более рациональное отношение к приобретению и ношению одежды, практики обмена вещами, продолжение жизни одежды (second hand), кастомизация вещей, возрождение рукоделия как творческой деятельности. Дальнейшие исследования потребительских практик военного времени с точки зрения концепций «замедления потребления» представляются весьма перспективными.

Список литературы

1. Cawtorne N. The New Look: The Dior Revolution Hamlyn, 1996. — 175 p.
2. Seeling C. Fashion: The Century of the Designer 1900–1999. Published by Konemann, Cologne, 2000. — 656 p.
3. Mendes V., De la Haye A. 20th Century Fashion. — London: Thames & Hudson, 2005. — 288 p.
4. Biddle–Perry G. Dressing for Austerity: Aspiration, Leisure and Fashion in Post–War Britain. — London: I. B. Tauris, 2016.
5. Gilbert D. The Looks of Austerity: Fashions for Hard Times // Fashion Theory. The Journal of Dress, Body and Culture. — Vol. 21. — No. 4. — 2017. — P. 477–499.
6. Arnold R. The American Look: Fashion, Sportswear and Images of Women in New York in the 1930s and 1940s. Bloomsbury Academic, 2009. — 237 p.
7. Drost J. Mode Unter Dem Vichy Regime: Frauenbild Und Frauenmode In Frankreich Zur Zeit Der Deutschen Besatzung (1940 1944). Centaurus 1998. — 119 p.
8. Veillon D. Fashion under the Occupation. — New York: Berg, 2002. — 205.
9. Guenther I. Nazi Chic?: Fashioning Women in the Third Reich. — Oxford, New York: Berg, 2004. — 499 p.
10. Васильченко А. В. Мода и фашизм. — М. Вече, 2009. — 288 с.
11. Бартлетт Дж. FashionEeast: призрак, бродивший по Восточной Европе. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 360 с.
12. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. — М: Новое литературное обозрение, 2015. — 483 с.
13. Ермилова Д. Ю. Советская мода // Советский стиль. Научно–популярное издание. — М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2012. — С. 10–37.
14. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940–х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. — Ростов н/Д: Изд–во ЮНЦ РАН, 2011. — 360 с.
15. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). — Ростов н/Д: Изд–во ЮНЦ РАН, 2013. — 362 с.
16. Журавлев С., Гронов Ю. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991. — М.: ИРИ РАН, 2013. — 496 с.
17. Ермилова Д. Ю. История костюма. Учебник для вузов. — М.: Издательство Юрайт, 2020. — 392 с.
18. Hatherley O. The Ministry of Nostalgia. — London: Verso, 2016. — 232 p. P. 13–33.
19. Gilroy P. After Empire: Melancholia or Convivial Culture? — London: Routledge, 2004. — P. 96–97.
20. Brown S. Eco Fashion. — London: Laurence King, 2010. — 208 p.
21. Fletcher K., Grose L. Fashion and Sustainability: Design for Change. — London: Laurence King, 2012. — 192 p.
22. Gregson N., Crewe L. Second–hand Cultures, Materializing Culture. — Oxford: Berg, 2003. — 288 p.
23. Gregson, N. & Crang M. Made in China and the new world of secondary resource recovery. Environment and Planning A. 2019; 51:1031–1040.
24. Бинотто К., Пейн Э. Поэтика мусора: современные практики моды в контексте неоправданной расточительности // Теория моды. — № 53 (3/2019) — С. 61–91.

References

1. Cawtorne N. (1996). The New Look: The Dior Revolution Hamlyn.
2. Seeling C. (2000). Fashion: The Century of the Designer 1900–1999. Cologne: Published by Konemann.
3. Mendes V. & De la Haye A. (2005). 20th Century Fashion. London: Thames & Hudson.
4. Biddle–Perry G. (2016). Dressing for Austerity: Aspiration, Leisure and Fashion in Post–War Britain. London: I. B. Tauris.
5. Gilbert D. (2017). The Looks of Austerity: Fashions for Hard Times. Fashion Theory. The Journal of Dress, Body and Culture, 21 (4), 477–499.

6. Arnold R. (2009). The American Look: Fashion, Sportswear and Images of Women in New York in the 1930s and 1940s. Bloomsbury Academic.
7. Drost J. (1998). Mode Unter Dem Vichy Regime: Frauenbild Und Frauenmode In Frankreich Zur Zeit Der Deutschen Besatzung (1940 1944). Centaurus.
8. Veillon D. (2002). Fashion under the Occupation. New York: Berg.
9. Guenther I. (2004). Nazi Chic?: Fashioning Women in the Third Reich. Oxford, New York: Berg.
10. Vasilchenko A. V. (2009). Moda i fashizm. [Fashion and fascism.]. Moscow: Veche. (In Russ.).
11. Bartlett D. (2011). Fashion Eeast: The Spectre that Haunted Socialism. Moscow: Novoje literaturnoje obozrenie [New literature review]. (In Russ.).
12. Lebina N. (2015). Soviet everyday life: Norms and anomalies. From War Communism to Grand Style. Moscow: Novoje literaturnoje obozrenie [New literature review]. (In Russ.).
13. Ermilova D.Yu. (2012). Soviet Fashion. In: Sovetskiy stil` [Soviet style]. Moscow: Mir encyclopedi Avanta+, Astrel, 10–37. (In Russ.).
14. Krinko E. F., Tazhidinova I. G. & Khlynina T.P. (2011). The Daily world of the Soviet man of 1920–1940s: the life in the conditions of social transformations. Rostov–on–Don: SSC RAS Publishers. (In Russ.).
15. Krinko E. F., Tazhidinova I. G. & Khlynina T. P. (2013). Private Life of the Soviet Manin Wartime: the Space, Boundaries, and Mechanisms of Implementation (1941–1945). Rostov–on–Don: SSC RAS Publishers. (In Russ.).
16. Zhuravlev S., Gronow J. (2013). Fashion according to plan: the history of fashion and clothing modeling in the USSR, 1917–1991. Moscow: IRI RAN. (In Russ.).
17. Ermilova D. Yu. (2020). The history of the costume. Textbook for universities. Moscow.: Urite. (In Russ.).
18. Hatherley O. (2016). *The Ministry of Nostalgia*. London: Verso, 13–33.
19. Gilroy P. (2004). After Empire: Melancholia or Convivial Culture? London: Routledge, 96–97.
20. Brown S. (2010). Eco Fashion. London: Laurence King.
21. Fletcher K. & Grose L. (2012). Fashion and Sustainability: Design for Change. London: Laurence King.
22. Gregson N. & Crewe L. (2003). Second–hand Cultures, Materializing Culture. Oxford: Berg.
23. Gregson N. & Crang M. (2019). Made in China and the new world of secondary resource recovery. Environment and Planning A, 51, 1031–1040.
24. Binotto C. & Payne A. (2019). The Poetics of Waste: Contemporary Fashion Practice in the Context of Wastefulness. Fashion Theory, 53 (3), 61–91. (In Russ.).

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ/ CULTURE & CIVILIZATION

УДК 371.322.3
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-73-79

Интеллектуальное развитие младших школьников в процессе интерактивного обучения

КОНЯГИНА Людмила Николаевна, к.п.н, доцент. Кафедра гуманитарных дисциплин и иностранных языков. АНОО ВО Центросоюза РФ Российский университет кооперации, г. Москва.
Konyaginaln@mail.ru
ИЛЬИНА Ольга Викторовна, старший преподаватель. Кафедра гуманитарных дисциплин и иностранных языков. АНОО ВО Центросоюза РФ Российский университет кооперации, г. Москва.
Olgawerhova@yandex.ru

Аннотация. В статье изложены теоретические основы проблемы развития интеллектуального потенциала современных детей в информационном мире. Акцент дается на интерактивное обучение как условие развития психических познавательных процессов детей младшего школьного возраста.

Дается анализ представленной программы «Шерлок»; представлены результаты внедрения данной программы в практику воспитательно–образовательного процесса в начальных классах школы. Проведённое исследование показывает, что представленный проект может успешно применяться для развития интеллектуального потенциала младших школьников в процессе интерактивного обучения.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал, интерактивное обучение, программа–квест «Шерлок», познавательные процессы, игры–квест.

Для цитирования: Конягина Л. Н., Ильина О. В. Интеллектуальное развитие младших школьников в процессе интерактивного обучения // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 73–79. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–73–79

Статья поступила в редакцию: 10.05.2021.
Статья принята к публикации: 10.06.2021.

Intellectual development of primary school-age children in the process of interactive learning

Lyudmila N. KONYAGINA, Cand. Sc. (Pedagogic), Associate Prof.,
Konyaginaln@mail.ru
Department of Humanities and Foreign Languages, Russian University of Cooperation, Moscow, Russian Federation
Olga V. ILYINA, Senior Lecturer,
Olgawerhova@yandex.ru
Department of Humanities and Foreign Languages, Russian University of Cooperation, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article lays out the theoretical foundations of the problem of the development of the intellectual potential of modern children in the information world. The emphasis is on interactive learning as a condition for the primary school–age children development of mental learning processes. An analysis of the Sherlock program presented; the results of the introduction of this program into the practice of educational process in the primary school are presented. The research shows that the presented project can be successfully applied to develop the intellectual potential of primary school–age in the process of interactive learning.

For citation: Konyagina L. N. & Ilyina O. V. (2021). Intellectual development of primary school–age children in the process of interactive learning. Service plus, 15 (3), 73–79. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–73–79 (In Russ.).
Submitted: 2021/05/10.
Accepted: 2021/06/10.

Актуальность: проблема развития интеллектуального потенциала современных детей в информационном мире приобретает всё больший масштаб. В настоящее время школьники совсем не такие, как их сверстники десять лет назад. Конечно, закономерности развития ребёнка остались прежними, но принципиально изменилась сама жизнь. Кроме учебников и тетрадей, в рюкзаке обычного школьника обязательно есть телефон. Семьдесят процентов детей все свои интересы реализует с помощью этого мобильного девайса. Это считается нормой для нашего предметного и социального мира. Процесс получения информации максимально упрощён. В этом есть свой плюс: в интернете всегда можно найти ответ на любой вопрос. Минус в том, что дети слишком часто обращаются за помощью к интернету, поэтому у них нет потребности в расширении кругозора.

Проблема развития интеллектуального потенциала современных детей в информационном мире приобретает всё больший масштаб. Изучением интеллектуального потенциала занимались следующие учёные: Б. Г. Ананьев, Б. С. Волков, Л. С. Выготский, И. В. Дубровина, А. З. Зак, В. Н. Камышников, Л. Тихомирова, Ж. Пиаже, Дж. Брунер и другие [1, 5, 6].

Большинство исследований проведено среди школьников старшего возраста из–за необходимости выявления их профессиональной направленности, а также среди обучающихся вузов для оценки первых успехов в деятельности, и среди работников организаций, разрабатывающих инновационные проекты. Среди множества работ крайне мало исследований интеллектуального потенциала именно младших школьников. Это свидетельствует о том, что данная тема почти не изучена российскими и зарубежными психологами [2].

Суммируя написанное выше, мы объясняем интерес к теме исследования. Необходимо исследовать интеллектуальный потенциал младших школьников, потому что в возрасте 7–11 лет изменяется тип мышления, развиваются социальные, узколичные, познавательные мотивы, возникает произвольность психических процессов, интенсивно развивается самосознание. [3]. Но возникает вопрос: какие условия обучения нужно создать для ребёнка, чтобы обеспечить полноценное умственное развитие и заложить «фундамент», от которого зависит будущее?

Цель исследования — выявить влияние интерактивного обучения на развитие интеллектуального потенциала младших школьников.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ научной литературы по теме исследования.
2. Дать определение понятиям «интеллектуальный потенциал» и «интерактивное обучение» и раскрыть их сущность.
3. Дать характеристику познавательных психических процессов.
4. Выявить психологические особенности младших школьников.
5. Подготовить и апробировать программу интерактивного обучения детей младших классов школы.
6. Подобрать психодиагностические методики для доказательства влияния интерактивного обучения на развитие интеллектуального потенциала.
7. Сделать анализ результатов развития интеллектуального потенциала детей по программе.

Для решения поставленных задач исследования использован комплекс методов, включающих в себя:

1) теоретические методы: анализ научной литературы по проблеме исследования;
2) эмпирические методы: наблюдение, опрос младших школьников (для выявления интересов), квест–игра «Шерлок», психодиагностическое тестирование познавательных психических процессов с помощью сборника А. А. Шевченко: методика «Какие предметы спрятаны в рисунках», методика «Вербальная фантазия» (речевое воображение), методика «Корректурная проба», методика «Память на числа»; методика «Пройди через лабиринт», методика «Определение активного словарного запаса» [10].

Для выявления развитие интеллектуального потенциала учащихся младших классов школы нами использовалась специальная программа интерактивного обучения «Шерлок». (Программа интерактивного обучения «Шерлок» полностью является авторской.) Это программа для детей от 6 до 14 лет. Реализация программы представляет собой проведение занятий, продолжительность которых 1 час 30 минут. Каждое занятие — это мини–квест (детективная история). Детям предлагается расследовать интересные преступления путем решения математических задач, а также выполнения заданий, направленных на развитие логики, внимания, памяти, воображения, речи, восприятия, мышления.

В начале занятия озвучиваются правила расследования и интрига (описание происшествия). Далее детям предлагается выполнить ряд заданий, связанных с детективной историей. Каждая решенная задача приближает детей к разгадке. Дети учатся общаться, выстраивают логическую и хронологическую цепочку событий при составлении протокола, работают как настоящая команда. Все задачи формируются на базе школьной программы (с опережением), а также с помощью типовых олимпиадных заданий по математике. В форме игры–квеста получение новых знаний происходит с интересом, новые темы усваиваются быстро. В ходе расследования преступления дети отвечают на вопросы по географии, литературе и русскому языку, что позволяет получить как можно больше новой информации и быстро переключать внимание. Тренировка памяти происходит при выполнении специальных заданий, а также при повторе интриги и проведении расследования. Развитие воображения происходит при прорабатывании мотивов различных преступлений.

В конце каждого занятия юные сыщики получают приятные призы, что развивает у детей мотивацию к разгадке основной тайны [4].

Цель проекта: развитие интеллектуального потенциала детей от 6 до 14 лет.

Задачи проекта:

1. Развитие мотивов для обучения математике.
2. Расширение кругозора детей в различных областях знаний.
3. Восполнение пробелов в освоении школьной программы, а также разбор новых тем.
4. Освоение различных способов решения математических и логических задач.
5. Эффективное снятие страха совершить ошибку у детей.
6. Развитие творческого потенциала у детей при проработке разных следственных версий.
7. Создание условий для самовыражения детей через игру–квест.
8. Развитие навыков работы в команде.
9. Развитие познавательных психических процессов.

Социальная значимость проекта:

Это новейший проект для детей от 6 лет не только в Московской области, но и во всей России. Он позволяет воспитывать интерес к учебе в ходе проведения детективной игры, а также способствует развитию познавательных процессов у детей при решении задач разной степени сложности.

Мероприятия, проведенные в рамках проекта: было проведено 36 занятий продолжительностью по полтора часа.

За основу исследования интеллектуального потенциала младших школьников мы взяли шесть методик и провели диагностику познавательных процессов младших школьников на разных этапах исследования [7].

Ниже перечислены названия всех методик, которые мы использовали в тестировании младших школьников в начале и в конце интерактивного обучения, описанных в сборнике А. А. Шевченко [10].

1. Методика «Какие предметы спрятаны в рисунках». Цель: диагностика уровня развития восприятия.
2. Методика «Вербальная фантазия». Цель: диагностика уровня развития речевого воображения.
3. Методика «Корректурная проба». Цель: диагностика уровня устойчивости внимания.
4. Методика «Память на числа». Цель: диагностика кратковременной зрительной памяти, ее объема и точности.
5. Методика «Пройди через лабиринт». Цель: диагностика уровня развития мышления.
6. Методика «Определение активного словарного запаса». Цель: диагностика уровня развития речи.

Анализ данных, полученных в результате обработки шести тестов, позволяет сделать вывод об общих взаимосвязях ресурсов младшего школьника с его способностями, энергетическим состоянием творческой продуктивности в процессе обучения, а также с мотивационной сферой. Как следствие, мы сделаем вывод об интеллектуальном потенциале в целом.

Исследование проводилось на базе Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения Пушкинского муниципального района «Средняя общеобразовательная школа №14 города Пушкино».

В исследовании принимали участие обучающиеся из 1 «А», 1 «Б» и 1 «В» классов: 7 девочек и 8 мальчиков в возрасте от 7 до 8 лет:

Средний возраст детей: 8 лет. (Расчёт произведён в мае 2019 года.) Количество респондентов обусловлено тем, что кружок «Шерлок» проводился во внеучебное время. Для того чтобы дети могли эффективно взаимодействовать, в группу набиралось не более восьми человек.

Была проведена большая практическая работа: в два этапа мы исследовали психические познавательные процессы, разработали и применили на практике в течение восьми месяцев программу интерактивного обучения.

По каждому этапу были сформулированы промежуточные выводы. Для первого этапа важным является начальный срез представлений о познавательных процессах детей, а также интеллекте в целом. Только оценив возможности группы, возможно было дальше продуктивно продолжать исследование.

В течение восьми месяцев проводились занятия «Шерлок», которые помогали детям расширять кругозор, развивать логику, прорабатывать страхи, чувствовать себя членом команды. Иными словами, занятия «Шерлок» целиком и полностью специализировались на развитии интеллектуального потенциала детей. Благодаря формату тренинга, в форме которого проводились занятия, новый материал усваивался эффективно, а упражнения выполнялись с интересом. Каждый из пятнадцати человек смог получить должное внимание преподавателя, поддержку и помощь в обучении.

После проведения тестирования мы провели расчёт средних значений, полученных при диагностике испытуемых на первом и втором этапе [9].

Полученные результаты представлены ниже в таблице 1.

Таблица 1. Динамика развития интеллектуального потенциала

Table 1. Dynamics of intellectual potential development

	Среднее значение по группе на первом этапе	Среднее значение по группе на втором этапе
Диагностика восприятия	5,5	8,9
Диагностика воображения	5,8	8,7
Диагностика внимания	6,7	11,3
Диагностика памяти	4,5	6,4
Диагностика мышления	5,0	9,5
Диагностика речи	6,1	8,3

Ниже для более наглядного сравнения мы поместили диаграмму, составленную по таблице.

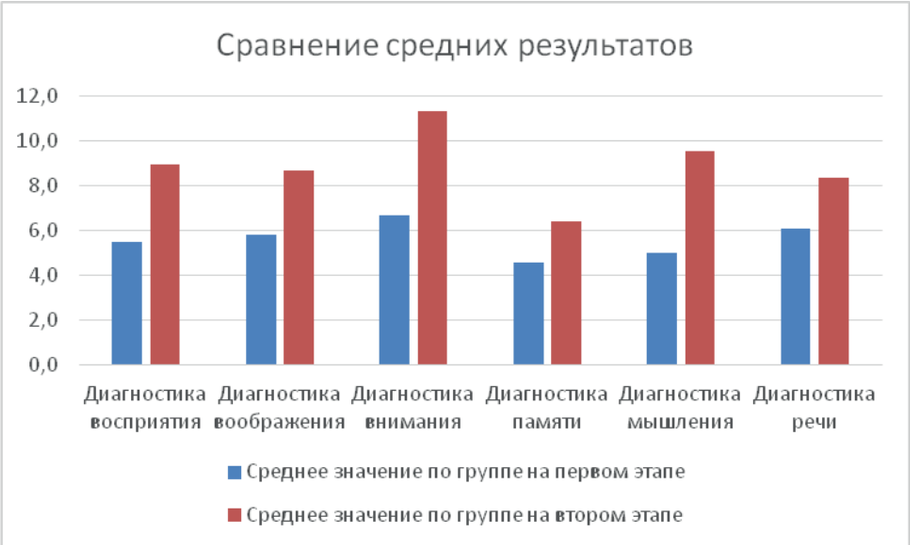

Рис. 1 — Динамика развития интеллектуального потенциала

Fig. 1 — Dynamics of intellectual potential development

Таким образом, среднее значение по уровню развития восприятия в течение восьми месяцев выросло на 3,4 балла.

Уровень развития воображения вырос на 2,9 балла.

Уровень развития устойчивости внимания среди испытуемых в среднем вырос на 4,6 балла.

Уровень развития памяти повысился на 1,9 балла.

Среднее значение, полученное при диагностике мышление на втором этапе, выросло на 4,5 балла в сравнении со средним значением на первом этапе исследования.

Среднее значение по уровню развития речи выросло на 2,2 балла в процессе интерактивного обучения.

По истечении восьми месяцев абсолютно у всех детей улучшились результаты диагностики познавательных психических процессов. Это значит, что интеллектуальный потенциал каждого ребёнка развивался в течение восьми месяцев. Мы смогли доказать, что интерактивное обучение положительно влияет на все интеллектуальные сферы ребёнка.

Стоит отметить, что у всех детей заметно повысилась успеваемость, они меньше времени стали тратить на выполнение домашнего задания, стали быстрее реагировать на вопросы учителя.

Диагностика психических познавательных процессов проводилась также у детей, которые не посещали кружок «Шерлок». В конце учебного года, на втором этапе, их результаты были гораздо ниже. Это доказывает, что на интеллектуальный потенциал влияет именно способ получения знаний. В ходе простого обучения в школе дети имеют средние уровни развития психических познавательных процессов, а выше среднего — те, что на первом этапе показывали средний и выше среднего результаты. Это свидетельствует о слабой динамике развития интеллектуального потенциала у детей, которые занимаются только по школьной программе.

Так как мы смогли подтвердить теоретически и практически необходимость использования интерактивного обучения среди младших школьников, мы доказали эффективность разработанной нами программы «Шерлок».

Заключение. Основные достижения младшего школьного возраста обусловлены ведущим характером учебной деятельности. Полноценное проживание этого периода, его позитивные приобретения являются необходимым основанием, на котором выстраивается дальнейшее развитие ребенка как активного субъекта познаний и деятельности.

Мы провели большое эмпирическое исследование психических познавательных процессов в два этапа, разработали и применили на практике в течение восьми месяцев программу интерактивного обучения «Шерлок».

По каждому этапу эмпирического исследования мы сформулировали промежуточные выводы.

Для первого этапа важным является начальный срез представлений о познавательных процессах детей, а также интеллекте, в целом. Только оценив возможности группы, возможно было дальше продуктивно продолжать исследование.

По результатам первого исследования было выявлено, что по всем рассматриваемым характеристикам познавательных процессов у детей, в основном, наблюдается средний показатель, а также отдельно были отмечены дети, которые чаще других показывали высокие и низкие баллы.

В течение восьми месяцев проводились занятия «Шерлок», которые помогали детям расширять кругозор, развивать логику, прорабатывать страхи, чувствовать себя членом команды. Иными словами, занятия «Шерлок» целиком и полностью специализировались на развитии интеллектуального потенциала детей. Благодаря формату психологического тренинга, в форме которого проводились уроки, новый материал усваивался эффективно, а упражнения выполнялись с интересом. Каждый из пятнадцати человек смог получить должное внимание преподавателя, поддержку и помощь в обучении.

По истечении восьми месяцев мы заметили, что у всех детей есть улучшения в диагностике всех психических познавательных процессов. У детей заметно повысилась успеваемость, они меньше времени стали тратить на выполнение домашнего задания, стали быстрее реагировать на вопросы учителя. Это свидетельствует о развитии интеллектуального потенциала у каждого ребёнка под влиянием интерактивного обучения. Мы смогли доказать, что программа–квест «Шерлок» повлияла на развитие интеллектуального потенциала младших школьников. Таким образом, подтверждается гипотеза исследования: интерактивное обучение младших школьников влияет на развитие их интеллектуального потенциала.

Наша основная рекомендация для учителей начальных классов — это использование программы–квеста «Шерлок» для младших школьников с целью повышения уровней развития познавательных психических процессов и интеллектуального потенциала, в целом.

Список литературы

1. Антони М. А. Интерактивные методы обучения как потенциал личностного развития студентов // Психология обучения. — 2010. — № 12. — С. 53–63.
2. Вислобоков Н. Ю. Технологии организации интерактивного процесса обучения // Информатика и образование. — 2011. — № 6. — С. 111–114.
3. Воронкова О. Б. Информационные технологии в образовании : интерактивные методы / О. Б. Воронкова. — Ростов н/Д : Феникс , 2010. — 315 с.
4. Герасимова Н. И. Деловая игра как интерактивный метод обучения речевой деятельности // Среднее профессиональное образование. — 2011. — № 1. — С. 24–25.
5. Дубровина И. В. Младший школьник. Развитие познавательных способностей. — М.: Просвещение, 2003. — 148 с.
6. Зак А. З. Систематический курс формирования универсальных учебных действий в 1–4 классах. Методич. Руководство — М.: Интеллект–Центр, 2013. — 96 с.
7. Кашлев С. С. Технологии интерактивного обучения. Учебно–методическое пособие. — М.: Тетрасистемс, 2005. — 35 с.
8. Малышева Т. В. Влияние методов интерактивного обучения на развитие коммуникативной компетенции учащихся // Учитель в школе. — 2010. — № 4. — С. 14–16.
9. Тихомирова Л. Развитие интеллектуальных способностей школьника. — Ярославль: Академия развития, 1996. — 192 с.
10. Шевченко А. А. Диагностика познавательных процессов младших школьников. [Электронный ресурс] — режим доступа к источнику https: // infourok.ru/diagnostika–poznavatelnih–processov–mladshih–shkolnikov–sbornik–testov–2827706.html

The list of literature is

1. Anthony M. A. (2010). Interactive Teaching Methods as a Potential for Personal Development of Students. Psikhologiya obucheniya [Psychology of Learning], 12, 53–63. (In Russ.).

2. Vislobonov N. Yu. (2011). Technology organization of the interactive learning process. Informatika i obrazovanie [Informatics and education], 6, 111–114. (In Russ.).

3. Voronkova O. B. (2010). Information Technology in Education : Interactive Methods. Rostov–on–Don: Phoenix. (In Russ.).

4. Gerasimova N. I. (2011). Business game as an interactive method of speech training. Srednee professionalnoe obrazovanie [Secondary vocational education], 1, 24–25. (In Russ.).

5. Dubrovina I. V. (2003). Junior schoolboy. Development of cognitive abilities. Moscow: Prosveshchenie [Enlightenment]. (In Russ.).

6. Zak A. S. (2013). Systematic course of formation of universal training actions in 1–4 classes. Methodical Guide. Moscow: Intellect tsentr [Intelligence Center]. (In Russ.).

7. Kashlev S. S. (2005). Interactive Learning Technologies. Teaching manual. Moscow: Tetrasystems. (In Russ.).

8. Malysheva T. V. (2010). Influence of interactive learning methods on the development of communication competence of students. Ushchitel v shkole [Teacher in school], 4, 14–16. (In Russ.).

9. Tikhomirova L. (1996). Development of the intellectual abilities of a schoolboy. Yaroslavl: Development Academy. (In Russ.).

10. Shevchenko A. Diagnostic cognitive processes of junior schoolchildren. [Electronic resource]. (In Russ.). URL: https: // infourok.ru/diagnostika–poznavatelnih–processov–mladshih–shkolnikov–sbornik–testov–2827706.html12

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ/ CULTURE & CIVILIZATION

УДК 82–1/29
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-80-85

О методах филологической интерпретации произведений Уильяма Шекспира

ЛИПГАРТ Андрей Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
E–mail: a_lipgart@mail.ru
IstinaResearcherID (IRID): 1311899

Аннотация: за последние три столетия шекспироведение оформилось как самостоятельная область филологических исследований и накопило такое количество противоречивого материала, что многие филологи предпочитают сосредотачиваться исключительно на языковой стороне шекспировских текстов, подвергая сомнению или же прямо отрицая значимость биографической и исторической информации для понимания произведений великого поэта и драматурга. Между тем филологическая интерпретация произведений Уильяма Шекспира не может сводиться к лексико–синтаксическому анализу его текстов, поскольку их содержание в большом количестве случаев не является очевидным и не раскрывается с помощью простейших операций по работе со словарями языка Шекспира. Значимыми методами анализа применительно к шекспировским текстам оказываются метод историко–филологической реконструкции и биографический метод анализа художественных произведений, имеющий разную направленность — от текста к биографии автора и от биографии автора к тексту. Скомпрометированные недобросовестными или недостаточно осведомленными исследователями и противоречащие релятивистскому взгляду на природу гуманитарного знания, эти методы при ответственном их применении способны пролить свет на такие ключевые проблемы современного шекспироведения, как реконструкция ранних этапов жизни и творчества Шекспира, вопрос об авторстве шекспировских текстов, политические и религиозные конфликты эпохи и их основополагающая роль в интерпретации содержательной стороны шекспировских текстов.

Ключевые слова: Шекспир, шекспироведение, релятивизм, лексико–синтаксический анализ, историко–филологическая реконструкция, биографический метод.

Для цитирования: Липгарт А. А. О методах филологической интерпретации произведений Уильяма Шекспира // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 80–85. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–80–85
Статья поступила в редакцию: 03.06.2021.
Статья принята к публикации: 03.07.2021.

William Shakespeare's Works: Methods of Philological Interpretation

LIPGART Andrey Alexandrovich, PhD, Professor of English Philology, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University
E–mail: a_lipgart@mail.ru
IstinaResearcherID (IRID): 1311899

Abstract: During three–odd centuries of its existence Shakespearology not only became a fully–fledged field of philological studies. It also acquired such a plethora of conflicting views that it makes many scholars concentrate exclusively on the linguistic side of Shakespeare's texts and deny the significance of the biographical and historical information for understanding the great poet's works. However, the philological interpretation of Shakespeare's texts cannot be confined to their lexical–syntactic analysis, because in so many cases their content is the opposite of evident and it is not made clearer if one gets engaged in the elementary process of studying dictionaries of Shakespeare's language. The methods which can be productive when one tries to study Shakespeare's texts are those of historical–philological reconstruction and the biographical method of analysing works of verbal art (the directions of study in the latter case being either «from text to biography» or «from biography to text»). Though compromised by the irresponsible or the uninformed researchers and going against the popular relativist approach to the Humanities, the methods just mentioned may shed light on the following key–problems of modern Shakespearology: the reconstruction of the great writer's early life, the authorship of Shakespeare's texts, the political and religious conflicts of Shakespeare's England and their relevance for interpreting the content of his texts.

Key words: Shakespeare, Shakespearology, relativism, lexical–syntactic analysis, historical–philological reconstruction, biographical method

For citation: Lipgart A. A. (2021). William Shakespeare's Works: Methods of Philological Interpretation. Service plus, 15 (3), 80–85. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–80–85 (In Russ.).

Submitted: 2021/06/03.

Accepted: 2021/07/03.

Произведения великого английского поэта и драматурга Уильяма Шекспира (1564–1616) были написаны более четырехсот лет назад. Шекспироведение как самостоятельная дисциплина (изучение биографии драматурга и текстологически выверенное издание его произведений) стало оформляться уже в начале 18–го века благодаря деятельности Николаса Роу, автора первой биографии Шекспира и первого редактора его пьес (1709 год). Наличие подобной трехсотлетней традиции может наводить на мысль о том, что все необходимое и значимое применительно к произведениям Шекспира уже сказано и что нынешние шекспироведы в силу разных соображений просто придумывают себе работу, тогда как реальных проблем, требующих изучения, уже на самом деле не осталось.

Наряду с этим отчасти оптимистическим, отчасти скептическим взглядом на состояние современного шекспироведения (с одной стороны, за три столетия исследователи достигли исчерпывающего понимания некогда стоявших перед ними проблем, с другой стороны — любые попытки продолжить исследования являются заведомо непродуктивными) существует ряд вопросов, на которые до сих пор не было дано внятного ответа. Например, 1) правда ли, что биографические подробности жизни Шекспира с 1585 по 1593 год восстановить невозможно? 2) Правда ли, что биография Шекспира в целом фактически не подлежит внятной реконструкции? 3) Обладал ли Уильям Шекспир из Стратфорда достаточным образованием для создания своих текстов или же его имя просто использовалось для сокрытия имени «настоящего автора», как утверждали и продолжают утверждать поколения так называемых «антистратфордианцев» (противников традиционной теории авторства шекспировских текстов)? 4) Правда ли, что Шекспир

начал свою творческую деятельность почти в тридцатилетнем возрасте? 5) Правда ли, что в своих работах он активно заимствовал из произведений предшественников? 6) Правда ли, что многие произведения Шекспира написаны в соавторстве? 7) Правда ли, что многие прижизненные издания произведений Шекспира представляют собой некую некачественную «реконструкцию» оригинальных текстов, выполненную ради легкого заработка недобросовестными актерами, некогда игравшими в шекспировских пьесах? 8) Правда ли, что тексты Шекспира настолько «герметичны», что любая попытка их экстралингвистической интерпретации заведомо обречена на провал и что единственным приемлемым методом анализа его произведений является их имманентный анализ?

Перечень подобных проблем можно значительно расширить, но уже приведенных вопросов достаточно, чтобы убедиться в том, что имеющиеся на данный момент сведения об Уильяме Шекспире и его творчестве нельзя назвать исчерпывающими. Естественной реакцией со стороны шекспироведов в данной ситуации становится поиск ответов на поставленные вопросы, и для профессионального филолога работы здесь находится даже больше, чем для историка, теолога или философа. Если Шекспир не был автором текстов, традиционно приписываемых ему, любая информация относительно его жизненного пути становится абсолютно бесполезной для интерпретации великих произведений. Если Шекспир из Стратфорда все-таки был автором приписываемых ему произведений, но начал писать ближе к 30 годам и сразу же сумел породить шедевры, он является уникальным художником слова, которому не потребовался период ученичества — что опытному филологу представить себе весьма сложно. Если Шекспир писал в соавторстве и активно заимствовал из произведений своих современников, если его произведения «герметичны», не делает ли это невозможным изучение собственного стиля и мировоззрения великого поэта и драматурга? Способный к простейшим логическим операциям шекспировед неизбежно будет задаваться подобными вопросами и искать ответы на них, хотя бы на уровне косвенных доказательств и реконструкций разной степени убедительности, но такие поиски воспринимаются релятивистски настроенными представителями академического сообщества крайне негативно. Их система аргументов скудна, но эффективна (биографическая информация о Шекспире фрагментарна и расширению не подлежит, с уверенностью говорить о собственных взглядах автора невозможно, обсуждение содержательной стороны текстов также может быть весьма приблизительным), равно как и методы опровержения теорий, предлагаемых оппонентами: из ряда утверждений выбирается одно спорное предположение, не влияющее на убедительность теории в целом, и затем на основе критики этого предположения релятивистски настроенные ученые объявляют о несостоятельности всей предложенной теории. Еще более эффективный способ борьбы с оппонентами — это обыкновенное замалчивание, широко практикуемое релятивистами в целях искоренения академического инакомыслия.

Отсутствие консенсуса в области филологических знаний, опирающихся на трехсотлетнюю исследовательскую традицию, не может не настораживать. Некоторых ученых оно откровенно деморализует и даже отвращает от серьезной работы в данной области, заставляя их выбрать «имманентный анализ» как единственно возможный подход к интерпретации шекспировских текстов или же переключаться на статистические исследования, чья кажущаяся объективность обеспечивает некую защиту от нападок со стороны релятивистов. При этом центральный для филологии вопрос о содержании и о языковой специфике шекспировских текстов при таком подходе перемещается на задний план или вовсе остается без ответа.

Безусловно, даже при таком подходе шекспировские произведения все же предоставляют филологу некий материал для изучения и обобщения, и чем больше становится дистанция между современным английским языком и его ранненовоанглийским периодом, тем больше вероятность, что для понимания текстов Шекспира будет требоваться относительно элементарный лингвистический комментарий. Если у читателя отсутствует навык восприятия сложных синтаксических структур, то даже такие слова из 4 сцены III акта «Гамлета», как «sweet religion makes a rhapsody of words», могут оказаться непонятными, поскольку фраза в целом будет в структурном отношении восприниматься как простое предложение с «religion» в качестве подлежащего, «makes» в качестве сказуемого и «rhapsody» в качестве прямого дополнения. Здесь неискушенному читателю явно не обойтись без содействия лингвиста, который обратит внимание на то, что данная фраза включена в развернутую синтаксическую структуру и что функ-

ционально «sweet religion» является не подлежащим, а дополнением в составе придаточного определительного к слову «deed», употребленному Гамлетом двумя строками ранее: «O! Such a deed / As from the body of contraction plucks / The very soul, and sweet religion makes / A rhapsody of words» (III, 4, 45–48), то есть «a deed makes a rhapsody of words out of sweet religion». Такого рода материал шекспировские тексты предоставляют с избытком (Konurbaev, 2015), и филологи с так называемым «атомарным мышлением» могут в течение всей своей профессиональной жизни заниматься именно этими проблемами и не задаваться вопросами, на которые сложно дать приемлемые для релятивистов ответы.

Однако далеко не все филологи наделены исключительно «атомарным мышлением», и не все они готовы покориться релятивистским теориям, в основе которых на самом деле лежит ряд неочевидных посылок. Справедливо предупреждая об опасности абсолютизации знаний, накопленных человечеством на каждом конкретном этапе его развития, релятивизм не останавливается на этой вполне разумной посылке и провозглашает любое знание относительным и неизбежно подлежащим дальнейшему опровержению. Применительно к шекспироведению в его «надатомарных» проявлениях релятивизм формулирует набор тезисов, делающих развитие этой области знания невозможным: а) описание биографии автора должно основываться только на «документальных свидетельствах» (это понятие трактуется весьма вольно, и любое неудобное конкретному теоретику свидетельство либо объявляется недокументальным, либо вообще лишается права считаться свидетельством), б) любая реконструкция недостающих фактов подлежит опровержению и не может считаться истинной, в) художественный текст не является источником биографических сведений об авторе и о его мировоззрении, г) биографические сведения об авторе не могут использоваться для интерпретации его текстов. На приведенные выше 8 вопросов релятивисты дают уклончивые ответы или же не дают их вовсе, и они всегда готовы к жесткой критике оппонентов в силу специфики своего собственного мировоззрения и взглядов на природу гуманитарного знания.

Поскольку все эти утверждения имеют прямое отношение к филологической интерпретации произведений Уильяма Шекспира и в ряде случаев делают ее прямо невозможной, попытаемся обсудить их и показать их несостоятельность применительно к интересующей нас области филологических исследований.

Даже шекспироведы первого ряда, свободные от релятивистских теорий, периодически высказывают гипотезы, которые можно трактовать лишь как сугубо субъективные и не основанные на реальных фактах, что затем — по метонимии и к удовольствию релятивистов — используется последними для дискредитации любых других теорий, высказанных первыми. Так, когда Э. А. Дж. Хонигманн предлагает интерпретацию шекспировской поэмы «Феникс и голубь» (Honigmann, 1998: 90–113), опубликованной в так называемом «Честеровском сборнике» в 1601 году, сдвигая дату написания всех включенных в сборник поэтических текстов на 15 лет назад, он явно принимает желаемое за действительное. И дело тут не только и не столько в датировке (подобное «запоздалое» издание не является абсолютно невозможным, ведь те же сонеты Шекспира были опубликованы в 1609 году, спустя 19 лет после написания первых произведений, входящих в этот обширный поэтический цикл), сколько в крайней вольности толкования рассматриваемого текста, главные герои которого умирают, не оставив потомства, и их хоронят по католическому обряду (Lipgart, 2018), тогда как мнимые прототипы, предложенные Э. А. Дж. Хонигманном, в 1586 году были живы, только что вступили в брак (церемония проводилась по протестантскому обряду) и ожидали первого ребенка. В доказательство своей теории ученый предлагает рассматривать рождение ребенка как метафорическую смерть его родителей, поскольку, согласно легенде, потомство Феникс (или Феникса) порождается через смерть последнего. В шекспировской поэме прямо сказано, что герои не оставили потомства, но предложенная интерпретация была слишком дорога ее автору, и он был готов порождать многочисленные несообразности ради доказательства своей теории. Не менее проблематичное толкование поэмы приводит Эрик Сэмс, который не опровергает традиционную датировку (1601 год), но для которого прототипами героев поэмы становятся граф Эссекс (1565–1601) и граф Саутгемптон (1573–1624), что заставляет ученого прибегать к набору интеллектуальных ухищрений, доказывающих, почему графа Саутгемптона в 1601 году можно было описывать как умершего и почему отсутствие потомства у связан-

ных духовным родством двух мужчин следует оговаривать особо.

Данные неудачные реконструкции, казалось бы, подтверждают справедливость приведенных выше пунктов А и Б, если бы не существовало убедительных объяснений общего смысла данной шекспировской поэмы, предложенной графиней де Шамбрен в противовес пунктам А и Б и не подлежащей опровержению (Chambrun, 1957: 239–247), и если бы в трудах Э. А. Дж. Хонигманна (Honigmann, 1998: 1–30) и Эрика Сэмса (Sams, 1995: 121–135) — опять-таки, в противовес пунктам А и Б — не содержалось исчерпывающих объяснений, касающихся других проблемных положений шекспироведения — например, «Ланкастерской теории» и статуса первого издания «Гамлета» («Bad Quarto», 1603) соответственно. Пункты А и Б в связи с жизнью и творчеством Шекспира оказываются сомнительными потому, что свидетельства современников Шекспира или лиц, принадлежащих к более позднему поколению, но общавшихся с его современниками, релятивисты объявляют ненадежными на основе весьма избирательных параметров: отсутствие прямого упоминания имени Шекспира в негативных отзывах о нем Роберта Грина (Sams, 1995: 65–68) или Томаса Нэша (Sams, 1995: 68–78), хотя эти отзывы содержат ссылки на общеизвестные детали его биографии, на несомненно шекспировские произведения и даже прямые цитаты из них; «неаутентичность» католического «Духовного завещания» (Chambers, 1930: 380–382) отца драматурга и нерелевантность этого текста, равно как и документально подтвержденных штрафов, которые отец и старшая дочь Уильяма Шекспира выплачивали за отказ посещать протестантские богослужения, в качестве доказательства связей самого Уильяма Шекспира с католическим сопротивлением (Kastan, 2018: 26–31). Отзывы Грина и Нэша интерпретируются релятивистами как не имеющие отношения к Шекспиру в угоду популярной теории о «позднем начале» его творческого пути, тогда как штрафы родственников объявляются нерелевантными по более серьезным — идеологическим — причинам. Признание Шекспира католиком или лицом, сочувствовавшим католичеству, слишком болезненно для представителей протестантски ориентированного шекспироведения, и их стремление не отождествлять взгляды Шекспира со взглядами его родственников логично и объяснимо. Однако существует один аргумент, подтверждающий преемственность католических взглядов в семье Шекспиров и безусловно доказывающий сочувствие Уильяма Шекспира католическому подполью. Речь идет о факте покупки им в 1613 году дома в лондонском районе Блэкфрайарз (Lipgart, 2018) — дома, с 1580-х годов использовавшегося в качестве тайного центра виднейшими деятелями английского католического сопротивления и впоследствии получившего широчайшую известность, когда через 7 лет после смерти Шекспира, в 1623 году, во время католического богослужения там случилось обрушение конструкций, которое привело к гибели 95 посетителей мессы. В совокупности со штрафами родственников данный аргумент выглядит сокрушительно, поэтому релятивисты предпочитают просто упоминать факт покупки дома и рассматривать его всего лишь как выгодную инвестицию, ничего не говоря об истории строения и об условиях его покупки Шекспиром, крайне невыгодных для самого покупателя и для его семьи. Справившись с задачей фактически ликвидировать прямое доказательство, релятивисты далее сосредотачиваются на опровержении доказательств косвенных и всячески размывают подлежащий однозначной интерпретации контекст. Однако подготовленный читатель не может не заметить подлога, из-за чего его отношение к утверждениям А и Б оказывается сугубо скептическим.

Перейдем к рассмотрению пунктов В и Г, касающихся невозможности воспринимать художественный текст как источник сведений о биографии и мировоззрении его автора и использовать для интерпретации художественных текстов информацию, связанную с биографией автора этих текстов. В отношении многих художественных текстов это утверждение справедливо (Konurbaev, 2018), и Шекспир здесь не является исключением. Пьесу «Венецианский купец» можно рассматривать одновременно и так сионистскую, и как антисемитскую, поскольку в тексте представлены оба набора взглядов, и жизненную позицию Шекспира — в зависимости от пристрастий конкретного критика — можно отождествить и с мировоззрением Шейлока, и со взглядами противостоящих ему христиан. В таких случаях отождествление автора и его героев контрпродуктивно. Однако существует обширный корпус шекспировских текстов — его сонетный цикл, состоящий из 154 произведений, который явно содержит биографическую информацию (например, наличие у автора молодого покровителя,

который в силу своей юности не помышляет о браке, но которого поэт призывает поскорее жениться и дать жизнь детям, что однозначно указывает на графа Саутгемптона как на адресата сонетов, поскольку теме брака посвящены первые 17 сонетов, датирующиеся 1590 годом, а 17–летний Саутгемптон именно в 1590 году категорически отказался жениться на внучке своего опекуна Уильяма Сесила и столкнулся с перспективой заплатить опекуну огромный штраф за этот отказ; чтобы избежать финансовой катастрофы для всей семьи, мать молодого графа искала различные аргументы и среди прочего обратилась к талантливому молодому поэту с просьбой создать яркие тексты, развивающие соответствующую мысль). Полученные таким образом сведения позволяют читателю получить более глубокое представление о биографии Шекспира и затем с большей уверенностью интерпретировать явно проблемные тексты великого драматурга — например, трагедию «Гамлет», чей смысл ускользал от поколений читателей, так как интерпретаторы рассматривали данную пьесу вне общего контекста политических и религиозных конфликтов шекспировской эпохи. При подобном подходе становится понятным, что упомянутые выше пункты Г и В также не выдерживают критики по отношению к биографии и творчеству Уильяма Шекспира.

Описанные в настоящей статье подходы к изучению шекспировских текстов можно обозначить как 1) лексико–синтаксический анализ, 2) метод историко–филологической реконструкции и 3) биографический метод анализа художественных текстов, имеющий разную направленность — от текста к биографии автора и от биографии автора к тексту. Применяемые — в зависимости от конкретных задач исследователя — по отдельности или в совокупности, — эти методы позволяют дать ответ на вопросы, сформулированные в начальной части статьи: 1) биографические подробности жизни Шекспира с 1585 года по 1593 год возможно восстановить с помощью метода историко–филологической реконструкции; 2) то же самое относится и к биографии Шекспира в целом; 3) «шекспировский вопрос» возник из–за недостаточной информированности некоторых исследователей, и на самом деле создателем гениальных произведений является тот, кто традиционно считается их автором — Уильям Шекспир, родившийся в Стратфорде в 1564 году и умерший в своем родном городе в 1616 году; 4) первые известные тексты Шекспира были написаны им в 23–летнем возрасте, что опровергает теорию «позднего начала» творческой деятельности Уильяма Шекспира; 5) Шекспир не был плагиатором, он был склонен редактировать собственные произведения по прошествии некоторого времени с момента их написания, что объясняет публикацию относительно слабых пьес, сходных по названию с его признанными шедеврами и напоминающих их текстуально — публикацию, за которой могла следовать переработка текста и издание его в новой редакции; 6) соавторство не было характерно для Шекспира как основной способ литературного творчества; 7) теория о «восстановлении шекспировских текстов по памяти» группами недобросовестных актеров не имеет под собой никаких оснований; 8) «герметичность» текстов Шекспира на самом деле иллюзорна, и применение к ним исключительно имманентного анализа обедняет и искажает их содержание.

Список литературы:

1. Липгарт А. А. К проблеме интерпретации фактов жизни и творчества Уильяма Шекспира: поэма «Феникс и Голубь» и покупка недвижимости в Лондоне // Stephanos. — 2018. — № 2. — С. 110–129.
2. Chambers Edmund Kerchever. (1930) William Shakespeare: A Study of Facts and Problems, vol. 2. (Oxford: the Clarendon Press)
3. Chambrun Clara Longworth, de. (1957) Shakespeare: A Portrait Restored. (London: Hollis and Carter)
4. Honigmann Ernst Anselm Joachim. (1998) Shakespeare: The Lost Years, 2nd ed. (Manchester University Press)
5. Kastan David Scott. (2014) A Will To Believe: Shakespeare and Religion. (Oxford University Press)
6. Konurbaev Marklen E. (2015) The Style and Timbre of English Speech and Literature, 1st ed. (Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan)
7. Konurbaev Marklen E. (2018) Ontology and Phenomenology of Speech: An Existential Theory of Speech, Palgrave Macmillan; 1st ed. (February 8, 2018)
8. Sams Eric (1995) The Real Shakespeare: Retrieving the Early Years. (Yale University Press)

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ/
CULTURE & CIVILIZATION

УДК 372.881.1
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-86-96

Применение песенного материала на занятиях по второму иностранному языку (на примере французских песен)

МАКАРОВА Александра Игоревна, к. филол. н., доцент Высшей школы международного сотрудничества (на правах института), ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса», Москва, Российская Федерация,
alexia90@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается применение песенного материала на занятиях по французскому языку. Данная тема давно вызывает интерес среди исследователей в области методики преподавания иностранного языка и продолжает оставаться актуальной, так как грани использования песен и музыки на языковых занятиях расширяются. Подробно изучалось применение песен на уроках иностранного языка в школах и учреждениях среднего профессионального образования. В статье рассматривается применение песенного материала на занятиях в высшей школе, что, безусловно, определяет новизну выбранной темы. Проводится краткий обзор основных и альтернативных методов обучения, в рамках которых можно применять песенный материал. Автор определяет роль песенного материала на занятиях по французскому языку. Выделяются функции и задачи песенного материала в рамках занятия. Применение песенного материала несет не только важную образовательную функцию, но и эмоционально–психологическую и просветительскую: создает доброжелательную, лирическую атмосферу, помогает понять культуру страны изучаемого языка. Определяется алгоритм употребления песенного материала. Автор рассматривает применение песенного материала не только в рамках фонетических упражнений, но и в грамматике, лексике. Так песенный материал помогает закрепить лексический минимум по той или иной тематике, отработать пройденный грамматический материал (временные формы и т. д.). Статья может вызвать интерес у преподавателей французского языка всех ступеней образования.

Ключевые слова: песни, французский язык, высшая школа, второй иностранный язык, песенный материал, методы преподавания.

Для цитирования: Макарова А. И. Применение песенного материала на занятиях по второму иностранному языку (на примере французских песен) // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 86–96. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–86–96

Статья поступила в редакцию: 03.05.2021.
Статья принята к публикации: 03.06.2021.

Application of song content in the second foreign language classes (on the example of French songs)

Aleksandra I. MAKAROVA, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
alexia90@rambler.ru
Higher School of International Cooperation (Institute), Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article discusses the use of song content at French language classes. This topic has been interesting for researchers in the field of foreign language teaching methods for a long time and continues to be relevant, as the boundaries of the use of songs and music at language classes are expanding. The use of songs in foreign language lessons at schools and institutions of secondary vocational education was studied in detail. The article discusses the use of song content at the classes in high school, which, of course, determines the novelty of the chosen topic. A brief overview of the main and alternative teaching methods in which the song content can be used is given. The author defines the role of song content at French language classes. The functions and tasks of the song content are highlighted. The use of song content has not only an important educational function, but also an emotional, psychological and educational one: it creates a friendly, lyrical atmosphere, helps to understand the culture of the country which language is studied. The algorithm for the use of song content is determined. The author considers the use of song content not only in the framework of phonetic exercises, but also in grammar and vocabulary. The song material helps to fix the lexical minimum on a particular topic, to work out the grammatical material passed (tenses, etc.). The article may be interesting for teachers of the French language at all levels of education.

Keywords: songs, French, high school, second foreign language, song content, teaching methods

For citation: Makarova A. I. (2021). Application of song content in the second foreign language classes (on the example of French songs). Service plus, 15 (3), 86–96. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–86–96 (In Russ.).

Submitted: 2021/05/03.

Accepted: 2021/06/03.

Введение

Скорость и ритм жизни современного общества заставляет убедиться в истинности слов Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю». От будущего специалиста на этапе получения образования требуется мобильность, гибкость и способность быстро усваивать полученную информацию. Однако простое владение профессиональной информацией не является ключом к успешной карьере. Огромное значение в современном мире имеют межкультурные связи. Связано это с ежедневной интеграцией культур одной в другую. Таким образом, владение одним иностранным языком не является на сегодняшний день максимальным требованием. Многие работодатели требуют от сотрудников знаний как минимум двух иностранных языков. Современное развитие методики преподавания иностранных языков богато разнообразием средств, методик, методов преподавания иностранных языков. Это помогает сократить сроки обучения, сделать процесс обучения интересным, а значит повысить эффективность образовательного процесса. Среди многих продуктивных методов преподавания иностранных языков особенно выделяется преподавание через искусство.

В данной статье мы затрагиваем такую проблему, как изучение иностранного языка, а именно французского, на основе песен и музыки. Данной темой занимается много современных педагогов и методистов России, поэтому эту тему можно по–настоящему считать актуальной [1, 8].

Работая над данной проблемой, мы ставим перед собой следующие задачи:

Исследования методистов по вопросу использования песенного материала на занятиях по второму иностранному языку (французскому);

Способы применения музыки и песен на иностранном языке на уроке, учитывая возрастные особенности учащихся;

Исследование проводилось на основе научных статей и методических изданий последних лет.

Основные методы обучения иностранным языкам

К основным методам следует относить стандартные методы, применяемые в современных школах и других образовательных учреждениях. Ниже представлены основные из них.

В рамках высшей школы используется наиболее популярный и зарекомендовавший себя коммуникативный метод.

Разработанный и впервые примененный в Кембридже более полувека назад, он был предназначен для изучения английского языка неанглоговорящими обучающимися. Этот метод набрал свою популярность и в рамках изучения французского языка. Современные французские пособия по языку для иностранцев в большинстве своем основываются на этом методе.

Коммуникативная методика помогает получить сильные и четкие знания, так как в данном методе основной упор делается на обучение активному общению на языке и развитию всех языковых навыков: аудирование, говорение, чтение, письмо [2].

Коммуникативный метод подразумевает использование различных образовательных средств и тактик: прямое общение обучающихся с преподавателем или носителем изучаемого языка, общение между одногруппниками на иностранном языке, использование коммуникативных игр, аудиоматериала и видеоматериала. Метод мотивирует обучающихся на изучение конкретной языковой программы (например, бакалавриата или магистратуры) для решения конкретных языковых ситуаций, позволяет вызвать интерес к дополнительному изучению языка. Коммуникативный метод решает не только конкретные языковые задачи, например, преодоление языкового барьера. Он мотивирует на изучение культурных различий, особенностей иноязычной коммуникации, развивает умение «мыслить на иностранном языке». Занятия по данному методу проходят в живой, эмоциональной атмосфере. Даже на начальном уровне обучающиеся не только могут прочитать или написать, но и способны устно выразить свое мнение в рамках определенного набора тем, понять аутентичную речь.

Данный метод широко распространен в современной методике. Связано это с диалогом культур XX–XX века и ежедневным огромным потоком информации. В такой среде люди, не имея желания, да и времени, тратить свои силы на долгое и кропотливое учение, ищут краткий и быстрый способ изучения языка.

Лексико–переводной метод, который часто называют традиционным, редко используется в неязыковых вузах, однако в ряде случаев также является эффективным. Суть метода заключается в изучении грамматического материала и последующего его применения в различного рода фразах и доведения до автоматизма применения полученных навыков, что добивается путем выполнения ряда однотипных упражнений с похожими конструкциями. Центральное место в этой методике занимают упражнения на перевод с родного языка на иностранный. Недостатком этого метода, однако, является отсутствие навыка «иноязычного мышления». Говоря на иностранном языке, обучающийся по традиционному методу руководствуется переводом с русского языка на иностранный. В свою очередь преимуществом такого метода является отличное знание грамматики и большой лексический запас [2]. Беря во внимание преимущества данного метода, преподаватели высшей школы не исключают его из процесса обучения.

Интенсив, который все больше и больше набирает популярность в современной методике, подразумевает не только краткосрочное обучение, но и «напряженное». Целью данного метода является быстрое получение и усвоение достаточно объемного языкового материала. Запомнить около 2 000–3 000 языковых единиц за 2–3 месяца помогают различные приемы, в том числе и игры. Обучающийся запоминает конкретные языковые роли. При этом недостаточным является выучить только языковые единицы, основной задачей становится передача информации и выражение мыслей. Слабое внимание уделяется грамматическому материалу, чаще всего в виде комментариев к конкретным языковым ситуациям [8]. Данный метод не распространен в высшей школе, а часто применяется на дополнительных специализированных курсах (например, профессиональный английский).

Альтернативные методы обучения иностранным языкам

Как утверждает преподаватель английского языка Е. П. Перфильева: «Одним из продуктивных спо–

собов усвоения иностранных языков, по мнению многих методистов, а также сторонников бессознательного воздействия при обучении (суггестопедии), является искусство» [6]. В данном разделе речь пойдет о тех методах обучения, которые не являются общепризнанными, но, однако, широко применяются в современной методике. Хотелось бы отметить, что представлены будут лишь некоторые, оказавшиеся самыми необычными. Но в целом к альтернативным методам можно отнести любые новшества, введенные педагогом в процесс обучения.

Драматизация — представление в виде сцен рассказов, сказок, забавных историй, а также сюжетных картин. Основной задачей обучающихся является речевое воплощение заданного сюжета или темы. Разыгрываются реальные профессиональные и обыденные ситуации, например: ресторан, поход в гости, в магазин, к врачу, знакомство, путешествие (в туристическом агентстве, в аэропорту и т. д.) [10].

Драматизация — ведущий из видов речевой деятельности, помогающий приблизить речевой акт к реальной жизненной ситуации.

Драматизация не имеет четкой структуры и может скорее считаться импровизацией на конкретную жизненную ситуацию [9].

Е. П. Перфильева, используя данный метод на практике, пишет: «Важна творческая атмосфера. Для ее создания и поддержания необходимо четкое распределение ролей и обязанностей. Во время драматизации члены группы учатся не только у учителя, но и друг у друга». Данный метод помогает не только творчески использовать изучаемый язык на примере конкретного задания, но и учит работать как в группе, так и индивидуально подходить к поставленной задаче.

Живопись на уроках «влияет на эмоциональную среду учащихся, вызывает у детей спонтанные высказывания по ее содержанию. Ученики учатся последовательно излагать, обосновывать, обобщать свои наблюдения и выражать свое отношение к изображаемому». [6] При описании произведения живописи требуются четкие и правильные языковые единицы и определенная грамматическая база. Описание картин укрепляет связь между различными дисциплинами. Самыми популярными жанрами являются пейзаж, портрет, натюрморт.

Интерактивный метод обучения имеет то же место на уроках иностранного языка. Можно использовать психотерапевтический метод обучения. Г. Люзанов предусматривает использование на занятия групповой психотерапии в форме психологических тренингов. Под этим подразумевается особый вид межличностного взаимодействия, в процессе которого учащимся оказывается профессиональная помощь психологическими средствами при решении возникающих у них проблем и затруднений, связанных с овладением и использованием изучаемого языка. Такая помощь является необходимой при работе с детьми, трудными в обучении [11].

Обучение строится на понимании, последующем говорении, а уже потом на обучении чтению и письму. Обучающихся адаптируют на понимание иноязычной речи на последовательно вводимых языковых фрагментах, затем учат говорить, применяя введенные ранее языковые фрагменты, и в самом конце учат читать и писать данные языковые фрагменты. Такой метод строится на трех этапах:

— активный сеанс (однократное прочтение преподавателем текста, вводящего учащегося в новую учебную ситуацию и «погружающее» их на уровень слухового восприятия в иноязычную речь);

— разработка материала на уровне говорения с помощью тренингов;

— закрепление материала в ходе выполнения домашнего задания (слушание текста с музыкальным сопровождением) [6].

Роль музыки и песни на занятиях по французскому языку

Музыка и пение занимают огромное место в творческой деятельности учащихся на уроках иностранного языка. Музыка может звучать фоном при выполнении каких-либо монотонных заданий, чтобы снять напряжение.

Песенный текст может быть самодостаточным, то есть его может хватить на изучение или закрепление как определенного грамматического, так и лексического материала. Т. Мэрфи рекомендует составить два списка действия, применимых к песни либо имеющих отношение к песенной теме. Второй список отличается от первого тем, что включает только те действия, которые возможны при обучении иностранному языку. Список «А» включает: прослушивание, пение, обсуждение текста песни, разговор об авторах или исполнителях. Список «Б» (дидактический) содержит: раз-

нообразные виды учебной деятельности, например, изучение грамматики; прослушивание на понимание содержания с последующими ответами на вопросы; диктовку песенного текста; перевод; использование слов песен для составления диалогов, а также в качестве основы для ролевых игр и многое другое [5].

Пение или прослушивание музыкальной композиции позволяет многократно повторять лексику и грамматические правила, тем самым процесс способствует их эффективному усвоению. Сопоставляя музыку и современные методы обучения иностранному языку, стоит отметить, что данный способ применим практически к каждому методу. Так, музыкальный ряд разбавит монотонную обстановку лексико–переводного метода, поможет закрепить материал при коммуникативном и интенсивном методе. Как драматизация, так и изучение языка на примере искусства могут включить в себя музыкальные треки.

В данной главе речь пойдет непосредственно о том, как можно применять музыкальный материал на уроках иностранного, в частности французского. Представлены будут не только наблюдения опытных педагогов и методистов, но также и разработки, сделанные на практике на базе учащихся вторых курсов направления подготовки Туризм и Гостиничное дело в ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса».

Аудиоматериалы давно применяются на занятиях по иностранному языку в виде профессиональных аудиозаписей диалогов, стихов, текстов, упражнений и заданий для фонетической зарядки. Особое место среди аудиоматериалов занимают песни, они используются при обучении иностранному языку детей, начиная с дошкольного возраста.

Используя песенный материал, преподаватель ставит перед собой ряд задач [3] (см. рис. 1).

Песенный материал реализует обучающую, образовательную и развивающую функции [4]:

Они способствуют совершенствованию навыков иноязычного произношения, в них лучше усваиваются и активизируются грамматические конструкции.

Песни помогают пробудить интерес к стране и культуре изучаемого языка, так как музыкальный материал зачастую содержит информацию, связанную непосредственно с социумом и средой, в которой существует изучаемый язык.

Песенный материал способствует эстетическому воспитанию, развитию творческого начала учащихся.

Можно выделить семь основных функций музыки, которые лежат в концепции обучения иностранным языкам [4] (см. рис. 2).

Использование музыкальных материалов на занятии по иностранному языку имеет целый ряд преимуществ:

1. Лингвистическая информация песен разнообразна. Среди песенного материала можно найти разнообразные жанры: повествование, описание, рассуждение. Песни содержат прямую и косвенную речь, они демонстрируют образцы разных функциональных стилей речи, от разговорного до возвышенного.
2. Одна и та же песня может применяться для отработки различного лингвистического и грамматического материала. То есть песенный материал годен для комплексного, многоцелевого применения.
3. Если любой аудиоматериал годен для прослушивания максимум три раза и, как правило, после изучения забывается учащимися, то песня, имея мотив и мелодию, очень часто запоминается и даже выучивается наизусть.
4. В качестве опоры при обучении могут использоваться различные компоненты песенных материалов (музыка, тексты, история создания).

В зависимости от целей использования в процессе обучения различают следующие виды песенных материалов:

Учебные песни, специально написанные для определенного учебного комплекса, содержащие определенный лексический и грамматический материал и служащие средством его более прочного закрепления;

Аутентичный песенный материал, специально подбираемый преподавателем для определенных целей обучения и организованный в виде упражнений (например, для работы над лексикой по определенной теме или для изучения какого–либо раздела грамматики);

Аутентичный песенный материал, спонтанно выбираемый преподавателем или учащимися, не адаптированный для определенных целей обучения, но который можно использовать для создания положительного психологического фона на уроке, для развития слухо–произносительных навыков и умений аудирования и для других целей обучения [4].

Рис. 1 — Задачи песенного материала

Fig. 1 — Tasks of songs

В процессе обучения песенные материалы могут использоваться на всех этапах последовательного овладения различными видами речевой деятельности. Соответственно, можно выделить следующие виды упражнений: рецептивные, реконструктивные, репродуктивные и продуктивные (творческие). Вот несколько примеров таких заданий.

Г. М. Попова, преподаватель французского языка, в своей статье, говоря о песенном материале, приводит следующие примеры упражнений [4]:

Рецептивные упражнения: поиск определенных лексических единиц при прослушивании песни или распознавание конкретных грамматических форм и конструкций в потоке речи.

Реконструктивные упражнения: восстановление текста песни (вписывание пропущенных слов, заполнение пропусков глагольными формами, запись имен собственных, географических названий ...).

Репродуктивные упражнения: изложение содержания или запись текста песни (отдельных слов, фраз, целого текста) по памяти.

Творческие упражнения: написание сочинения на основе одной из фраз, составление диалогов либо инсценировка, написание статьи или рассказа о песне.

В свою очередь И.П. Церфильева, преподаватель английского языка, выделяет следующие виды упражнений и строит свою классификацию на осно–

Рис. 2 — Функции песенного материала

Fig. 2 — Functions of songs

ве этапов прослушивания песенного материала [6] (см. рис. 3).

Используя песенные материалы на занятиях по французскому языку, надо быть очень осторожными и учитывать возрастные особенности учащихся, этапы обучения, тематику песни и занятия. Следует учитывать также то, что песни — незаменимое средство для создания благоприятного психологического климата и эмоциональной атмосферы на уроке, поэтому мотив песен должен быть жизнерадостным и позитивным.

Французские исследователи выступают против использования песен в целях закрепления грамматического или лексического материала, считая, что нецелесообразно использовать песни в том случае, когда для этого могут быть применены комплексы эффективных тренировочных упражнений. Однако те же самые исследователи утверждают, что на фи–

Рис. 3 — Виды упражнений на основе этапов прослушивания

Fig. 3 — Types of exercises based on the stages of listening

нальном этапе песни помогают закрепить лексический и грамматический материал в упражнениях по распознаванию конкретных языковых единиц в потоке речи.

Применение песенного материала на занятиях по французскому языку

Изучая примеры занятий и некоторые рекомендации преподавателей, удалось составить некий универсальный алгоритм использования песенного материала на занятии (см. рис. 4).

Однако данный алгоритм не может считаться единственно правильным, иногда из него можно извлечь лишь пару подходящих пунктов, и это не будет считаться неудачей.

На практике удалось доказать это, применяя песенный материал лишь в качестве фонетической зарядки или изучения грамматического материала. Причем песни прослушивались лишь маленькими отрезками несколько уроков подряд, поэтому слова быстро запоминались. Песенный материал состоял из современных песен и песенного материла, знакомого обучающимися. Это и послужило причиной огромного роста интереса к французскому языку. Обучающиеся не только отработали тексты в качестве фонетической зарядки, но и выучили тексты наизусть. Рассмотрим несколько вариантов упражнений.

Фонетическая зарядка на примере песни ZAZ «Je veux».

Рис. 4 — Универсальный алгоритм использования песенного материала

Fig. 4 — Generic algorithm for using songs

Прослушайте отрывок, повторите отрывок за преподавателем, повторите за исполнителем.

Je veux d'l'amour, d'la joie, de la bonne humeur
C'n'est pas votre argent qui f'ra mon bonheur
Moi, j'veux crever la main sur le cœur
Allons ensemble, découvrir ma liberté
Oubliez donc tous vos clichés
Bienvenue dans ma réalité.

Лексическое упражнение на примере песни Yves Montand «A Paris».

Прослушайте песню и расставьте в пропуск слова из списка

les coquettes, un amour, les girouettes, quartiers, Le soleil, le vent, cœurs, Paris, la fête

Quand _____fleurit
Ça fait pendant des semaines
Deux _____qui se sourient
Tout за parce qu'ils s'aiment

A _____
Au printemps
Sur les toits _____
Tournent et font _____
Avec le premier vent
Qui passe indifférent
Nonchalant

Car _____
Quand il vient a Paris
N'a plus qu'un seul souci
C'est d'aller musarder
Dans tous les beaux _____
De Paris
_____
Qui est son vieux copain
Est aussi de _____
Et comme deux collégiens
Ils s'en vont en goguette
Dans Paris

Грамматическое упражнение на примере песни David Charvet «Jusqu'au bout»

Употребите форму Futur Simple, прослушайте отрывок песни и проверьте.

Même si les distances nous séparent
Je (savoir)_____continuer notre histoire
Je te (attendre)_____malgré tout
Je t'attends plus que tout

Et s'il faut attendre que le temps passe
Que la lune montre une autre face
Je (savoir)_____tenir le coup
Je te (attendre)_____jusqu'au bout
J'ai trouvé un sens a ma vie
Et s'il faut j'en (payer)_____ le prix
Je te (attendre)_____ jusqu'au bout

Некоторые преподаватели предлагают использовать песенный материал для проведения своеобразной игры:

Обучающиеся прослушивают песню 2–3 раза и записывают на листочках строчки из песни, которые они запомнили.

Обучающиеся получают текст песни, в котором предложения «перепутались», при очередном прослушивании учащиеся должны будут поставить всё на место.

Обучающимся вновь выдаётся текст песни с определённым количеством ошибок, которые при прослушивании надо найти и исправить.

Обучающиеся без опоры на текст записывают те слова и выражения, которые они запомнили.

Обучающиеся обмениваются листочками и проверяют работы друг друга, подводят итог. Те, кто хорошо справился с заданиями, получают оценки, но обязательно всех учащихся нужно поблагодарить за работу и найти добрые слова в адрес каждого [7].

Следует отметить, что данные упражнения возможны и на примерах других песен, и не следует забывать в таких случаях, что музыкальный материал для занятий должен отвечать ряду требований, схожих с требованиями, которые предъявляются к текстовым материалам: аутентичность, информационная открытость и доступность, языковая доступность (соответствие языковому уровню обучающихся), современность и актуальность, положительный эмоционально-психологический подтекст, возрастное соответствие контента.

Заключение

Музыка, безусловно, была и остается неотъемлемой частью изучения иностранного языка. Песне присущи различные функции:

- психологическая, эмоциональная;
- функции выражения когнитивных процессов;
- функция бессознательного изучения иностранного языка;
- коммуникативная функция.

Также вариативность упражнений с песнями довольно большая. Это не только фонетическая зарядка, с которой чаще всего ассоциируют песни на иностранном языке. Все зависит от уровня учащихся, самого песенного материала и тех задач, которые ставятся перед преподавателем.

Песню можно использовать:

1) в качестве фонетической зарядки;
2) в качестве упражнения на закрепление лексического и грамматического материала;
3) в качестве разминки в середине занятия;
4) в качестве игры на запоминание текста;
5) в качестве материала для обсуждения проблемы, связанной с темой урока.

Стоит также отметить, что в настоящее время найти качественный песенный материал несложно. Достаточно иметь доступ в интернет и зарегистрироваться на нескольких полезных сайтах. Работа с песенным материалом облегчает работу педагога и во многом привлекает внимание обучающихся. И подводя итог, музыка помогает преподавателю контролировать, настраивать, менять эмоциональный настрой обучающихся, пробуждать желание и интерес к изучению языка и культуры другой страны.

Список источников

1. Гальскова Н. Д., Никитенко З. Н. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. — 2004. — № 1. — С. 7–8.
2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика: учеб. пособие для вузов. / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. — 6-е изд. — М.: Изд-во Академия, 2009. — 336 с.
3. Карамышева Т. В., Иванченко А. И. Уроки французского языка. — Санкт-Петербург: Каро, 2001. — 240 с.
4. Карпиченкова Е. П. Роль музыки и песен в изучении английского языка // Иностранные языки в школе. — № 5. — 1990. — С. 45–46.
5. Попова Г. М. Песня на уроке французского языка. [Электронный ресурс] URL: http: // festival.1september.ru/articles/410519/ (Дата обращения:23.03.2021).
6. Перфильева Е. П. Музыка на уроках иностранного языка. [Электронный ресурс] URL: http: // festival.1september.ru/articles/313897/ (Дата обращения: 23.03.2021).
7. Комарова Ю. А. Использование современного песенного материала в обучении иностранным языкам учащихся старших классов // MALL. — № 4. — 2018. с. 41.
8. Пассов Е. И. Урок иностранного языка в средней школе. — 2-е изд., дораб. — М.: Просвещение, 1988. — 223 с.
9. Zabrodina I. K., Bogdanova A. G., Bogdanova O. V., Lilenko I. Y., Richter S. O. Experimental Learning of Foreign Language with the Socio-cultural Skills Development Method by Means of Modern Internet Technologies // Procedia — Social and Behavioral Sciences. № 215. 2015. P. 141–146.

10. Vinogradova M. V., Kulyamina O. S., Larionova A. A., Maloletko A. N., Kaurova O. V. Digital Technology in the Field of Educational Services // International Review of Management and Marketing. № 6(S2). 2016. P. 281–287.
11. Bicen H., Sadıkoglu S., Sadıkoglu G. The Impact of Social Networks on Undergraduate Students Learning Foreign Language // Procedia — Social and Behavioral Sciences. № 186. 2015. P. 1045–1049.

References

1. Galskova N. D., Nikitenko Z. N. (2004). Mezhkul'turnoe obuchenie: problema celej i soderzhanija obuchenija inostrannym jazykam [Intercultural learning: the problem of goals and content of teaching foreign languages]. Inostrannye jazyki v shkole [Foreign languages at school], 1, 7–8. (In Russ.).
2. Galskova N. D., Gez N. I. (2009). Teorija obuchenija inostrannym jazykam: lingvodidaktika i metodika: ucheb. posobie dlja vuzov [Theory of teaching foreign languages: linguodidactics and methodology: textbook. handbook for universities]. Moscow: Publishing House of the Academy. (In Russ.).
3. Karamysheva T. V., Ivanchenko A. I. (2001). Uroki francuzskogo jazyka [French language lessons]. Saint—Petersburg: Karo. (In Russ.).
4. Karpichenkova E. P. (1990). The role of music and songs in the study of the English language. Inostrannye jazyki v shkole [Foreign languages at school], 5, 45–46. (In Russ.).
5. Popova G. M. (2006). Pesnja na uroke francuzskogo jazyka [Song at the French language lesson]. [Electronic resource] URL: http: // festival.1september.ru/articles/410519/ (Accessed on 03.23.2021). (In Russ.).
6. Perfileva E. P. (2006). Muzyka na urokah inostrannogo jazyka [Music at foreign language lessons]. [Electronic resource] URL: http: // festival.1september.ru/articles/313897/ (Accessed on 03.23.2021). (In Russ.).
7. Komarova Yu. A. (2018). Ispol'zovanie sovremennogo pesennogo materiala v obuchenii inostrannym jazykam uchashhihsja starshih klassov [The use of modern song material in teaching foreign languages to high school students]. MALL, 4, 41. (In Russ.).
8. Passov E. I. (1988). Urok inostrannogo jazyka v srednej shkole [Foreign language lesson in secondary school]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.).
9. Zabrodina I. K., Bogdanova A. G., Bogdanova O. V., Lilenko I. Yu., Richter S. O. (2015). Experimental study of a foreign language by the method of development of socio–cultural skills with the help of modern Internet technologies. Proceedings — Social and Behavioral Sciences, 215, 141–146.
10. Vinogradova M. V., Kulyamina O. S., Larionova A. A., Maloletko A. N., Kaurova O. V. (2016). Digital technologies in the field of educational services. International Review of Management and Marketing, 6 (S2), 281–287.
11. Bicen H., Sadıkoglu S., Sadıkoglu G. (2015). The influence of social networks on undergraduate students studying a foreign language. Proceedings — Social and Behavioral Sciences, 186, 1045–1049.

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ/ CULTURE & CIVILIZATION

УДК 378.147
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-97-103

Виды и способы организации проектной деятельности на начальном этапе обучения русскому как иностранному

ПАНОВА Елена Павловна, кандидат филологических наук, доцент
Московский политехнический университет (Москва, РФ);
e–mail: panova_ep@mail.ru
ФИЛИМОНОВА Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, РФ);
e–mail: filimonova_n@rambler.ru
ФРОЛОВА Наталья Николаевна, старший преподаватель
Московский политехнический университет (Москва, РФ);
e–mail: nata1974.frolova@yandex.ru
ЛОБАНОВА Юлия Владимировна, кандидат философских наук, доцент
Московский политехнический университет (Москва, РФ);
e–mail: julia–lobanova@mail.ru
ХАРЛАМОВА Наталья Владимировна, Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, РФ)
e–mail: gorkovskaya@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи отвечают на вопросы: как влияют цифровые технологии на формирование познавательных умений и навыков в области грамматики, фонетики, письма, аудирования и чтения у иностранных студентов и с какими проблемами сталкиваются иностранные студенты и преподаватели в процессе дистанционного обучения? Возможно ли рассматривать дистанционное обучение в качестве приоритетного способа, развивающего творческие и коммуникативные навыки в процессе обучения РКИ? В статье рассматривается, как обучение образовательных программ при помощи цифровых технологий повлияло на качество полученных студентами знаний, на уровень овладения ими базовыми основами русского языка как иностранного. Эксперимент, положенный в основу статьи, отвечает на вопросы об эффективности обучения при помощи цифровых технологий, о проблемах и трудностях, с которыми пришлось столкнуться современным студентам в процессе изучения русского языка как иностранного в условиях самоизоляции из–за распространения смертельно опасного вируса COVID–19.

В статье описан эксперимент, который был проведен на базе Московского политехнического университета (подготовительный факультет) и Волгоградского государственного политехнического университета (подготовительный факультет).

Ключевые слова: дистанционное обучение, цифровые технологии, русский как иностранный.

Для цитирования: Панова Е. П., Филимонова Н. Ю., Фролова Н. Н., Лобанова Ю. В., Харламова Н. В. Виды и способы организации проектной деятельности на начальном этапе обучения русскому как иностранному // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 97–103. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–97–103

Статья поступила в редакцию: 03.04.2021.
Статья принята к публикации: 03.05.2021.

Types and methods of organizing project activities at the initial stage of teaching Russian as a foreign language

Elena P. PANOVA, Cand. Sc. (Philology), Associate Prof.,
panova_ep@mail.ru
Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation
Natalia Yu. FILIMONOVA, Cand. Sc. (Philology), Associate Prof.,
filimonova_n@rambler.ru
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation
Natalia N. FROLOVA, Senior Lecturer,
nata1974.frolova@yandex.ru
Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation
Yuliya V. LOBANOVA, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Prof.,
julia–lobanova@mail.ru
Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation
Natalia V. KHARLAMOVA, Cand. Sc. (Philology), Associate Prof.,
gorkovskaya@mail.ru
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The authors of the article answer the questions: how do digital technologies influence the formation of cognitive skills in the field of grammar, phonetics, writing, listening and reading among foreign students and what problems do foreign students and teachers face in the process of distance learning? Is it possible to consider distance learning as a priority way to develop creative and communicative skills in the process of learning RFL (Russian as a Foreign Language)? The article examines how the teaching of educational programs using digital technologies has affected the quality of knowledge received by students, the level of mastering the basics of the Russian language as a foreign language. The experiment, which is the basis of the article, answers questions about the effectiveness of teaching using digital technologies, about the problems and difficulties that modern students had to face in the process of learning Russian as a foreign language in self–isolation due to the spread of the deadly COVID–19 virus. The article describes an experiment that was conducted on the basis of the Moscow Polytechnic University (preparatory department) and the Volgograd State Polytechnic University (preparatory department).

Keywords: distance learning, digital technologies, Russian as a foreign language

For citation: Panova E. P., Filimonova N. Yu., Frolova N. N., Lobanova Yu. V. & Kharlamova N. V. (2021). Types and methods of organizing project activities at the initial stage of teaching Russian as a foreign language. Service plus, 15 (3), 97–103. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–97–103 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/03.

Accepted: 2021/05/03.

Проектная деятельность — это один из способов организации учебной деятельности, в процессе которого студенты ориентируются на конечный продукт, как правило, материального характера. Принято считать, что проектная деятельность не осуществима на начальном этапе обучения русскому как иностранному, так как студенты изучают язык, и создание в это время каких–либо материальных проектов на данном этапе не входит в их задачи. Но осуществление проектов возможно не только в технической сфере, но и в гуманитарной, не только в сфере производства, но и в сфере идей. Разрабатывая идею проектной деятельности в гуманитарной сфере, а точнее в сфере обучения русскому языку как иностранному, авторы статьи опирались на работы таких исследователей в области проектной деятельности в гуманитарной сфере, как Н. А. Бреднева («Проектная деятельность студентов в условиях междисциплинарной интегра–

ции») [1], E. V. Gulyaeva («Project Activity as a Means of Multicultural Values Development in the Internet-Mediated Learning Environment») [2], Yu. G. Semikina («The efficient use of project activities in the context of modern digital educational environment») [3], Natalya R. Saenko («Interactive Methods Of Studying Russian Language By Foreigners») [4], Elena P. Panova («ORGANIZATION PROJECT ACTIVITIES WITH THE HELP OF DISTANCE LEARNING») [5].

Примечательно, что именно на этом этапе обучения студенты испытывают целый ряд трудностей, связанных с социокультурными, психофизиологическими, языковыми и другими проблемами. Именно поэтому авторы статьи считают, что внедрение проектной деятельности на начальном этапе — необходимый и очень важный процесс, так как проектная деятельность помогает освоить все виды речевой деятельности (письмо, чтение, говорение, аудирование). И именно это помогает не только эффективнее усвоить язык, но и социально адаптироваться студентам в незнакомой им стране. Помимо всего сказанного, проектная деятельность помогает студентам лучше овладеть будущей профессией, а также развить творческие и познавательные способности. Известно, что в процессе обучения проектной деятельности студент становится не пассивным учеником, который получает и усваивает готовые знания, транслируемые педагогом, а самостоятельным деятелем, который принимает активное участие в создании своего собственного проекта.

Н. А. Бруднева выделяет следующие условия, которые необходимы для создания эффективной организации проектной деятельности в условиях междисциплинарной интеграции: «Комплекс педагогических условий реализации модели организации проектной деятельности: междисциплинарная интеграция, создание «ситуации успеха», положительного настроя на проектную деятельность; организация общения субъектов образовательного процесса на основе позитивного межличностного взаимодействия, рефлексивный характер проектной деятельности, восприятие студентами иностранного языка как одного из способов овладения будущей профессией, создание возможностей для развития творческой инициативы студентов» [1, с. 8].

Ниже рассмотрим некоторые проекты, которые реализуются на подготовительных факультетах в Волгоградском техническом университете и Московском политехническом университете.

Одним из проектов, к которому готовятся студенты, можно назвать подготовку научного исследования к ежегодной студенческой конференции. Исследовательский проект студенты создают под руководством преподавателя, который консультирует студента и направляет его работу в правильное русло. В процессе работы над любым проектом иностранные студенты учатся добывать информацию на неродном языке, работать с литературой, они расширяют свои знания в русском языке, углубляют свои познания в сфере межкультурной коммуникации. Это чрезвычайно важно для них, как на начальном этапе обучения, так и на старших курсах российского вуза.

Курсовой проект как один из видов проектной деятельности возможно реализовать и на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному. В Московском политехническом университете и в Волгоградском государственном техническом университете студенты подготовительного факультета работают в рамках гуманитарного цикла над курсовыми проектами по следующим предметам: русский язык, литература, история, культурология. Темы формулируются с учетом языкового уровня, например, «Творческий путь А. С. Пушкина», «Творческий путь А. П. Чехова», «Война 1812 г. между Россией и Францией» (литература), «Татаро-монгольское нашествие на Руси» (история), «Лексико-грамматические уровни русского языка», «Понятие языка и речи», «Омонимия как явление современного русского языка» (лингвистика).

Работая над курсовым проектом, студенты овладевают более глубокими познаниями в области языка, учатся использовать дополнительную литературу, обучаются переводческой деятельности, реферированию, отбору важного материала на русском языке. Проект защищается в аудитории, защита сопровождается презентацией. Студенты учатся держаться на публике, выстраивать монологическую речь, кроме того, уже на подготовительном факультете они осваивают азы ораторского искусства на русском языке. И уже на этом этапе студенты знакомятся с терминологией и пытаются использовать ее в устной речи.

На старших курсах студенты-иностранцы делают курсовые проекты самостоятельно. И только на начальном этапе преподаватели пошагово осуществляют руководство написанием курсовой работы. Учитывая, что в последующие годы иностранцы будут регулярно выполнять подобные виды работы,

преподаватели готовят их с учетом всех необходимых требований.

Хотелось бы рассказать еще таком виде проектной деятельности, осуществляемой в рамках обучения русскому языку, как олимпиада. Проектная деятельность, организованная в виде олимпиад, на которых представлены задания повышенного уровня сложности, развивает как творческий тип мышления, так и критический. С точки зрения доминирующей в проекте деятельности — это поисковая деятельность. Характер контактов в данной проектной деятельности может быть весьма широк: от участников одной группы до участников из разных стран мира. Как правило, каждая олимпиада может быть представлена в рамках одного монопроекта (в рамках одной области знания).

К сквозным проектам можно отнести такие, как создание словарей, ведение падежных тетрадей и читательских дневников. Данные виды проектов относятся к сквозным, так как работа над ними ведется в течение всего года. С точки зрения предметно-содержательной области, данные виды проектов относятся к монопроектам, так как подобные тетради, дневники, словари в индивидуальном порядке ведутся каждым учащимся. Педагог помогает структурировать содержательную часть, постепенно осуществлять сбор и систематизацию полученных знаний, а на более позднем этапе изучения языка организует самостоятельную работу студентов, когда они уже сами могут продолжить поэтапное заполнение тетрадей и систематическую работу с ними.

Согласимся с Н. Ш. Мифтаховой, которая считает, что при составлении словарей необходимо пользоваться различными подходами. «Лексико-терминологический подход позволяет устанавливать качественный состав научно-технологического языка, выявлять интернациональные термины, заимствования из русского, исконно национальные термины, используемые в общей лексике родного языка студентов. Этнопсихологический подход способствует установлению связи форм и методов обучения с индивидуальными особенностями студентов как представителей того или иного этноса» [6, с. 96].

В качестве еще одного проекта, включающего в себя различные виды деятельности, такие как исследовательскую и ознакомительно-ориентировочную, с одной стороны, и одновременно творческую, с другой, возможно рассматривать перевод художественного текста. Авторами данной статьи было подготовлено три пособия по переводу для англоязычных студентов, изучающих русский язык [7, 8, 9]. Все пособия «Чтение и перевод» (авторы Н. Ю. Филимонова, Е. П. Панова), написанные на материале английской волшебной сказки П. Трэверс «Мэри Поппинс», А. А. Милн «Винни-Пух и все-все-все», Л. Кэрролл «Алиса в стране чудес», были успешно апробированы на кафедре русского языка Волгоградского государственного технического университета и Московского политехнического университета. «Упражнения ... обучают, прежде всего, особенностям художественного перевода, в процессе которого студент сталкивается с различного рода переводческими трудностями» [10, с. 75]. Несмотря на эти трудности, данный проект показал, что иностранные студенты могут успешно обучаться не только навыкам чтения, но и навыкам перевода.

При этом проект может носить как индивидуальный, так и групповой характер, благодаря которому студенты вступают в стадию сотворчества, метода, который объединяет людей и учит их работать в коллективе. Данная работа может быть представлена в виде материально оформленного проекта: книги, альбома, презентации. Закончить реализацию проекта возможно совместным просмотром в группе мультфильмов и фильмов на русском языке, снятых по данным произведениям, так как известно, что включение мультимедийных проектов в процесс обучения закрепляет познавательные навыки и способствует этико-эстетическому развитию студентов, расширяет у иностранных студентов представления о другой культуре. Мультимедийность помогает сопоставить мыслительное содержание с наглядным образом.

Добавим, что переводческая деятельность — это не только познавательная и исследовательская деятельность, так как студенты и развивают критическое мышление, и создают вторичный текст, где огромную роль играет творческая составляющая личности. Осмыслить и осознать культуру чужого народа и постараться передать ее средствами переведенного художественного текста — это наисложнейшая творческая работа, требующая определенных знаний, умений, навыков и творческой активности от студента. «Перевод традиционно рассматривается как культурологическое явление, поскольку он пересекает не только границы языка, но и границы культуры» [11, с. 132]. Таким образом, в процессе реализации данного про-

екта происходит рождение второй языковой личности, а это требует как реализации огромных познавательных ресурсов студента, так и творческих усилий.

Добавим, что на площадках обоих университетов в рамках проектной деятельности осуществляется также театральный проект, основанный на ролевой деятельности в рамках литературного направления. Данный проект групповой и основан на методе сотворчества. В процессе изучения русской литературы студенты играют сцены из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, «Героя нашего времени» Ю. М. Лермонтова, «Мертвых душ» Н. Гоголя, «Бесприданницы» Н. Островского, читают стихи великих поэтов, исполняют романсы.

Еще одним видом проектной деятельности можно назвать эссе. Выбор того или иного типа или вида эссе зависит от профиля и этапа обучения студента, от его общего и языкового уровня, от учебных задач, решаемых преподавателем, от личного выбора автора эссе. Студент должен иметь свою позицию, отстаивать свою точку зрения, уметь ясно и грамотно излагать свои мысли, аргументируя их и иллюстрируя достаточным количеством примеров.

«Метод проектов и обучение в сотрудничестве находят все больше распространения в системе образования разных стран мира, и корни их лежат не только в сфере образования, но, главным образом, в сфере социальной» [12, с. 71].

Для подтверждения результативности проектной деятельности были осуществлены констатирующий, формирующий, контрольный эксперименты, которым предшествовали такие эмпирические исследования, как педагогическое наблюдение, беседа, анкетирование и тестирование.

В процессе исследований были выявлены следующие принципы, которые сложились в систему и обеспечили успешность проектной деятельности: «принцип взаимосвязи уровня подготовки специалистов с требованиями субъектов (ориентация на требования субъектов — личности, социума, работодателя при организации учебного процесса); интегративности (интеграция трех дисциплин — иностранного языка, специальности, информатики, используемая в междисциплинарных проектах; креативности проектной деятельности (создание оригинальных продуктов (проектов), предполагающих творческую самореализацию студентов, ориентацию на индивидуальное и групповое творчество); свободного выбора студентом образовательной траектории (самостоятельность в направлении учебной деятельности при создании проекта); мультимедийности (использование нескольких каналов восприятия информации, интеграция функций левого и правого полушарий мозга в процессе усвоения информации); ориентации на самообразование и саморазвитие студентов (самостоятельное приобретение знаний, умений, навыков в проектной деятельности)» [1, с. 8].

В заключение хотелось бы добавить, что внедрение проектного метода значительно повышает показатели у будущих специалистов по таким критериям, которые делают человека более конкурентноспособным и востребованным на рынке труда. У студентов значительно улучшается когнитивный критерий (познавательные процессы); коммуникативный (коммуникативные способности); креативный (творческое мышление); личностно-мотивационный (сформированность личностных качеств — коммуникабельности, толерантности, качеств лидера); деятельностно-рефлексивный (умение работать с информацией, способность к рефлексии, знания, умения, навыки в области иноязычной, профессиональной, информационно-технологической деятельности) [13].

Литература:

1. Бреднева Н. А. Проектная деятельность студентов в условиях междисциплинарной интеграции: Автореф. дис. . канд. пед. наук. — М., 2009. — 25 с.
2. Gulyaeva E. V., Semikina Yu. G. Project Activity as a Means of Multicultural Values Development in the Internet-Mediated Learning Environment. ARPHA Proceedings 3. Proceedings IFTE-2020. P. 771–779 doi: 10.3897/ap.2.e0771
3. Semikina Yu. G., Demushina O. N., Semikin D. V. The efficient use of project activities in the context of modern digital educational environment. Advances in Economics, Business and Management Research. 2019. Volume 81. P. 712–716. DOI: 10.2991/mtde-19.2019.145

4. Saenko Natalya R., Panova Elena P., Filimonova Natalia Yu., Bocharnikova Natalya V. Interactive Methods Of Studying Russian Language By Foreigners // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2020. Volume 102., pp. 735–743. Doi: 10.15405/epsbs.2021.02.02.92
5. Panova Elena P., Bocharnikova Natalya, Khripunova Elena V., Chyirich Irina V. (2020). ORGANIZATION PROJECT ACTIVITIES WITH THE HELP OF DISTANCE LEARNING // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2020. Volume. P 98. 701–708.DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.03.72
6. Мифтахова Н. Ш., Иванов В. Г. Адаптированное обучение билингвальных студентов в высшей школе // Высшее образовании в России. — Москва, 2013 — № 3. — С. 94–97.
7. Панова Е. П., Филимонова Н. Ю. Чтение и перевод художественного текста в иностранной аудитории (на материале Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» в переводе Б. Заходера): Учебное пособие для англоговорящих иностранных студентов, изучающих русский язык. — Москва: Московский политех, 2018. — 88 с.
8. Филимонова Н. Ю., Панова Е. П. Чтение и перевод. Учебное пособие для англоговорящих иностранных студентов, изучающих русский язык (по сказке П. Трэверс «Мэри Поппинс») // ВолгГТУ. — Волгоград, 2013. — 56 с.
9. Филимонова Н. Ю., Панова Е. П. Чтение и перевод. Учебное пособие для англоговорящих иностранных студентов, изучающих русский язык (по сказке А. Милна «Винни–Пух и все–все–все») // ВолгГТУ. — Волгоград, 2014. — 32 с.
10. Панова Е. П. Функционирование имени собственного в детской литературе: монография / прилож. — Н. Ю. Филимонова; ВолгГТУ. — Волгоград, 2013. — 203 с.
11. Филимонова Н. Ю., Панова Е. П. Перевод как дополнительная возможность работы с текстом при изучении русского языка как иностранного // Вестник московского государственного областного университета. — 2019, № 4. — С. 132–136.
12. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю., Моисеева М. В., Петров А. Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Е. С. Полат. — 3–е изд., испр. и доп. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 272 с.
13. Panova E. P., Filimonova N. Yu., Bocharnikova N. V., Davydova M. L. Project Activities in the Process of Teaching Foreign Students // Utopía y Praxis Latinoamericana. Revista Internacional de Filosofía Iberoamericana y Teoría Social / Centro de Estudios Sociológicos y Antropológicos (CESA) / Facultad de Ciencias Económicas y Sociales / Universidad del Zulia–Venezuela. ISSN: 1316–5216 / e–ISSN: 2477–9555.

References

1. Bredneva N. A. (2009). Project activity of students in the conditions of interdisciplinary integration: Candidate of Pedagogic's abstract. Moscow. (In Russ.).
2. Gulyaeva E. V. & Semikina Yu. G. (2020). Project Activity as a Means of Multicultural Values Development in the Internet–Mediated Learning Environment. ARPHA Proceedings 3. Proceedings IFTE–2020. P. 771–779 doi:10.3897/ap.2.e0771
3. Semikina Yu. G., Demushina O. N. & Semikin D. V. (2019). The efficient use of project activities in the context of modern digital educational environment. Advances in Economics, Business and Management Research, 81, 712–716. DOI: 10.2991/mtde–19.2019.145
4. Saenko N. R., Panova E. P., Filimonova N. Yu. & Bocharnikova N. V. (2020). Interactive Methods Of Studying Russian Language By Foreigners. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, 102, 735–743. Doi: 10.15405/epsbs.2021.02.02.92
5. Panova E. P., Bocharnikova N., Khripunova E. V. & Chyirich I. V. (2020). Organization project activities with the help of distance learning. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, 98, 701–708. DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.03.72
6. Miftakhova N. Sh. & Ivanov V. G. (2013). Adapted training of bilingual students in higher education. Visshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia], 3, 94–97. (In Russ.).

7. Panova E. P. & Filimonova N. Yu. (2018). Reading and translating a literary text within a foreign audience (based on the material of L. Carroll, «Alice in Wonderland» translated by B. Zakhoder): A manual for English–speaking foreign students studying Russian. Moscow: Moscow Polytechnic University. (In Russ.).
8. Filimonova N. Yu. & Panova E. P. (2013). Reading and translation. A manual for English–speaking foreign students studying the Russian language (based on the tale by P. Travers «Mary Poppins»). Volgograd: Volgograd State Technical University. (In Russ.).
9. Filimonova N. Yu. & Panova E. P. (2014). Reading and translation. A manual for English–speaking foreign students studying the Russian language (based on the tale by A. Milne «Winnie the Pooh»). Volgograd: Volgograd State Technical University. (In Russ.).
10. Panova E. P. (2013). The functioning of the proper name in children's literature: monograph. Volgograd: Volgograd State Technical University. (In Russ.).
11. Filimonova N. Yu. & Panova E. P. (2019). Translation as an additional opportunity with text when studying Russian as a foreign language. Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of Moscow State Region University], 4, 132–136. (In Russ.).
12. Polat E. S., Bukharkina M. Yu., Moiseeva M. V. & Petrov A. E. (2008). New pedagogical and information technologies in the education system: A manual for students of higher institutions. 3rd edition. Moscow: Publishing Center «Academy». (In Russ.).
13. Panova E. P., Filimonova N. Yu., Bocharnikova N. V. & Davydova M. L. Project Activities in the Process of Teaching Foreign Students. Utopía y Praxis Latinoamericana. Revista Internacional de Filosofía Iberoamericana y Teoría Social. ISSN: 1316–5216 / e–ISSN: 2477–9555.

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ/ CULTURE & CIVILIZATION

УДК 008
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-104-110

Библиотека нового типа как региональный центр новых знаний и цифровой культуры

ПЛЯХОТКО Александр Сергеевич,
Тюменский государственный институт культуры,
Преподаватель, кафедра Социально–культурной деятельности, культурологии и социологии. (г. Тюмень, РФ, e–mail: sanek_tyumen@mail.ru)

Аннотация. В данной статье раскрывается роль библиотеки в системе современного образования и цифровизации культуры. Автором было сформулировано научное определение библиотеки нового типа как современного культурно–просветительского учреждения, выполняющего в условиях регионального культурного пространства функции национальных библиотек посредством внедрения передовых информационных и цифровых технологий, способного предоставлять новые социальные возможности, формировать культурные смыслы и отвечать запросам человека в различных сферах жизни общества. Особое внимание было акцентировано на том, что результатом деятельности по объединению новейших технологий с традиционными памятниками является создание национального цифрового ресурса, позволяющего насыщать сетевые мультимедийные пространства смыслами и ценностями, оказывающими значительное влияние на человеческую жизнь и деятельность. Отмечается, что применение цифровых технологий является неотъемлемым элементом развития библиотечной деятельности на современном этапе. Обосновывается идея о том, что современная библиотека становится важнейшим компонентом сохранения и развития региональной культурной среды, выполняя значимую роль в развитии знания и культуры. В качестве эталонной модели для развития библиотечных сетей рассматривается опыт функционирования Президентской библиотеки имени первого президента России. В результате проведённого исследования автор приходит к заключению, что применение цифровых технологий является неотъемлемым элементом развития библиотечной деятельности на современном этапе. В условиях информатизации и цифровизации общества библиотека нового типа становится важнейшим компонентом сохранения и развития региональной культурной среды, выполняя значимую роль в развитии знания и культуры.

Ключевые слова: глобализация, информационное общество, цифровая культура, культурное наследие, телекоммуникации, библиотека нового типа, современное образование, региональное измерение.

Для цитирования: Пляхотко А. С. Библиотека нового типа как региональный центр новых знаний и цифровой культуры // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 104–110. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–104–110

Статья поступила в редакцию: 06.05.2021.
Статья принята к публикации: 06.06.2021.

A new type of library as a regional center for new knowledge and digital culture

Alexander S. PLYAKHOTKO, Lecturer, sanek_tyumen@mail.ru
Department of Social and Cultural Activities, Cultural Studies and Sociology, Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russian Federation

Abstract. This article reveals the role of the library in the system of modern education and digitalization of culture. The author formulated a scientific definition of a new type of library as a modern cultural and educational institution that performs the functions of national libraries in the regional cultural space through the introduction of advanced information and digital technologies, capable of providing new social opportunities, forming cultural meanings and meeting human needs in various spheres of society. The author paid particular attention to the fact that the result of the activity on combining the latest technologies with traditional monuments is the creation of a national digital resource that allows saturating the network multimedia spaces with meanings and values that have a significant impact on human life and activities. The author noted that the use of digital technologies is an integral element of the development of library activities at the present stage. The substantiated idea is that the modern library is becoming an essential component of the preservation and development of the regional cultural environment, playing a significant role in the development of knowledge and culture. The experience of functioning of the Presidential Library named after the first President of Russia is considered as a reference model for the development of library networks. At the end of the study, the author concludes that the use of digital technologies is an integral element of the development of library activities at the present stage. In the context of informatization and digitalization of society, a library of a new type is becoming an essential component of the preservation and development of the regional cultural environment, playing a significant role in the development of knowledge and culture.

Keywords: globalization, information society, digital culture, cultural heritage, telecommunications, a new type of library, modern education, regional dimension

For citation: Plyakhotko A. S. (2021). A new type of library as a regional center for new knowledge and digital culture. Service plus, 15 (3), 104–110. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–104–110 (In Russ.).

Submitted: 2021/05/06.

Accepted: 2021/06/06.

На современном этапе во всём мире с развитием и углублением процессов глобализации на смену информатизации и компьютеризации приходит цифровизация, предполагающая широкое использование инноваций во всех сферах общественной жизни. Как и термин «культура», понятие «цифровая культура» неоднозначно и имеет ряд определений. В связи с тем, что сегодня цифровые технологии широко используются во всем мире, изучение цифровой культуры потенциально охватывает все аспекты человеческой жизни, выходя далеко за рамки современных коммуникационных технологий. Результатом деятельности по объединению новейших технологий с традиционными памятниками является создание национального цифрового ресурса, позволяющего насыщать сетевые мультимедийные пространства смыслами и ценностями, оказывающими значительное влияние на человеческую жизнь и деятельность. Особая роль в вопросе сохранения мирового наследия традиционно отводится библиотекам. О. В. Серова отмечает, что «основной целью оцифровки фондов является обеспечение сохранности уникальных документов для будущих поколений и оптимизация доступа к ним современников» [10, с. 75].

15 октября 2003 года Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла Хартию о сохранении цифрового наследия. В преамбуле отмечается, что исчезновение наследия в какой бы то ни было форме ведет к обеднению наследия всех народов. Цифровое наследие состоит из уникальных ресурсов человеческих знаний и форм выражения. При этом, как отмечает Д. А. Савельев, «вопрос о самой возможности отбо–

ра для целей сохранения цифрового наследия, его технологиях и критериях, стоит весьма остро в свете увеличивающихся потоков информации» [9, с. 86].

На парламентских слушаниях в Государственной думе РФ 13.02.2018 года по инициативе Комитета по культуре был рассмотрен вопрос «Цифровизация в сфере культуры. Законодательство и правоприменительные практики». Было отмечено, что в сфере культуры цифровизация должна обеспечивать активное вовлечение в целевую аудиторию учреждений культуры целого поколения, ориентированного в основном на цифровой формат восприятия информации. Данную аудиторию необходимо вовлекать реальными проектами в области популяризации достижений культуры.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» был разработан нацпроект «Культура», в котором особое место отводится проекту «Цифровая культура». Специалистами, исследующими феномен цифровизации культуры, отмечается, что «реализация подпроекта «Цифровая культура» в Национальном проекте «Культура» нацелена на то, чтобы провести своего рода революционные изменения в установлении электронной культуры в обществе, ее оформлении именно как культуры нового типа, отвечающего всем критериям семиотической концепции культуры Ю. М. Лотмана. Становлению электронной культуры способствует появление новых каналов и сред, образующих культурное пространство цифровой цивилизации» [1, с. 526]. Следует отметить, что одной из приоритетных задач нацпроекта также является повышение качества библиотечно-информационного обслуживания за счёт внедрения современных информационных систем, новых технологий, а также обеспечения доступа к фондам электронных библиотек. В Приказе Министерства культуры России от 01.03.2019 г. № 229 «Об утверждении плана деятельности Министерства культуры Российской Федерации на 2019–2024 годы» в части реализации Национального проекта «Культура» сформулирована цель проекта: увеличить на 15% число посещений организаций культуры и в 5 раз увеличить число обращений к цифровым ресурсам культуры [8]. Мы разделяем точку зрения специалистов, которые полагают, что «укрепление конкурентоспособности организаций сферы культуры в условиях перехода к цифровому суверенитету Российской Федерации может быть достигнуто путем усиления цифровизации сферы культуры» [3, с. 54]. Как мы видим, вопросам формирования национального цифрового ресурса, а также развитию библиотечного дела в России на государственном уровне сегодня уделяется особое внимание.

Как отмечают Ф. Х. Попова и О. Н. Вяденкова, «сфера культуры формирует необходимую платформу для инновационного развития современной экономики, обеспечивая преобразование традиционных экономических моделей в модели креативной (творческой) экономики путём создания основ взаимодействия для развития межкультурного диалога, взаимопроникновения культур, обмена творческими продуктами и услугами, включая экспорт культурных благ и услуг. Особенно важно проведение политики модернизации систем управления в России, где традиционно роль культуры и исторического наследия рассматривалась как важнейший государственный капитал» [7, с. 181]. На современном этапе вопрос развития культуры включает в себя также и проблему сохранения наследия в цифровой форме. Таким образом, на государственном уровне ставится важнейшая задача по формированию единого российского электронного пространства информации и знаний на основе оцифрованных материалов, сгруппированных по различным отраслям знания и сферам творческой деятельности.

Активное проникновение информационно-телекоммуникационных технологий в библиотечную деятельность привело к появлению в России библиотеки нового типа — современного культурно-просветительского учреждения, выполняющего в условиях регионального культурного пространства функции национальных библиотек посредством внедрения передовых информационных и цифровых технологий, способного предоставлять новые социальные возможности, формировать культурные смыслы и отвечать запросам человека в различных сферах жизни общества. Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, расположенная в г. Санкт-Петербург, является одним из первых примеров информационно-просветительских учреждений нового типа.

В контексте проблемы цифровизации библиотечно-информационного пространства было проведено огромное количество конференций и круглых столов в Президентской библиотеке имени Б. Н. Ельцина, Российской национальной библиотеке, Российской

государственной библиотеке, а также на уровне регионов. Роли современных библиотек в условиях становления цифровой культуры посвящено немало научных работ. Особая значимость и актуальность этой проблемы обусловлена тем, что в условиях всеобщей цифровизации человек черпает информацию и знания в новых форматах, которые постепенно становятся нормой и даже неотъемлемой частью его жизни. Мы разделяем точку зрения Т. В. Майстрович, которая полагает, что сегодня «спектр активности развития социального института чтения существенным образом сместился в электронную среду» [5, с. 130]. В условиях цифровизации современные библиотеки совершенствуют обслуживание пользователей, предоставляя им широкий доступ к оцифрованным материалам, внедряя новые усовершенствованные информационные технологии, а также соответствующие этим технологиям новые методики работы с различными целевыми аудиториями.

Одной из приоритетных задач государственной культурной политики в области осуществления всех видов культурной деятельности и развития связанных с ними индустрий, является использование цифровых коммуникационных технологий, в том числе для обеспечения доступа граждан к культурным ценностям независимо от места проживания. Как отмечает ряд специалистов, «использование цифровых коммуникационных технологий в сфере культуры и искусства — это эффективный инструмент для обеспечения доступа граждан к культурным ценностям независимо от их места проживания. В частности, скорость и объем информации, предоставляемой новыми цифровыми технологиями, позволяют дать возможность каждому жителю большой страны ознакомиться с культурным наследием всех ее регионов» [3, с. 59]. В этом заключаются неоспоримые преимущества цифровизации в обеспечении доступности культурного наследия широкому кругу пользователей. Исследователи отмечают, что «технология способна привнести искусство и культуру в новую аудиторию; вдохновить детей и молодежь; поддержать преподавание и обучение с помощью интерактивного и онлайнового опыта, открывая доступ всем, особенно тем людям, которым трудно или вовсе невозможно посетить эти учреждения» [1, с. 525]. Деятельность библиотеки нового типа направлена не только на размещение и сохранение, но и на создание условий общедоступности электронного ресурса. Оцифрованные материалы имеют неоспоримое преимущество, поскольку, как отмечает Е. Б. Грузнова, «электронный документ может быть предоставлен в любом месте, в любой момент времени и одновременно нескольким пользователям» [2, с. 45]. Исследователь Т. Л. Масхулия указывает на то, что «такие преимущества цифровых библиотек, как обеспечение одновременного доступа нескольких пользователей к документу из любой точки мира в круглосуточном режиме, доступ к копиям различных видов объектов, содействие в сохранении редких документов и артефактов, способствовали усилению роли библиотек как проводников знаний» [6, с. 21]. Именно поэтому при создании Президентской библиотеки как общегосударственного электронного хранилища цифровых копий важнейших документов по истории, теории и практике российской государственности и русскому языку было предусмотрено открытие её филиалов и удалённый читальных залов во всех субъектах Российской Федерации, а также за рубежом.

Тем не менее очевиден тот факт, что развитие информационного общества в Российской Федерации невозможно без создания на региональном уровне информационной инфраструктуры, ключевым элементом которой являются информационные ресурсы и учреждения, обеспечивающие их хранение, трансляцию и предоставление пользователям, а также выполняющие значимую роль в развитии знания и культуры. Как отметил на Заседании Совета по культуре и искусству 15 декабря 2018 года Президент России Владимир Владимирович Путин, «Национальная программа в сфере культуры должна получить сильное региональное измерение, стимулировать повышение качества и разнообразие культурной жизни в малых городах и посёлках страны» [4].

Цифровые технологии помогают библиотекам для организации живого общения посредством телекоммуникаций. Тюменский филиал Президентской библиотеки выполняет роль своеобразного регионального культурного центра, где проводятся различные массовые мероприятия, посвящённые персонам, событиям, историческим датам. В этой деятельности активное участие принимают архивные и образовательные учреждения, библиотеки, музеи и частные лица.

Комплексный подход к переводу документов в цифровую форму даёт возможность качественного формирования цифрового контента. Как отмечается на интернет-портале Президентской библиотеки,

развитие сети удалённых электронных читальных залов, региональных центров и филиалов библиотеки позволило сформировать уникальный цифровой фонд материалов регионоведческого характера. Среди краеведческих изданий Тюменской области, представленных в электронном фонде библиотеки, содержатся оцифрованные адрес–календари Тобольской губернии, Тобольские губернские ведомости, Тобольские епархиальные ведомости, ежегодники Тобольского губернского музея, труды известного краеведа Дунина–Горкавича, путеводители по Иртышу, советские газеты Тюменского региона, такие как Трудовой набат, Красное знамя, Тюменская правда, Сталинская трибуна, Колхозный призыв и мн. др.

В настоящее время в муниципальных образованиях Тюменской области открыто и функционирует более 150 центров удалённого доступа к ресурсам Президентской библиотеки. Сотрудники филиала через социальные сети на регулярной основе осуществляют комплексную поддержку центров удалённого доступа, помогая коллегам оперативно решать возникающие проблемы. В то же время филиал является стажировочной площадкой для всех региональных центров в России.

В целях формирования информационной культуры граждан Тюменской области филиал Президентской библиотеки и ГАУК ТОНБ для педагогов на базе учреждений проводятся семинары, научные конференции, конкурсы, направленные на популяризацию использования информационных ресурсов Президентской библиотеки; для учащихся — проводится видеолекторий «Знание о России», экскурсии, Олимпиада «Россия в электронном мире»; для родителей — губернаторская программа повышения компьютерной грамотности «Расширяя горизонты», международный фотоконкурс «Взгляд иностранца».

Одно из направлений совместной деятельности ГАУ Северного Зауралья и Президентской библиотеки — это продвижение научных разработок ученых университета. В фондах университетской библиотеки хранится более двухсот ценных научных работ: 60 монографий, более 30 сборников научных трудов, выпуски журнала Вестник сельскохозяйственной академии за двадцать лет. Научный интерес для исследователей представляют монографии классиков агрономии: Л. Н. Каретина, А. Мершаловой, физиологии: Юдичева, биологов–ветеринаров В. З. Ямова, Г. С. Сивкова, Н. В. Солопова, зооинженера В. А. Головина, а также тех, кто продолжает начатое ими дело: профессоров Н. В. Абрамова, В. А. Федоткина, А. С. Иваненко, А. А. Лящева и др. Информационное поле Президентской библиотеки позволяет при передаче трудов тюменских ученых познакомить с ними научное сообщество не только России, но и всего мира. С другой стороны, тюменские ученые сельскохозяйственного и экономического направления, могут найти в фондах Президентской библиотеки интереснейший материал для своих исследований, способствующих превращению информации в знание. Стоит особо отметить, что качество содержания материалов, представленных в фонде библиотеки, задаёт вектор её развития.

Благодаря содействию таких стратегических партнёров, как ТОГИРРО, ГАУСЗ, ТГИК и Система общего образования Тюменской области, библиотека активно взаимодействует с педагогами, а также широкой ученической и родительской общественностью. Тюменский филиал Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина как региональный центр новых знаний и цифровизации культуры становится центром современного образования молодёжи, охотно осваивающей новые технологии цифровизации культуры и общества, примеряющей на себя новые знания, профессиональные навыки, новые специальности, которые дают книга и чтение в информационном обществе. В 2019–2020 учебном году в олимпиаде «Россия в электронном мире», которую проводит Президентская библиотека, приняли участие 5 297 школьников. 2 605 человек из этого количества составили участники в Тюменской области, 5 из них вошли в число победителей, что говорит об эффективной работе тюменского филиала.

Применение цифровых технологий является неотъемлемым элементом развития библиотечной деятельности на современном этапе. Формы социокультурных практик формирования экологического мышления учащихся становятся многообразнее, во многом завися от модернизации библиотечно–информационных технологий. Оцифровка первоисточников значительно упрощает их доступность широкому кругу читателей и, как следствие, значительно повышает эффективность научных исследований. В условиях информатизации и цифровизации общества, библиотека нового типа становится важнейшим компонентом сохранения и развития региональной культурной среды, выполняя значимую роль в разви–

тии знания и культуры. Современные информационные технологии, современная информационная сеть становятся ключевым фактором развития нового общества, они оказывают всепроникающее воздействие на сферы общества — культуру, способы социальной организации пространства и времени, взаимоотношения государства и гражданского общества.

Библиотека нового типа в региональной культурной среде является центром современного образования и цифровизации культуры, где человек охотно осваивает новые цифровые технологии, позволяющие изучать и сохранять историю и культурные ценности в новых реалиях и возможностях, применять на себя новые знания, новые специальности.

Список источников

1. Астафьева О. Н. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития / О. Н. Астафьева, Е. В. Никонорова, О. В. Шлыкова // Обсерватория культуры: журнал–обозрение. — 2018. — Т. 15. — № 5 (сентябрь – октябрь). — С. 516–531.
2. Грузнова Е. Б. Национальный электронный ресурс Президентской библиотеки: основные подходы к формированию / Е. Б. Грузнова // Электронная библиотека: интеграция информационных ресурсов. Вып. 1. — СПб. : ФГБУ «Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина», 2011. — С. 34–45.
3. Губченкова А. С. Проблемы цифровизации сферы культуры Российской Федерации / А. С. Губченкова, О. А. Чеснова, Л. А. Еникеева // Петербургский экономический журнал. — 2019. — № 4. — С. 52–60.
4. Заседание Совета по культуре и искусству 15 декабря 2018 года : [сайт] // http: // www.kremlin.ru/events/president/news/59416 (дата обращения: 19.01.2021).
5. Майстрович Т. В. Электронные библиотеки и социальный институт чтения / Т. В. Майстрович // Направления развития цифрового библиотечного, музейного и архивного контента в современной информационной среде: сб. науч. тр. — Санкт–Петербург : Президентская библиотека, 2014. — С. 123–131.
6. Масхулия Т. Л. Формирование цифрового контента Президентской библиотеки. Технологические решения и контроль качества / Т. Л. Масхулия // Электронная библиотека. Вып. 4. Научные и организационно–технологические основы интеграции цифровых информационных ресурсов: Сборник научных трудов. — Санкт–Петербург: Президентская библиотека, 2013. — С. 21–32.
7. Попова Ф. Х. Инновации в культуре: понятие и специфика / Ф. Х. Попова, О. Н. Вяденкова // Социум. Культура. Личность. Досуг: современные практики региональной культуры: материалы V Международной науч.–практ. конференции, 21–22 ноября 2014 г. — Тюмень: ТГАКИСТ, 2014. — С. 181–185.
8. Приказ Минкультуры России от 01.03.2019 № 229 «Об утверждении плана деятельности Министерства культуры Российской Федерации на 2019–2024 годы» [Электронный ресурс] // URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319630/ (дата обращения: 19.01.2021).
9. Савельев Д. А. Проблема сохранения цифрового наследия и современные тенденции в области технологий хранения, интеграции и предоставления доступа к информационным ресурсам / Д. А. Савельев // Современные технологии интеграции информационных ресурсов. — Санкт–Петербург: ФГБУ «Президентская б–ка им. Б. Н. Ельцина», 2011. — С. 81–88.
10. Серова О. В. Доступность информации и электронные библиотеки / О. В. Серова // Современные технологии интеграции информационных ресурсов. — Санкт–Петербург: ФГБУ «Президентская б–ка им. Б. Н. Ельцина», 2011. — С. 74–80.

References

1. Astafieva O. N., Nikonorova E. V. & Shlykova O. V. (2018). Culture in the digital civilization: a new stage in understanding the future strategy for sustainable development. Observatoriia kultury: zhurnal–obozrenie [Observatory of culture: journal–review], 15 (5), 516–531. (In Russ.).
2. Gruznova E. B. (2011). National electronic resource of the Presidential Library: basic approaches to the formation. Elektronnaia biblioteka: integratciia informatcionnykh resursov [Electronic Library: Integration of Information Resources], 1. St. Petersburg: Presidential Library named after B. N. Yeltsin, 34–45. (In Russ.).

3. Gubchenkova A. S., Chesnova O. A. & Enikeeva L. A. (2019). Problems of digitalization of the sphere of culture of the Russian Federation. Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal [St. Petersburg Economic Journal], 4, 52–60. (In Russ.).
4. Meeting of the Council for Culture and Arts on December 15, 2018. [Electronic resource]. (In Russ.). URL: http: // www.kremlin.ru/events/president/news/59416 (Accessed on 19.01.2021).
5. Maistrovich T. V. (2014). Electronic libraries and social institute of reading. Napravleniia razvitiia tcifrovogo bibliotechnogo, muzeinogo i arkhivnogo kontenta v sovremennoi informatcionnoi srede [Directions of development of digital library, museum and archival content in the modern information environment]: collection of scientific papers. St. Petersburg: Presidential Library, 123–131. (In Russ.).
6. Maskhulia T. L. (2013). Formation of digital content of the Presidential Library. Technological solutions and quality control. Nauchnye i organizatcionno–tekhnologicheskie osnovy integratcii tcifrovykh informatcionnykh resursov [Scientific and organizational and technological foundations for the integration of digital information resources]: collection of scientific papers. St. Petersburg: Presidential Library, 21–32. (In Russ.).
7. Popova F. Kh. & Vyadenkova O. N. (2014). Innovations in culture: concept and specificity. Sotcium. Kultura. Lichnost. Dosug: sovremennye praktiki regionalnoi kultury [Socium. Culture. Personality. Leisure: modern practices of regional culture]: proceedings of the V International scientific–practical conference. Tyumen: TGAKIST, 181–185. (In Russ.).
8. Order of the Ministry of Culture of Russia dated 01.03.2019 No. 229 «On approval of the plan of activities of the Ministry of Culture of the Russian Federation for 2019—2024» [Electronic resource]. URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319630/ (Accessed on 01.19. 2021). (In Russ.).
9. Savelyev D. A. (2011). The problem of preserving digital heritage and modern trends in storage technologies, integration and provision of access to information resources. Sovremennye tekhnologii integratcii informatcionnykh resursov [Modern technologies for integrating information resources]. St. Petersburg: Presidential Library named after B. N. Yeltsin, 81–88. (In Russ.).
10. Serova O. V. (2011). Accessibility of information and digital libraries. Sovremennye tekhnologii integratcii informatcionnykh resursov [Modern technologies for integrating information resources]. St. Petersburg: Presidential Library named after B. N. Yeltsin, 74–80. (In Russ.).

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ/
CULTURE & CIVILIZATION

УДК 930.24
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-111-118

Традиционные формы материально-бытовой культуры русского крестьянства в отечественной исторической науке конца XIX — начала XX веков

ШАБАНОВА Марина Владимировна, кандидат исторических наук, Академия управления МВД России, филиал Болшево, кафедра подготовки руководящего состава органов внутренних дел (Москва)
e–mail: pandora2101@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена историографическому анализу изучения повседневной материальной и бытовой культуры русского народа в трудах отечественных историков, краеведов, этнографов, искусствоведов, исследователей второй половины XIX — начала XX в. Особое внимание уделено выявлению дореволюционными авторами непосредственной связи дохристианских религиозных воззрений с основными компонентами материальной и бытовой среды русского крестьянства. Методологическую основу исследования составили принципы историзма и научной объективности. Конкретные явления рассматриваются как взаимосвязанные и изменяющиеся во времени, раскрываются объективные закономерности возникновения и исторического развития, традиционных материально–бытовых форм, выявляется взаимосвязь единичного, особенного и общего.

Ключевые слова: история русского крестьянства, утилитарно–бытовые изделия, культурно–досуговая деятельность, народные художественные промыслы, национальная самобытность, отечественная наука, традиционность.

Для цитирования: Шабанова М. В. Традиционные формы материально–бытовой культуры русского крестьянства в отечественной исторической науке конца XIX — начала XX веков // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 111–118. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–111–118

Статья поступила в редакцию: 01.05.2021.
Статья принята к публикации: 01.06.2021.

Traditional forms of Russian peasantry's material and household culture in the national historical science of the late XIX — early XX century

Marina V. SHABANOVA, Cand. Sc. (History),
Department of training of senior staff of internal Affairs bodies, Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia (Bolshevo branch), Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the historiographical analysis of the study of the everyday material and everyday culture of the Russian people in the works of Russian historians, ethnographers, ethnographers, art historians, researchers of the second half of the 19th — early 20th centuries. The author pays special attention to the identification by pre–revolutionary authors of the direct connection of pre–Christian religious views with the main components of the material and everyday environment of the Russian peasantry. The research is based on the principles of historicism and scientific objectivity. Specific phenomena are considered as interconnected and changing in time, the objective laws of the emergence and historical development of traditional material, everyday forms are revealed, the relationship between the individual, the particular, and the general is revealed.

Key words: history of the Russian peasantry, utilitarian household products, cultural and leisure activities, folk art crafts, national identity, domestic science, tradition

For citation: Shabanova M. V. (2021). Traditional forms of Russian peasantry's material and household culture in the national historical science of the late XIX — early XX century. Service plus, 15 (3), 111–118. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–111–118 (In Russ.).

Submitted: 2021/05/01.

Accepted: 2021/06/01.

Знание «вещного» мира этнической культуры позволяет постичь и её ментальность, так как символика традиционной культуры главным образом воплощена в составляющих её предметах — знаках, выполняющих и сугубо утилитарные функции. Культура жизнеобеспечения, осуществляющая механизмы обеспечения витальных потребностей человека, устанавливает неразрывную связь с иными аспектами и элементами макросистемы этнической картины мира.

Одним из наиболее важных компонентов бытовой традиционной этнической культуры любого народа является досуг. В. И. Даль определил его как «свободное от работы, от дела время». Крупным научным сочинением, в котором подробно рассмотрены традиционные формы досугового общения русского крестьянства, является работа Н. И. Костомарова «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях». Большой заслугой ученого является то, что им была показана связь культурно–досуговой деятельности русского народа с сельскохозяйственными работами. Цикличность земледельческого календаря определяла время и характер досуговых занятий и их форм у русского крестьянства, ведь досуг был направлен на восстановление сил после работы. Он являлся важнейшим условием, обеспечивающим удовлетворение духовных запросов людей, осуществлением их свободной деятельности, интеллектуального развития личности, способствовал консолидации родственных общностей, являлся одной из форм реализации функции общины как носительницы общественного мнения, хранительницы культурных и трудовых традиций.

Н. И. Костомаров указал на существование отдельных сезонных видов развлечений. Например, в летнее время — катание на качелях. Раскачивание на качелях как бы способствовало плодородию полей — таков традиционный взгляд на эту забаву. Исследователь писал: «Качели устраивались двумя способами; первого рода качели делались очень просто: прикреплялась к веревке доска… Сверх того, женщины качались как–то на колесе» [3, с. 113].

Учёный затронул в своей работе вопрос о формах праздничного общения в среде русского крестьянства. По мнению автора, наиболее распространенным видом праздничного досуга являлся игровой комплекс массовых уличных гуляний, в которые включалась большая часть общины. Безусловно, игры имели большое значение в досуговом общении простого народа. Создаваемые многими поколениями, сохраняемые коллективно, впитавшие многие особенности крестьянского сознания (глубокую связь с природой и земледелием), массовые развлечения обеспечивали яркую и сложную программу проведения досуга, определяли отличия одного праздника от другого. В связи с этим историк писал: «В праздничные дни народ собирался на кулачные и палочные бои. Эти примерные битвы происходили обыкновенно при жилых местах, зимою чаще всего на льду. Сверх того, молодые люди собирались в праздники – боролись, бегали взапуски, скакали на лошадях вперегонки, метали копьем в кольцо, положенное на земле, стреляли из луков в войлочные цели и в поставленные шапки» [3, с. 112].

Большой заслугой ученого является то, что он впервые обстоятельно осветил такую часть праздничного досуга, как народный театр. Костомаров видел в театральных скоморошеских представлениях, «позорах», генетическую связь с древнеславянскими пластами народной культуры. Исследователь считал, что народный театр это результат напластований нескольких исторических эпох, в котором изначальный замысел переосмысливался и трансформировался: «Без сомнения, все эти позоры заключали в своих основаниях остатки древней славянской мифологии, сильно искаженные в продолжении многих веков» [3, с. 111]. Ценным является вывод о широком распространении многообразных музыкальных инструментов, игра на которых сопровождала праздничное досуговое общение русского крестьянства: «У русских были свои музыкальные инструменты: гусли, гудки, сопели, дудки, сурьмы, домры, накры, волынки, ленки, медные рога и барабаны» [3, с. 110].

В целом, российские историки приняли активное участие в изучении весьма важных вопросов материальной и бытовой культуры русского народа. Так, особое место среди культурных ценностей занимают памятники народной архитектуры. Жилая и хозяйственная постройка всегда была связана с развитием производства, ведь в ней воплощались не только эстетические и идеологические представления определенной эпохи, но и свойственный этой эпохе уровень материальной культуры, накопленный народом трудовой опыт. Памятники жилой и хозяйственной постройки в образной форме выражают то, что было создано в течение веков народным творчеством, его связью с естественными трудовыми процессами, с природой и бытом народа.

В вопросах изучения истории русского жилища большая роль также принадлежала Н. И. Костомарову. Сельские поселения разделялись на определенные части — крестьянские дворы. Двор, прежде всего, это пространственное определение участка земли, где располагались жилые и хозяйственные постройки, сад, огород, которые были во владении крестьянской семьи. Ученый отмечал просторность крестьянских дворов, особенностью в устройстве считал то, что «домы строились не рядом с воротами, а посредине от главных ворот пролегала к жилью дорога» [3, с. 30]. Затронув вопрос о планировке, Костомаров выявил распространенность двухкамерных и трехкамерных домов, состоявших из двух или трех основных частей, связанных в единое целое друг с другом общей крышей. Он писал: «У зажиточного крестьянина для братьев, сыновей и племянников хозяина строились избы, соединенные между сенями, иногда несколько изб связывались переходами» [3, с. 31]. Историк увидел тесную связь практики подобной застройки с традиционной формой раздела имущества [8, с. 41–46]. «В числе причин, побуждавших, таким образом, располагать жилые помещения, — утверждал он, — было и то, что при таком способе постройки удобнее было по смерти владельца наследникам разделиться между собою, а в случае если б кто пожелал выселиться и завести собственный двор, ему легче было бы перенести на новое место то, что ему досталось из строений по разделу» [3, с. 31]. В работе затронуты вопросы особенностей строительства и конструкции жилых построек, материала и планировки жилого помещения. Ученый сделал вывод о распространенности высокого уровня мастерства русских плотников, которые еще в древности строили прочные, надежные, утепленные дома, используя традиции срубной строительной техники. Костомаров писал: «Форма домов была четвероугольная. Деревянные дома делались из сосновых, иногда же из дубовых цельных брусьев. Складывали брусья с большим умением… так плотно, что не оста–

валось ни малейшей скважины для прохода воздуха, и притом не употребляя в целом доме ни одного гвоздя. А для теплоты обивали их еще мхом; мох клали также по створкам дверей и окон» [3, с. 30]. Ученый отметил, что преобладающей формой крестьянской кровли была «скатная на две стороны с фронтонами на других двух сторонах» [3, с. 34].

Ценно и наблюдение о наличии разнообразных богатых украшений, характерных для архитектурного облика русской избы, размещавшихся «на фронтонах и стенах около окон». Основными мотивами резных украшений были растительные орнаменты и мелкая скульптура, резьбу Костомаров справедливо считал промыслом, имеющим древние корни, уходящим в архаику. «Резьба была старинной принадлежностью славянской образованности и до сих пор у русских поселян составляет наружное украшение изб», — констатировал историк. Важным элементом в конструкции дома являются окна, об их утилитарном назначении и конструктивных особенностях Костомаров заметил следующее: «В простых русских избах окна были волоковые для пропуска дыма. По надобности на них натягивали кожу; вообще эти отверстия в избах бедных были малы, для сохранения теплоты, и когда их закрывали, то в избе среди дня было почти темно» [3, с. 35].

Историк подчеркнул исключительно важную роль, которую занимала в повседневной и обрядовой жизни русского народа печь. В ней готовили пищу, корм скоту, пекли хлеб, мылись, на печи спали, сушили одежду, продукты, в подпечке зимой содержали кур, она является характерной особенностью жилища всех восточных славян: «Печь служила логовищем целому семейству, а от печи по верху под потолок приделывались полати» [3, с. 40]. Не менее важно для понимания материальной культуры и последующих исследований внимание к богатству мебели и утвари в бытовой жизни народа. Многообразие культуры русского крестьянства нашло отражение и в этих предметах повседневного обихода. В зависимости от того, как готовили какое-либо блюдо русской кухни — варили, кипятили, солили, квасили, — утварь делали из дерева, глины или металла. По замечанию историка, предметы утвари отличались большим разнообразием по форме и утилитарному назначению: «Для хранения громоздких хозяйственных припасов в клетях употреблялись бочки, кади, лукошки разной величины и объема. Бочки в старину были самым обыкновенным вместилищем и жидкостей, и сыпучих тел» [3, с. 43].

Важным вопросом, привлекшим его внимание, было выявление основных элементов организации внутреннего пространства жилища (так называемый «наряд пространства», включавший отделку стен, настилку полов, устройство неподвижной мебели и пр.). Историк впервые в отечественной науке отметил особое отношение русского народа к идее покрытости — непокрытости, когда все то, что покрыто, оценивалось положительно, непокрытое — отрицательно. Он констатировал: «Вообще в домашнем устройстве заметен был у русских обычай укрывать и покрывать. Полавочники применялись: в будни клались попроще, в праздники и во время приема гостей понаряднее. Такие же куски клались на окна и назывались наоконниками. Скатерти у бедных были полотняные, грубой отделки. Все эти покрывала вообще на столах, окнах и лавках назывались хоромным нарядом» [3, с. 41]. Интересной, ранее в русской историографии не разрабатывавшейся темой стало освещение меблировки русской избы. Автор достаточно полно и по возможности добросовестно описал функциональное назначение, место расположения, формы и виды мебели, используемой в крестьянском быту: «Кроватью в старину служила прикрепленная к стене скамья или лавка, к которой приставляли другую лавку. Столы делались деревянные, большею частью дубовые, длинные и узкие. Детские колыбели делались висячие, всегда широкие и длинные. Для хранения домашних вещей употреблялись скрыни, сундуки, погребцы. Разные женские украшения хранились в ларцах» [3, с. 41] .

Особое место в «Очерке домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» посвящено такому элементу материальной культуры русского народа, как пища и питье. Изучение этой стороны культуры требовало особого внимания, поскольку прежде она была разработана недостаточно. Всю пищу Н. И. Костомаров классифицировал, разделив ее на «пять отделов: мучнистые, молочные, мясные, рыбные и растительные [3, с. 64]. Основным компонентом, составлявшим рацион питания русского народа, были всевозможные хлебобулочные изделия. Помимо хлеба, который выпекали из ржаной муки, крестьянки готовили калачи, пироги, по составу продуктов подразделявшиеся на скоромные и постные, курники, катлому, сырники, блины и многое

другое. Историк обратил внимание на обрядовую функцию некоторых видов пищи, например, блины и оладьи являлись ритуальными блюдами, подававшимися на различные семейные торжества и при поминовении усопших: «Аладьи огромного размера назывались приказными аладьями, потому что их приносили приказным людям на поминки» [3, с. 64].

Исследуя русскую традиционную кухню, Костомаров развенчал мнение о том, что крестьяне исстари были мясоеды. Напротив, ученый доказал большое распространение рыбных блюд в системе питания русского народа, составлявших «половину года обычную пищу» [3, с. 66]. Такая ситуация объясняется выходом русских к северным рекам и берегам северных морей, что значительно расширило возможности рыболовства.

О способах приготовления этого продукта автор писал следующее: «Рыба была свежая, вяленая, сухая, соленая, провесная, паровая, подваренная, впрок щипанная, копченая» [3, с. 66]. Но тут же замечал, что «русские не умели хорошо солить рыбу, как не умеют этого делать и теперь: она у них воняла; но простой народ, по замечанию иностранцев, не только не отворачивался от нее, но еще предпочитал ее свежей» [3, с. 67].

Важное место в работе Н. И. Костомарова занял круг вопросов, посвященных традиционной одежде русского крестьянства. Одежда, являясь одним из основных элементов материальной культуры народа, отражает экономическую жизнь, историю развития этноса, социальные различия людей и их национальную специфику. Ценным является наблюдение автора о влиянии Востока на развитие русской обуви, в частности, он упомянул наговицы — «старую заимствованную от татар обувь» [3, с. 47]. Вместе с тем историк отметил, что наиболее распространенным видом обуви у крестьян, как у мужчин, так и у женщин, оставались лыковые лапти, ведущие свою историю с древних языческих времен: «Обувь простого народа была — лапти из древесной коры — обувь древняя, употребительная во времена язычества. Кроме лаптей из коры, носили башмаки, сплетенные из прутьев лозы; вероятно, эту обувь разумели под названием пленницы» [3, с. 48]. Н. И. Костомаров отмечал необходимость использования русскими одежды из меха, так как территория их расселения находилась в суровых климатических условиях, богатая верхняя одежда служила для крестьянина также и предметом гордости: «Шубы были самым нарядным платьем для русского, потому что русские, при бедности природы своего отечества, только и могли щеголять перед другими народами, что мехами. Множество мехов в доме составляло признак довольства и зажиточности. Случалось, что русские не только выходили в шубах на мороз, но сидели в них в комнатах, принимая гостей, чтобы выказать свое богатство» [3, с. 51].

Комплекс национальной русской одежды входил в проблемное поле исследования многих выдающихся ученых рассматриваемого периода [7]. Вопрос о влиянии на развитие национального костюма русских со стороны народов, находившихся с ними в тесном контакте, разработан И. Е. Забелиным. Ученый отметил, что историческое существование русских не было национально замкнутым. Культурно-исторические связи с византийцами и татарами повлияли на формирование и изменение элементов традиционного костюма наших крестьян. Ученый считал, что на женский костюм существенное влияние оказали постнические идеи Византии, согласно которым фигура женщины не должна быть подчеркнута, главной функцией одежды являлось сокрытие всех линий ее стана. Автор писал: «В одежде постнические идеи заботливо старались совсем скрыть талию и весь женский бюст и торс… и устранив в одеждах даже и малую складку, какая могла способствовать хоть малой обрисовке лебединой груди или вообще талии» [2, с. 560].

В элементах материальной культуры русского народа, отличавшихся устойчивостью, наиболее ярко отразились основные моменты этнической истории, особенности хозяйственно-культурного типа, многие виды традиционных производств и типов народных художественных промыслов. Исследовательский интерес к крестьянскому ремеслу предопределялся тем, что, материализуя в предметах быта мировоззрение народа, оно соединяло ремесло с художественным творчеством в процессе производства изделий. Из древних и повсеместно широко распространенных видов народных художественных промыслов важное место занимал вышивальный, связанный в первую очередь с украшением костюма, а также предметов интерьера и отдельных утилитарно-бытовых изделий. Вышивка украшала русский традиционный костюм XVIII — начала XX веков. Крестьянки вышивали женские и мужские рубахи, передники, занавески,

наволочки, накомодники, дорожки, салфетки и многое другое [10, с. 230–237]. Но наиболее ярко орнаментальное искусство вышивки утилитарно–бытовых изделий воплощено в украшении рушников. Рушники, полотенца, утиральники, рукотерники составляли существенную часть приданого любой крестьянской девушки. Искусство вышивания девочка начинала осваивать с 7–9 лет, и к моменту сватовства старательная, прилежная невеста могла похвастаться своим мастерством [11]. Для этого в доме устраивали своеобразную выставку рукоделий, по которой судили о состоятельности девушки, её мастерстве и трудолюбии.

Красочные узоры полотенец оживляли бревенчатые стены избы, делая жилище нарядным. Глубокие архаические корни имеет традиция украшения вышивкой одежды. Одним из основных её элементов, как у женщины, так и у мужчины, была рубаха, с целью оберега орнаментировались ее края (подол, рукава, ворот).

П. И. Савваитов в своей работе «Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное» так характеризовал особенности украшения этого элемента русского народного костюма: «Ворот женских сорочек делался с вздержкою, т. е. тесьмою или шнуром для стягивания. Ожерелье или воротник, ворот и зарукавье или края рукавов, смотря по состоянию, узорочно вышивались красными нитками, разноцветным шелком, серебром и золотом» [5, с. 129]. Историк впервые дал подробное описание разнообразных сюжетов и мотивов орнамента русской вышивки, применил к ним тематическую классификацию — «барсы, драконы, змейки, зверьки, грифы, косы, круги, струи» [5, с. 154]. Он выделил геометрический (входящий как составная часть в сюжетную вышивку), зооморфный (включающий орнитоморфный и терратологический), растительный и антропоморфный (подразделяемый на две группы: архаический, отражающий древние мифологические представления и бытовой или жанровый) орнамент. Савваитов отмечает и наличие смешанных и переходных групп орнамента: «Иногда на одной ткани соединялись разные узоры; например, «бархат Турецкой золотной по червчатой земле, по нему опахалы, а в них круги, в кругах репьи шолку червчатого по золотной земле». По различию узоров и сами ткани назывались клинчатыми, клетчатыми, мелкотравчатыми» [5, с. 154].

Крестьянская вышивка в середине XIX века становится объектом пристального внимания русской интеллигенции, любителей старины, частных коллекционеров. Наиболее ценным с научной точки зрения является первый, изданный в 1872 году Обществом поощрения художеств альбом «Русский народный орнамент (шитье, ткани, кружева)» В. В. Стасова. Он стал прекрасным источником для изучения крестьянской вышивки, поскольку впервые в истории отечественной науки иллюстрации сопровождались комментариями автора. В. В. Стасов был видным ученым, художественным и музыкальным критиком, историком, последователем научной «школы заимствования». Анализируя мотивы текстильного орнамента, автор признавал их, как и сюжеты русских былин, не русскими по происхождению, а заимствованными от финских и иранских народов: «Восточные узоры, с которыми наши имеют всего более родства, делятся на две главные группы: узоры финские и узоры персидские. С финскими узорами наши узоры имеют много общего, начиная с самого способа вышивания. Лучшие, старейшие и характернейшие наши узоры выполнены посредством шитья двустороннего, в клетку и городками. Персидские узоры, с которыми сильно сходны русские, можно разделить на три группы: фигуры геометрические, фигуры деревьев и фигуры животных» [8, с. 11]. Вместе с тем ученый отмечал традиционность художественных образов вышивки: «Сколько ни спрашивай, в любом углу России, крестьянок, всюду постоянно услышишь, что они шьют, хотя и на память, но по прежним, исстари ведущимся образцам, передаваемым из рода в род. Употребляемые у нас одежды, представление мотивов из славянской религии, употребление этих узоров придают им значение чего–то действительно национального» [8, с. 15].

Впервые Стасовым была отмечена и связь сюжетов русской вышивки с дохристианскими верованиями. Узоры имели не только декоративное, но и, по мнению ученого, обладали ярко выраженным охранительным, апотрепейным значением. Не соглашаясь признать их простой игрой линий, Стасов считал, «что это — один из древнейших знаков доброго предзнаменования, пожелания благополучия, отвращения несчастья. Фигуры, представляющие предметы, тоже имеют значение религиозное, назначенные для отвращения дурного глаза» [8, с. 17]. Автор обратил внимание на обрядовую роль вышитых бытовых

предметов из текстиля; на их большое значение, функциональную разнообразность; на то обстоятельство, что подавляющая часть современных ему обрядов и действий имеет глубокие исторические корни и связана с ранними этапами истории человечества: «Большинство предметов употребляется для целей религиозных или торжественных: уже в глубокой древности полотенца вешались на деревья с религиозной целью, как священное приношение. И до сих пор привычки древнего язычества не исчезли, и полотенца вешаются вокруг образов, крестов, обвивают дуги и сбрую венчального поезда, украшают дружку. Праздничный костюм и головной убор, полог, наволока — покрыты многозначительными узорами» [8, с. 16].

Ареальные исследования вышивки, проведенные ученым, показали, что формирование ее локальных особенностей определялось в значительной мере этническими традициями и историко-культурными связями населения. Достаточно полные эмпирические описания мелкой крестьянской промышленности позволяют воссоздать наиболее значимые ее черты, их связь с институтами аграрного общества, последствия влияния на них капиталистической экспансии.

Таким образом, изучение кустарных промыслов представляется весьма интересным и важным, так как дает возможность более полно воссоздать организацию жизни и быта российского крестьянства рассматриваемого периода, ведь без исследования крестьянских ремесел невозможно в полном объеме представить сложную и многообразную социально-экономическую и культурную историю крестьянства периода капитализма.

В целом, отечественная историческая наука конца XIX — начала XX веков создала прочную научную базу для изучения традиционных форм материально-бытовой культуры русского крестьянства [5]. В исследовании её многих аспектов был сделан значительный шаг вперед. Интерес к этой области крестьянской культуры отличался стабильностью и принес большие научные результаты. Во-первых, ученым удалось весьма детально и точно описать предметный мир традиционной русской культуры. Во-вторых, в рассматриваемый период были изучены многие вопросы производственно-технологической основы материальной культуры. В-третьих, в работах ученых, обращавшихся к изучению различных сторон и объектов бытовой культуры русского крестьянства на протяжении второй половины XIX века, показано ее большое значение, как источника, многосторонне отражающего его социально-культурную природу, ментальность, этические традиции [9, с. 230–242]. В-четвертых, эти исследования ярко отобразили присутствие и сохранение в объектах материальной и бытовой жизни русского народа отголосков тысячелетней истории этноса и мировоззрения самых различных эпох, различных межэтнических связей [6].

Список используемых источников:

1. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях // О жизни, быте и нравах русского народа. Сост. А. И. Уткин. — М., 1996. — 576 с.
2. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // О жизни, быте и нравах русского народа. Сост. Уткин А. И. — М.,1996. — 576 с.
3. Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. — СПб.,1896. — 223 с.
4. Стасов С. С. Русский народный орнамент. Шитье, ткани, кружева. Вып.1. — СПб.,1872. — 129 с.
5. Шабанова М. В. Русская народная культура в отечественной историографии середины XIX — начала XX веков: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09. Российский государственный университет туризма и сервиса. — М., 2012. — 26 с.
6. Шабанова М. В. Лапшина А. Е. Научно-методические основы образовательно-воспитательной работы в культурном центре «Россика» // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. — М., 2013. — № 3. — С. 61–64.
7. Шабанова М. В. Бытовая и материальная культура русского крестьянства в отечественной историографии конца XIX — начала XX веков // Вопросы истории и культурологии. — Москва, 2017. — С. 188–208.
8. Шабанова М. В. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в культуре русского народа в отечественной историографии второй половины XIX века // Сервис plus. — Т. 13. — 2019. — № 1. — С. 71–76. DOI: 10.24411/2413-693X-2019-1011

9. Шабанова М .В. Социалистические идеи в исследовании культуры русского народа в отечественной исторической науке 1905–1917 гг. // На крутых поворотах истории. Материалы конференции. — 2013. — С. 230–242.
10. Шабанова М. В. Историография русской народной вышивки второй половины XIX – начала XX в.// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — М., 2010. — №6. — С. 230–237.
11. Шабанова М. В. Повитушество как форма народно-медицинских услуг в этнической культуре русского крестьянства // Сервис plus. — Т. 13. — 2019. — № 2. — С. 87–91. DOI: 10.24411/2413-693X-2019-10212.

References

1. Zabelin I. E. (1996). Domashnii byt russkikh tcaritc v XVI i XVII stoletiiakh [Domestic life of Russian queens in the 16th and 17th centuries]. In: Utkin, A.I. et al. O zhizni, byte i nravakh russkogo naroda [Life, everyday household and customs of the Russian people]. Moscow. (In Russ.).
2. Kostomarov N. I. (1996). Ocherk domashnei zhizni i nravov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiiakh [Essay on domestic life and customs of the Great Russian people in the 16th and 17th centuries]. In: Utkin, A.I. et al. O zhizni, byte i nravakh russkogo naroda [Life, everyday household and customs of the Russian people]. Moscow. (In Russ.).
3. Savvaitov P. I. (1896). Opisanie starinnykh russkikh utvarei, odezhd, oruzhiia, ratnykh dospekhov i konskogo pribora, v azbuchnom poriadke raspolozhennoe [Description of old Russian utensils, clothes, weapons, military armor and horse equipment, arranged in alphabetical order]. St.Petersburg. (In Russ.).
4. Stasov S. S. (1872). Russian folk ornament. Shite, tkani, kruzheva [Sewing, fabrics, lace], 1. (In Russ.).
5. Shabanova M. V. (2012). Russkaia narodnaia kultura v otechestvennoi istoriografii serediny XIX — nachala XX vekov [Russian folk culture in Russian historiography of the mid-19th — early 20th centuries]: candidate of history's thesis abstract. Moscow: Russian State University of Tourism and Service. (In Russ.).
6. Shabanova M. V. & Lapshina A. E. (2013). Scientific and methodological foundations of educational work in the cultural center «Rossica». Vestnik assotciatcii vuzov turizma i servisa [Universities for Tourism and Service Association Bulletin], 3, 61–64. (In Russ.).
7. Shabanova M. V. (2017). Household and material culture of the Russian peasantry in the national historiography of the late 19th — early 20th centuries. Voprosy istorii i kulturologii [Questions of history and cultural studies], 188–208. (In Russ.).
8. Shabanova M. V. (2019). Legal regulation of marriage and family relations in the culture of the Russian people in the patriotic historiography of the 2nd half of the XIX century. Service plus, 13(1), 71–76. (In Russ.). DOI: 10.24411/2413-693X-2019-10111.
9. Shabanova M. V. (2013). Socialist ideas in the study of the culture of the Russian people in the domestic historical science of 1905–1917. Na krutykh povorotakh istorii [At the sharp turns of history]: conference proceedings, 230–242. (In Russ.).
10. Shabanova M. V. (2010). Historiography of Russian folk embroidery of the second half of the XIX — early XX century. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: istoriya Rossii [RUDN Journal of Russian History], 6, 230–237. (In Russ.).
11. Shabanova M. V. (2019). Povitushestvo (Institute of midwives) as a form of national medical services in the ethnic culture of the Russian peasantry. Servis plus, 13(2), 87–91. (In Russ.). DOI: 10.24411/2413-693X-2019-10212.

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ/ CULTURE & CIVILIZATION

УДК 79
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-119-125

Анализ исследований социально-психологических аспектов современного женского спорта

ДЖОНС Максим Михайлович, студент 3–го курса факультета «Высшая школа управления» Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия
Ipadnew24062012@gmail.com
СИМОНОВА Маргарита Михайловна, кандидат социологических наук, доцент Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
mmsimonova@fa.ru

Аннотация. В данной статье проведён анализ социальных и психологических факторов, влияющих на женщин, которые являются профессиональными спортсменками. Приведены ответы на основополагающие вопросы, характеризующие их нынешнее положение в социуме, а также собственные ощущения от пребывания в данной роли. В связи с тенденциями к повышению количества профессиональных спортсменок в России и в мире, данное исследование является особенно актуальным и востребованным. В ходе работы были использованы отечественные и зарубежные источники, а также задействованы различные методы исследования. В частности, особую важность представляют ответы, данные респондентами–спортсменками в социологических опросах. В результате были выявлены специфические аспекты, присущие социально–психологической идентификации профессиональных спортсменок в обществе.

Ключевые слова: спорт, профессиональный спорт, маскулинность, социум, женские виды сорта, отношение общества.

Для цитирования: Джонс М. М., Симонова М. М. Анализ исследований социально–психологических аспектов современного женского спорта // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 119–125. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–119–125

Статья поступила в редакцию: 12.05.2021.
Статья принята к публикации: 12.06.2021.

Analysis of studies of socio-psychological aspects of modern women's sport

Maksim M. JONES, lpadnew24062012@gmail.com
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Margarita M. SIMONOVA, Cand. Sc. (Sociology), Associate Prof., m7230486@yandex.ru
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article analyzes the social and psychological factors affecting women who are professional athletes. The answers to the fundamental questions characterizing their current position in society, as well as their own feelings from being in this role are given. Due to the tendencies towards an increase in the number of professional athletes in Russia and in the world, this study is especially relevant and in demand. In the course of the work, domestic and foreign sources as well as various research methods were used. In particular, the answers given by respondents–athletes in sociological surveys are of particular importance. As a result, the specific aspects inherent in the socio–psychological identification of professional athletes in society were identified.

Keywords: sports, professional sports, masculinity, society, female species of the variety

For citation: Jones M. M. & Simonova M. M. (2021). Analysis of studies of socio–psychological aspects of modern women's sport. Service plus, 15 (3), 119–125. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–119–125

Submitted: 2021/05/12.

Accepted: 2021/06/12.

Введение. Спорт является уникальным явлением в жизни общества и одним из важнейших аспектов гармоничного развития человека, его физических и личностных качеств. В последнее время спорт приобретает особое значение для социума, и его развитие происходит крайне стремительно. И неудивительно, что желание женщин заниматься спортом также значительно возрастает. Более того, именно на этом этапе многие представительницы женского пола начинают заниматься видами спорта, которые изначально считались мужскими. Это явление вызвало значительный интерес в научном сообществе с точки зрения изучения физических возможностей женского организма при выполнении различных упражнений и нагрузок.

Анализ исследований проблемы. В связи с этим особую актуальность приобретают и социально–психологические факторы женского спорта, которые влияют на качество жизни спортсменок. Ниже представлены несколько основных вопросов данной темы:

1. Каким образом соотносятся в общественном понимании спортивная деятельность и женственность в контексте занятия женщинами «мужскими» видами спорта?
2. Можно ли совместить спортивный режим с выполнением женских социальных ролей (матери, жены, подруги, дочери, сестры)?
3. Является ли спорт причиной появления маскулинности у женщин?
4. Каким образом спортивная деятельность отражается на психическом и эмоциональном развитии женщины?

С самого начала становления спорта женщины не рассматривались как потенциальные кандидаты на участие в данном виде деятельности. Первые Олимпийские игры, состоявшиеся в 1896 году, прошли без участия в них женщин. Согласно представлениям того времени, сама идея их участия в спортивных соревнованиях была абсурдна. В 1900 году, во время проведения вторых летних Олимпийских игр, представления общественности изменились и, помимо 1 319 мужчин, в данном соревновании приняли участие 11 женщин, однако их участие ограничивалось лишь такими дисциплинами, как гольф и теннис. Постепенно, на каждой последующей проведенной олимпиаде количество женщин–участниц увеличивается, однако оно существенно уступает мужчинам. Ситуация меняется на Олимпийских играх 2004 года в Греции, в которых участие прини–

мало чуть более 40% женщин [10]. И на последней проведенной на данный момент олимпиаде зафиксировано самое большое количество участниц — 45% от общего числа спортсменов [1]. С течением времени взгляды общества на возможность участия представителей женского пола в спортивных соревнованиях изменились. Наблюдается тенденция к расширению возможностей для их участия в спортивных мероприятиях различного масштаба. При этом до сих пор женщины–спортсменки испытывают некоторые социальные и психологические трудности при взаимодействии в обществе [2; 9].

Стоит отметить, что образ жизни спортсменок существенно отличается от образа жизни обычных граждан. Абсолютное большинство из них постоянно посещают тренировочные сборы для поддержания конкурентоспособности. В связи с этим они на достаточно большой промежуток времени остаются вдали от своей семьи, своих детей. Это существенно влияет на психическое и эмоциональное состояние женщины [5].

В сочетании с современными тенденциями к «омоложению» спорта у девочек–спортсменок с раннего возраста спортивная деятельность становится превалирующей. Происходит формирование изначально мужских качеств, таких как: воля к победе, азарт, лидерство. Также актуальным является вопрос касательно приобретения маскулинности у девушек и женщин в связи с занятиями спортом. Мнения учёных расходятся и в этом аспекте.

Таким образом, анализ психических и эмоциональных особенностей женщин–спортсменок, а также влияние женского спорта на коммуникацию с внешним миром представляется особенно актуальным.

Каким же образом соотносятся в общественном понимании спортивная деятельность и женственность в контексте занятия женщинами «мужскими» видами спорта? Рассмотрим подробнее соотношение женственности и спорта. В контексте женских видов спорта нет никаких противоречий — они не противоречат проявлению женской природы спортсменок. Иначе ситуация обстоит с видами спорта, считающимися изначально мужскими. Есть мнение относительно того, что женщины, которые занимаются данными видами спорта, воспринимаются социумом не как обычные женщины, а как сильные и волевые индивиды с мужеподобным характером. Было проведено исследование, в ходе которого была отобрана фокус–группа, состоящая из 40 спортсменок от 17 до 23 лет. Их стаж занятий спортом от 5 до 16 лет, а разряд не менее 1–го взрослого. Респондентов попросили ответить на несколько вопросов [6, 140]:

1. Имя, которым респондента называют в спортивной жизни или за её пределами.
2. Нормы и правила, принятые в жизни спортсменок.
3. Идеалы, воспринимаемые женщинами–спортсменками.

Анализ результатов показывает, что респондентов чаще всего называют в соответствии с людьми или объектами, которые ассоциируются с силой и мощью, иногда это клички мужского рода («Сенсей», «Машина», «Мастер»), реже это мужские имена, образованные от фамилий («Захар»). Часть респондентов прозвищ не имеет, либо их прозвища были феминно окрашены («Роза», «Котик»).

Особый интерес здесь представляют нормы, принятые в семье. Нередки случаи, когда родители не поддерживают своих дочерей в их выборе по поводу вида спорта («Мои родители не поддерживают мои занятия спортом»). Особенно, если речь идет об условно мужских видах спорта («Мама немного против, говорит — это не женский спорт. Но папа сам мастер спорта, тренер по плаванию, поддерживает»). Спортсменки вынуждены встать перед выбором: либо послушаться родителей и прекратить занятие любимым видом спорта, либо пойти против их неодобрения и отстаивать свою позицию в этом вопросе. В данном аспекте свою определённую специфику имеет мусульманская культура. По их обычаю, женщина должна быть покладистой и слабой, ни в коем случае не перечить мужу и не иметь волевого характера. В этих странах женщины, занимающиеся мужскими видами спорта, особенно порицаются [7]. Есть даже случаи полного отречения семьи и окружения от спортсменки. Ритуалы в большинстве случаев нельзя дифференцировать на мужские и женские, в данном случае они имеют нейтральный характер. Но есть и ритуалы, которые являются выраженно маскулинными [8, 19]. Например, примета «не стирать форму перед стартом, вместе с потом уходит сила» относится к мужским ритуалам. Женщинам, как правило, свойственна опрятность, чистый и ухоженный внешний вид.

Большинство спортсменок считают своим примером для подражания или идеалом тренера, стар–

ших товарищей либо великих спортсменов. Причём этот выбор основывается не только на спортивной деятельности, но и на состоятельности в личной жизни и человеческих качествах: сила воли, преодоления [6]. Были и есть те спортсмены, у кого нет идеалов.

На основании данного опроса можно сделать выводы о идентификации спортсменок мужских видов спорта в социальной среде. Спортсменки «мужских» видов спорта достаточно часто теряют свою женственность в глазах общества. Об этом могут свидетельствовать клички женщин, приведённые выше. Часто они остаются без поддержки и интереса к своим спортивным достижениям со стороны близких людей. Более того, сами девушки часто выбирают объектом своего подражания людей мужественных, целеустремлённых и сильных, что отражается на стремлении в обладании этими качествами как в спорте, так и в повседневной жизни.

Представим результаты ещё одного опроса спортсменок «мужских» видов спорта [6]. В данном опросе представлены различные высказывания по поводу гендерных трудностей, которые испытывают спортсменки. Условно все они разделены на три большие категории: отношение к телу и внешности в целом, отношение к собственным психологическим (маскулинным) характеристикам и поведенческие трудности [10].

Отметим, что среди трудностей, которые испытывают спортсмены, наиболее распространены «негативное отношение к своему телу», «трудности в романтических отношениях, чувство одиночества», «чувство силового превосходства» и те, которые беспокоят относительно небольшое количество спортсменок («беспокойство по поводу реакции окружающих», «несоответствие внешнего и внутреннего образа», «неумение выполнять женские домашние дела»). Проанализируем более подробно некоторые ответы респондентов.

Отношение к телу и внешнему виду в целом. В этом случае отношение спортсменов к собственной внешности очень противоречивое. С одной стороны, они гордятся своим телом и мышцами, потому что это является результатом напряжённой работы и тяжёлых тренировок, работа над собой. Они стремятся иметь хорошее, сильное тело. С другой же стороны, их тело не кажется им самим женственным и красивым. Это проявляется в сложности с выбором одежды. Многие хотят сменить привычный спортивный стиль одежды на что–то более женственное, но они не уверены в себе и им не нравится, как новая одежда смотрится на них. В результате, они остаются в привычной спортивной одежде, так и продолжая жить этим противоречием.

Отношение к собственным психологическим (маскулинным) характеристикам. Многие спортсменки отмечают, что бывают гораздо сильнее физически и психологически, чем мужчины. У молодых людей скорее возникает желание побороться с такими девушками и померяться силами, нежели построить романтические отношения. Это вызывает дискомфорт у представительниц прекрасного пола. Также занятия мужскими видами спорта формируют жёсткий характер, который остаётся с девушками за пределами спорта. Они часто отмечают у себя грубость в высказываниях и резкость в движениях. Помимо этого, создаётся противоречие между внутренним и внешним обликом девушки. Некоторые респонденты признались, что внутренне они чувствуют себя слабыми и беззащитными, но их окружение, оценивая их по внешности, считают их сильными и волевыми, и ведут себя с ними соответствующе. Всё это указывает на то, что у девушек появляется некоторая маскулинность, в основе которой лежит гипертрофированное усвоение ими спортивных ценностей и соответствие им вне спорта.

Поведенческие трудности. Респонденты отмечают, что им бывает сложно найти спутника жизни, который смог бы принять их график и стиль жизни. Иногда девушки просто не знают, как себя вести с понравившимся молодым человеком. Построение романтических отношений затруднено. Также спортсменки опять вынуждены противостоять уговорам бросить «мужской» спорт, что вызывает ещё больший дискомфорт. Некоторые беспокоятся о том, что не умеют выполнять домашние «женские» дела. Всё это лишний раз подтверждает, что существуют ролевые конфликты.

Таким образом, проанализировав результаты двух вышеприведённых опросов, можно сделать вывод о том, что девушки, занимающиеся «мужскими» видами спорта, на сегодняшний день испытывают некоторые трудности со своей гендерной идентификацией. Со стороны общества они слышат в свой адрес уговоры бросить спортивную деятельность или же найти более женственный вид спорта. Они сталкиваются с неодобрением близких людей и пробле–

мами в построении отношений с молодыми людьми. Более того, конфликт происходит и у них внутри. Многим спортсменкам не нравится их внешний вид и мускулистая фигура, они не ощущают своей женственности, хотя очень этого хотят. Даже в случаях, когда такие спортсменки бывают чувствительны и слабы, в глазах общества они остаются сильными и мужественными людьми. В общественном понимании и в понимании самих девушек мужские виды спорта и женственность, на данный момент, сочетаются очень плохо [10].

Является ли спорт причиной маскулинности у женщин?

Особую роль в жизни девушек-спортсменок играет их внешний вид. Каждой из них хочется выглядеть красиво и женственно. По этому поводу существует много противоречивых мнений. Некоторые авторы считают, что участие женщин в мужских видах спорта оказывает серьезное влияние на маскулинизацию спортсменок [1; 6]. Другие учёные это предположение опровергают [7]. Если рассматривать представительниц прекрасного пола, занимающихся исключительно женскими видами спорта, то можно уверенно заявить, что их внешний вид достаточно нежен, мягок и изящен, ведь факторов, которые прививают им в процессе деятельности «мужские» качества, либо нет, либо они минимальны.

Острее данный вопрос стоит в контексте женщин, которые занимаются видами спорта, изначально предназначенными для мужчин. В связи с этим было проведено исследование Т. Ю. Маскаевой и Г. Н. Германовым [3]. Они сформировали 4 группы из 109 профессиональных спортсменок. В первую группу вошли координационные виды спорта, такие как: синхронное плавание, спортивная акробатика, фигурное катание — в эту группу вошли 42 спортсмена. В следующую группу вошли скоростно-силовые виды спорта: сноуборд и шорт-трек — в нее вошли 16 спортсменов. Третью группу составили силовые и боевые искусства: дзюдо, тхэквондо и тяжелая атлетика — в эту группу вошли 27 девушек. В четвертую группу вошли спортсменки, занимающиеся видами спорта на выносливость, такими как плавание, бег на средние и длинные дистанции — в эту группу вошли 24 спортсменки.

Исследование проводилось на предмет явных признаков маскулинности. Само понятие маскулинности представляет собой набор поведенческих, социальных и внешних качеств, позволяющих нам идентифицировать человека как мужчину. Маскулинность представляет собой прежде всего внешнюю составляющую, а не внутренний мир и характер человека. Результаты исследования были вполне ожидаемы. В той или иной степени маскулинность присутствовала практически у всех девушек, и это вполне объяснимо и нормально, ведь любой вид спорта формирует сильный характер и упорство, волю к победе и стойкость. Также любой вид спорта (кроме интеллектуальных видов) существенно влияет на внешний вид девушки. Тело становится крепче, выносливее, и приобретает некоторые мышцы. Но степень выраженности маскулинности у каждой группы разная.

Преобладание ментально выраженных признаков мужественности (агрессия, гнев) наблюдалось в основном у спортсменок силовых и боевых искусств. В аналогичном исследовании, проведенном А. С. Дамадаевой и Ш. К. Шаховой, полученные результаты согласуются между собой с вышеприведёнными [3;9].

Опираясь на вышепредставленные исследования, можно утверждать, что все профессиональные спортсменки в определённой степени мускулинны. Это связано со спецификой спортивной деятельности. Однако каждая группа видов спорта имеет свои определённые особенности в рамках двигательной активности и характера нагрузок, что, безусловно, сказывается на маскулинности. Именно поэтому результаты исследования демонстрируют, что у спортсменок, которые занимаются единоборствами, предполагающими волевую борьбу, чрезмерно повышенный адреналин и применение большого количества силы, маскулинность гораздо более выражена, нежели в гимнастике, предполагающей грациозность, плавность и мягкость.

Можно ли совместить спортивный режим с выполнением женских социальных ролей (матери, жены, подруги, дочери, сестры)?

Профессиональное занятие спортом предполагает корректировку своего привычного образа жизни с учётом определённого графика активности, отдыха и восстановления. Причём образ жизни обычного человека существенно отличается от образа жизни профессионального спортсмена.

Во-первых, для поддержания конкурентоспособности в своей сфере женщины вынуждены выезжать на тренировочные сборы, а значит определённую

часть времени они будут находиться вдали от своего круга общения, в том числе и вдали от своих детей, мужа, родственников.

Во-вторых, определённую роль играет распорядок дня. Если у спортсменки имеется малолетний ребёнок, то её план тренировок придётся корректировать с учётом необходимости ухода за ним и кормления.

В-третьих, в жизни профессиональной спортсменки полностью отсутствуют «слабости» повседневной жизни. В нынешнем обществе, особенно среди молодёжи, принято с разной частотой употреблять спиртные напитки, питаться фаст-фудом, тратить время на фильмы и сериалы, гулять по ночам. Профессиональные спортсменки лишены всего этого даже в минимальном количестве. Соответственно, затруднён и поиск подруг, друзей, новых знакомых. Даже на старых знакомых отведённого времени порой не хватает.

В-четвёртых, нередко возникают и конфликты между мамой и её дочерью-спортсменкой, которая не помогает вести домашний быт, ввиду чрезмерной усталости на тренировках.

Все эти факторы негативно влияют на выполнение спортсменкой женских социальных ролей. Спорт и обыденная жизнь — основные составляющие жизни для девушки спортсменки. В связи с этим необходимо комфортное сочетание и взаимодействие этих двух элементов, что не всегда достижимо. В абсолютном большинстве случаев девушки вынуждены либо приспосабливаться и чувствовать дискомфорт, либо жертвовать одной из этих составляющих.

Каким образом спортивная деятельность отражается на психическом и эмоциональном развитии женщины?

Также нельзя не упомянуть ещё об одном достаточно важном аспекте женского спорта, а именно — психическое и эмоциональное его влияние на представительниц прекрасного пола. Большинство спортсменок отмечают положительное влияние спорта на формировании психики и характера. Ниже представлены результаты опроса, проведённого Т. Ю. Маскаевой и Г. Н. Германовым [4].

Женщин-спортсменок опрашивали на предмет того, каким образом специфика их вида спорта влияет на черты их характера, такие как: агрессивность, жестокость, целеустремлённость, дисциплинированность, стремление к лидерству. Группы респондентов сохранились (42 спортсменки координационных видов спорта, 16 спортсменок скоростно-силовых видов спорта, 27 спортсменок силовых видов и единоборств, 24 спортсменки видов спорта на выносливость) [4].

Анализируя результаты исследования, можно сказать, что спортсменки всех групп приобрели достаточное количество положительных качеств благодаря спорту, таких как: целеустремлённость, собранность, стремление к лидерству, дисциплинированность. Этот факт, безусловно, подтверждает положительное влияние спорта на формирование личности девушек.

С другой же стороны, представительницы видов спорта, где происходит соперничество в достаточно тесном контакте (скоростно-силовые, силовые виды спорта и единоборства) отметили появление в своём характере таких качеств, как агрессивность и грубость, что может быть обусловлено необходимостью контактного подавления своего противника как морально, так и психически, а также необходимостью умения подавлять подобные нападки в свою сторону. Жестокость в своём характере отметили только респонденты, занимающиеся силовыми видами спорта и единоборствами, более вероятно, подобная черта относится именно к специфике единоборств, в которых важна так называемая «победа любой ценой». Также сами единоборства можно отнести к жестоким видам спорта, целью которых исторически является нанесение повреждений противнику.

Заключение. Женский спорт имеет свои собственные особенности и во многом на деятельность спортсменок влияют социально-психологические факторы. Все представленные опросы подтверждают, что женщины, занимающиеся спортом, сталкиваются с проблемами принятия себя и сравнения с негласными нормами, принятыми в обществе. Кроме того, активное занятие спортом осложняет процесс принятия некоторых социальных ролей, как из-за нехватки времени, так и из-за личностных факторов. Не стоит забывать и про медицинские исследования, которые подтверждают, что профессиональный спорт может стать причиной ухудшения здоровья женщины и снижения ее репродуктивной функции. Однако все это не способно остановить спортсменок, но является особенностями, которые стоит учитывать при развитии женского спорта.

Список источников:

1. Впервые в истории Олимпиады участвует рекордное количество женщин // WoMo 2021 URL: https: // womo.ua/vpervyie-v-istorii-olimpiadyi-uchastvuet-rekordnoe-kolichestvo-zhenshhin/ (Дата обращения: 01.02.2021).
2. Грец И. А. Влияние профессиональной спортивной деятельности на здоровье и биосоциальные особенности женщин // Учёные записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2010. — № 3 (61). — С. 45–47.
3. Дамадаева А. С. Влияние занятий спортом на гендерные характеристики личности женщин // Учёные записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2010. — № 3 (61). — С. 45–47.
4. Маскаева Т. Ю., Германов Г. Н. Гендерные, психические и поведенческие особенности женщин и их проявление как результат занятий различными видами спорта // Научно-теоретический журнал «Ученые записки». — 2014. — № 12 (118). — С. 393–403.
5. Родоманова С. С. Исследование гендерных отношений в спорте (на примере спорта высших достижений) // Учёные записки ун-та им П.Ф. Лесгафта. — СПб., 2007. — № 9 (31). — С. 39–47.
6. Усольцева А. А. «Особенности становления гендерной идентичности спортсменок условно мужских видов спорта». Дис. канд. психол. наук. — Москва, 2015. — С. 140–142.
7. Хаттаб Худа. «Справочник мусульманской женщины» URL: https://litresp.ru/chitat/ru/X/hattab-huda/spravochnik-musuljmanskoj-zhenschini (Дата обращения: 01.02.2021).
8. Цикунова Н. С. Гендерные характеристики личности спортсменов в маскулинных и фемининных видах спорта : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 13.00.04 / Цикунова Наталья Сергеевна. — СПб., 2003. — С. 19.
9. Шахов Ш. К. Спорт как фактор формирования психологического пола личности // Вестник спортивной науки. — 2011. — № 6. — С. 16–18.
10. «PLANET WORK Women in sports: How level is the playing field?» World of Work Magazine No. 56, April 2006 URL: https: // www.ilo.org/global/publications/world-of-work-magazine/articles/WCMS_081377/lang--en/index.htm. (Дата обращения: 01.02.2021).

References

1. Vpervye v istorii Olimpiady uchastvuet rekordnoe kolichestvo zhenshhin [For the first time in the history of the Olympics, a record number of women participate]. WoMo 2021 URL: https://womo.ua/vpervyie-v-istorii-olimpiadyi-uchastvuet-rekordnoe-kolichestvo-zhenshhin/ (In Russ.).
2. Grec I. A. (2010). The influence of professional sports activity on the health and biosocial characteristics of women. Uchjonye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta. [Scientific notes of the P. F. Lesgaft], 3(61), 45–47. (In Russ.).
3. Damadaeva A.S. (2010). The influence of sports on the gender characteristics of the personality of women. Uchjonye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta. [Scientific notes of the P. F. Lesgaft], 3 (61), 45–47. (In Russ.).
4. Maskaeva T. Ju. & Germanov G. N. (2014). Gender, mental and behavioral characteristics of women and their manifestation as a result of practicing various sports. Nauchno-teoreticheskij zhurnal «Uchenye zapiski» [Scientific-theoretical journal «Scientific notes»], 12 (118), 393–403. (In Russ.).
5. Rodomanova S. S. (2007). Study of gender relations in sports (on the example of high-performance sports). Uchjonye zapiski un-ta im P. F. Lesgafta. [Scientific notes of the University named after P. F. Lesgaft], 9 (31), 39–47. (In Russ.).
6. Usol'ceva A. A. (2015). Osobennosti stanovlenija gendernoj identichnosti sportsmenok uslovno muzhskih vidov sporta [Features of the formation of gender identity among female athletes in conventionally male sports]: Candidate of Psychology's thesis. Moscow. (In Russ.).
7. Hattab Huda (2014). Spravochnik musul'manskoj zhenshhiny» [Handbook of Muslim Women]. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/H/hattab-huda/spravochnik-musuljmanskoj-zhenschini (In Russ.).
8. Cikunova N. S. (2003). Gendernye harakteristiki lichnosti sportsmenov v maskulinnyh i femininnyh vidah sporta. [Gender characteristics of the personality of athletes in masculine and feminine sports]: Candidate of Psychology's thesis. St. Petersburg. (In Russ.).
9. Shahov Sh. K. (2011). Sport as a factor in the formation of the psychological sex of the personality. Vestnik sportivnoj nauki. [Bulletin of sports science], 6. 16–18. (In Russ.).
10. PLANET WORK Women in sports: How level is the playing field? World of Work Magazine, 56, April 2006. URL: https://www.ilo.org/global/publications/world-of-work-magazine/articles/WCMS_081377/lang--en/index.htm

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ/ CULTURE & CIVILIZATION

УДК 130.31
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-126-141

Критика чистой предметности

КОРТУНОВ Вадим Вадимович, Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва, Российская Федерация; доктор философских наук, профессор, директор Центра гуманитарных исследований, kortunov@bk.ru

Аннотация. Прежде всего, следует провести грань между естественным желанием человека обустроить свое телесно–предметное бытие и восприятием денег в качестве фундаментальной жизненной ориентации. Именно последнее является предметом настоящего исследования и представляет собой патологическое состояние духа. Философски, как уже было сказано, эта грань проводится в форме противопоставления двух качественно различных состояний духа: духа целостного, в котором денежная интенция является элементом мировоззрения среди бесконечного множества прочих, и духа дезинтегрированного, в котором денежная интенция занимает ~~центральное положение и, вследствие этого, экстраполируется на все мировоззрение в целом. Практически~~ это разграничение реализуется в двух противоположных ориентациях человека: продуктивной ориентации на творчество, любовь, жизнь–для–всех и репродуктивной ориентации на карьеризм, накопительство, паразитизм, жизнь–для–себя.

Следует отметить, что формирование жизненных ориентаций, мировоззрения, есть процесс двусторонний, впрочем, как и все духовные и социальные процессы. С одной стороны, мировосприятие человека формируется под воздействием социальных факторов, условий, находящихся за пределом его «Я», с другой стороны, сама экзистенция человека, его индивидуально–психологические, субъективные особенности являются немаловажной причиной развития его ценностных ориентиров, его «Я».

В тот момент, когда внутренний мир личности перестает быть самодостаточным для самого себя и теряет возможность получения внешних стимулов к саморазвитию, наступает вполне естественный психологический кризис. Осознание границ своего «Я», своего духовного предела и одновременно осознание избыточности внешнего мира, который оказывается не в состоянии творчески преобразиться (а тем более — реализоваться) в моей самости, вынуждает личность к поиску дополнительных средств для оправдания своего существования.

В конечном итоге, кризис самодостаточности проистекает из осознания проблемы самого существования, то есть в тот момент, когда для человека сам факт его существования становится проблемой. Эта проблема возникает из интуитивного или осознанного противопоставления «Я» и «не–Я», необходимости единения, приобщенности к внешнему миру, преодоления собственной изолированности и бессилия. Однако преодоление замкнутости своей экзистенции по отношению к внешнему миру возможно лишь посредством творческой реализации меня в мире и мира во мне, что требует от человека значительных волевых, умственных, эмоциональ–

ных и духовных затрат. Если же способность к творческой реализации меня в мире и мира во мне отсутствует, и личность не в состоянии ее развить, возможен глубокий кризис существования. Нежелание мириться с собственной замкнутостью и бессилием, с одной стороны, и неспособность к духовному совершенствованию — с другой, вынуждает человека искать выходы из этой тупиковой ситуации. В идеале, наиболее адекватным выходом из нее должно служить естественное стремление человека к развитию собственных продуктивных ориентаций, борьба за себя и мир на уровне духа. В противном случае личность встает на путь псевдорешений, обрекая себя на неизбежную деградацию. Эта деградация может протекать в формах алкоголизма и наркомании, она может закончиться суицидом, или же, что вполне сопоставимо, она может принять форму стимуляции монетаристской психологии. Субъективное наделение денег духовными функциями и приписывание им мифических атрибутов является следствием болезненного состояния духа, глубокого психологического кризиса.

Ключевые слова: деньги, монетаризм, духовность, капитал, накопление, богатство, нищета, бедность.

Для цитирования: Кортунов В. В. Критика чистой предметности // Сервис Plus.-021. -Т. 15. - № 3. - С. 126–141. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–126–141

Статья поступила в редакцию: 02.05.2021.
Статья принята к публикации: 03.06.2021.

Critique of pure «it»

Vadim V. KORTUNOV, Dr. Sc. (Philosophy), Prof., kortunov@bk.ru
Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Abstract. Firstly, it is necessary to draw a line between the natural desire of a person to equip his bodily–objective existence and the perception of money as a fundamental life orientation. The latter is the subject of this study and represents a pathological state of spirit. Philosophically, as mentioned above, this line is drawn in the form of contrasting two qualitatively different states of the spirit. There is the integral spirit, in which the monetary intention is an element of the worldview among an infinite number of others, and the disintegrated spirit, in which the monetary intention occupies a central position and, consequently, is extrapolated to the whole worldview as a whole. In practice, this distinction is realized in two opposite orientations of a person: a productive orientation to creativity, love, life–for–all and a reproductive orientation to careerism, hoarding, and parasitism, life–for–oneself. It should be noted that the formation of life orientations, worldview, is a two–way process, however, like all spiritual and social processes. On the one hand, a person's worldview is formed under the influence of social factors, conditions that are beyond his «ego», on the other hand, the very existence of a person, his individual psychological, subjective characteristics are an important reason for the development of his value orientations, his «ego». At the moment when the inner world of a person ceases to be self–sufficient for himself and loses the possibility of receiving external stimuli for self–development, a completely natural psychological crisis occurs. Awareness of the boundaries of his «ego», his spiritual limit, and, at the same time, awareness of the redundancy of the external world, which is unable to creatively transform (and even more so — to be realized) in his «himself», forces the personality to search for additional means to justify his existence.

Ultimately, the crisis of self–sufficiency stems from the awareness of the problem of existence itself, that is, at that moment when the very fact of its existence becomes a problem for a person. This problem arises from the intuitive or conscious opposition of «I» and «not–I», the need for unity, communion with the outside world, overcoming one's

own isolation and powerlessness. However, overcoming the isolation of one's existence in relation to the outside world is possible only through the creative realization of me in the world and the world in me, which requires significant volitional, mental, emotional and spiritual costs from a person. If the ability to realize creatively himself in the world and the world in him is absent, and the personality is not able to develop it, a deep crisis of existence is possible. The unwillingness to put up with one's own isolation and powerlessness, on the one hand, and the inability to spiritual improvement, on the other, forces a person to look for ways out of this impasse. Ideally, the most adequate way out of it should be the natural desire of a person to develop his own productive orientations, the struggle for himself and the world at the level of the spirit. Otherwise, the person takes the path of pseudo–solutions, condemning himself to inevitable degradation. This degradation can occur in the forms of alcoholism and drug addiction, it can end in suicide, or, quite comparably, it can take the form of stimulation of monetarist psychology. The subjective endowment of money with spiritual functions and the attribution of mythical attributes to them is a consequence of a painful state of mind, a deep psychological crisis.

Keywords: money, monetarism, spirituality, capital, accumulation, wealth, poverty, poverty

For citation: Kortunov V. V. (2021). Critique of pure «it». Service plus, 15 (3), 126–141. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–126–141 (In Russ.).

Submitted: 2021/05/02.

Accepted: 2021/06/03.

Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.
Мф. 6: 21

Золото! Металл
Сверкающий, красивый, драгоценный...
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать всё чернейшее — белейшим,
Всё гнусное — прекрасным, всякий грех –
Правдивостью, всё низкое — высоким. < ..>
Да, этот плут сверкающий начнёт
И связывать, и расторгать обеты,
Благословлять проклятое, людей
Ниц повергать пред застарелой язвой,
Разбойников почетом окружать,
Отличьями, коленопреклоненьем,
Сажая их высоко, на скамьи
Сенаторов.
Шекспир. «Жизнь Тимона Афинского»

«Всё куплю!», — сказало злато…
А.С. Пушкин

1. Деньги как возможность

Для человека, который не ставит своей целью выход за пределы предметно–эмпирического бытия, возможность денежных ресурсов бесконечна. Сила возможностей денег ограничивается лишь реальной суммой. Чем больше денег, тем больше возможностей; если денежный потенциал не ограничен, следовательно, не ограничены и возможности его обладателя. Еще раз оговоримся, что мы ни в коем случае не умаляем возможностей денег и их значения в экономике страны и повседневной жизни человека. Утверждать, что деньги — абсолютное зло, не приносящее ничего полезного в быт человека, неспособное обеспечить ему достойное существование, было бы верхом ханжества. В нашем случае речь идет об ином: о распространённом в современном мире мифе, согласно которому деньги являются абсолютным эквивалентом возможностей человека, о некорректном смешении возможностей денег и возможностей личности.

Смешение и даже полное неразличение духовных возможностей человека и возможностей, которые ему приносит денежный капитал, вырастает из хаотичного бессилия современного мировоззрения, не способного отграничить духовное от предметного, культуру от цивилизации, «товарное» от собственно человеческого. Как можно заметить, эта мешанина из духа и плоти не имеет ничего общего с органическим, «диалектическим» единством идеи и материи: на сегодняшний момент именно дух растворился в предметности, а человек — в цивилизации. Иными словами, отождествление духа и плоти реализовалось в пользу плоти.

Отождествление собственной ценности с ценой накопленного капитала, возможностей моего «Я» с покупной возможностью денежных средств является следствием абсолютной формы экстраполяции де–

нежной интенции, суть которой была описана выше. Нетрудно заметить, что подобное отождествление с неизбежностью приводит к отчуждению человеческих качеств. Оценка себя, своих возможностей, оценка своего «Я» сообразно наличному капиталу порождает психологическую зависимость личности от материального благосостояния. «Я» — это то, сколько у меня есть. Страх перед банкротством, разорением приобретает иной смысл. Неплатежеспособность чревата не просто лишением накопленных благ, она угрожает полному разрушению, уничтожению «Я», моей самости, которая идентифицирована с моим капиталом.

Рассмотрение человека с точки зрения его платежеспособности привело к тому, что ценность человека стала определяться как его покупательная цена. Человек может столько, сколько он может купить. Следовательно, весь мир предстает перед человеком в качестве товара и оценивается с точки зрения его продажности. К сожалению, уподобление человека и мира схеме «покупатель–товар» стимулируется всей социальной надстройкой современного общества. Утверждение «он может всё» означает «он может всё купить». В свою очередь, утверждение «он может все купить» предполагает, что «всё способно быть купленным», т. е. все имеет свою покупательную цену. Рынок товаров и услуг захлёстывает духовный сектор, стремясь превратить человека с его внутренним миром в объект торговли. В этом смысле особая опасность коммерциализации и коррупции заключена в попытке наделения покупательной стоимостью духовных атрибутов человечества. Закон, мораль, искусство, общественное мнение, справедливость, жизнь — всё это может иметь форму товара при условии продажности конкретных индивидов.

Но поскольку духовные ценности не могут реально иметь цены и не способны быть куплены или проданы, мы не можем говорить о продавцах духовных ценностей, но можем говорить об их собственной способности продаваться. Конкретный человек не в состоянии продать закон, честь, родину или мораль, но в состоянии продать себя. Суть предательства отнюдь не в том, что кто–то продал близкого себе человека, продал веру или любовь, как считают многие. Человек не может торговать кем–то, чьими–то чувствами или эмоциями. Человек может торговать только собой, своими чувствами и своей верой, при условии, что все это стало товаром и, следовательно, потеряло свой изначальный, истинный, духовный смысл. И. Ильин замечает по этому поводу: «В основе всякой продажности — взятки, публичной коррупции, всяческой демагогии и международного корыстного предательства — лежит духовная слепота и отсутствие собственного духовного достоинства. Слепота родит неспособность к ценностной градации целей, а дефект духовного достоинства создает расшатанную волю, беспринципную готовность отдать духовное, объективное, общее за личный интерес и приобретение» [1, 163]. Человек может продать свой труд, свои услуги или же свою человечность (дух), но опять–таки при условии, что эта его «человечность» выродилась в товар. На уровне духа человек не продает, но продаётся.

Отношения по схеме «продавец–покупатель» могут существовать лишь в границах социальности. За пределами социальности подобные отношения невозможны. Продавец, пытающийся продать дух, сам становится товаром. Покупатель, стремящийся реализовать себя с помощью денег, отождествляется со своим капиталом, т. е. сам становится деньгами. Любые попытки перенести схему «продавец–покупатель» в область духовного сопряжены с отчуждением человечности и в реальной жизни всегда заканчиваются трагедией. Продающий себя, трансформируясь в товар, в конце концов, перестает ощущать себя человеком, духовным существом. Оценивающий себя пропорционально возможностям своего капитала также вынужден идентифицировать свое «Я» вне его самого. При этом сознание того и другого неминуемо замыкается в рамках извращенно понятого предметно–эмпирического бытия.

Во многом гипнотическая сила денег заключена в их возможности, а точнее, они имеют силу, когда акт их реализации присутствует лишь как возможный акт. Обладатель денежных средств всегда имеет выбор. Он стоит перед бесконечным выбором, перед бесконечным количеством возможностей, каждая из которых может стать реальной. Психологически, пока не наступит момент реализации, человек обладает безграничными потенциями, рамки которых могут быть определены лишь силой его воображения. Осознание денег в качестве силы возможностей, с одной стороны, и интуитивное понимание того, что всякая возможность по мере своей реализации самоуничтожается — с другой, нередко приводят человека к стремлению вовсе избежать процесса реализации

этих возможности. Возникает тупиковая ситуация, которую можно назвать синдромом накопления: деньги из средства превращаются в самоцель. И в данном случае для человека не столь важна их потенциальная реализация, сколь сам факт обладания ими. Возникает занимательный психологический парадокс: «я коплю, чтобы стать сильным, благодаря возможности реализовать капитал» и, вместе с тем, «я не могу допустить возможность реализации капитала, чтобы не стать слабым». Парадокс «комплекса накопительства» в свое время не прошел мимо наблюдений К. Маркса. В одной из своих работ он писал: «...Собиратель сокровищ выступает мучеником меновой стоимости, благочестивым аскетом на вершине металлического столба. Он имеет дело только с богатством в его общественной форме и поэтому прячет его от общества. Он жаждет товара в его постоянно пригодной для обращения форме и поэтому извлекает его из обращения. Он мечтает о меновой стоимости и поэтому не обменивает. Текучая форма богатства и его окаменелая форма, жизненный эликсир и философский камень, как в алхимии, яростно сталкиваются друг с другом. В своей воображаемой безграничной жажде наслаждений он отказывается от всякого наслаждения. Желая удовлетворять все общественные потребности, он едва удовлетворяет свои естественно-необходимые потребности. Сохраняя богатство в его металлической телесности, он превращает его в простой призрак» [2, 116].

Психологические парадоксы, возникающие вокруг денег и их влияние на отношения между людьми, влияние на формирование мировоззрения и стиля жизни составляют одну из центральных тем искусства. Из всей бесконечной массы художественных примеров, способных проиллюстрировать все сказанное выше, приведем лишь один, возможно, наиболее показательный. В «Скупом рыцаре» А. С. Пушкин создает несколько образов, которые, помимо всего прочего, интересны с точки зрения их отношения к деньгам. Речь идет о молодом рыцаре Альбере, Соломоне и престарелом бароне.

Для молодого Альбера деньги представляют собой не более чем способ предметно-эмпирического обустройства жизни. Жизнь Альбера наполнена высокими духовными ценностями, сообразно его представлениям о рыцарской этике. Однако для того, чтобы иметь возможность реализовывать себя, реализовывать свои моральные, волевые качества, Альбер нуждается в самом необходимом: в новом коне, в новом шлеме. Для него золото — средство для достойного поддержания жизни; золото должно служить жизни, а не жизнь золоту. Отсутствие денег унижает Альбера, поскольку без них он оказывается не в состоянии соответствовать своим идеалам. У него есть то, что не оценивается никакими деньгами, — честь, храбрость, сила духа. Но для того, чтобы реализовать свои лучшие душевные качества, для того, чтобы отстаивать свою честь на турнирах, он нуждается в новых доспехах и в новом мече. Для Альбера деньги — вынужденный элемент реальности, средство, которое может служить благородным целям.

Иное представление о деньгах у Соломона. Для него деньги являются всеобщим мерилом; всё возможно оценить в денежном эквиваленте. Соломон — торгаш, и деньги для него — профессия. Выражаясь современным языком, профессиональная денежная интенция экстраполировалась в сознании Соломона на всё его мировоззрение. Если для Альбера слово рыцаря превыше всего, поскольку имеет высокий духовный смысл, то для Соломона рыцарское слово не более чем предмет купли-продажи, «мягкая валюта», имеющая смысл лишь в качестве денежного эквивалента. Он преклоняется перед деньгами, одухотворяет их. Даже жизнь человека вполне может быть оценена в деньгах. Соломон доходит до того, что предлагает сыну отравить собственного отца ради скорейшего получения наследства.

И, наконец, главный персонаж произведения — барон. Характерно, что А. С. Пушкин даже не наделяет его каким-либо именем собственным. Барон безымянен, его сущность за пределами его самого. Для барона деньги не просто высшая ценность и всеобщий эквивалент; сам мир, человек, дух — лишь эквивалент денег, модус золота. Деньги для него есть бог, с которым барон себя полностью идентифицировал. «Что не подвластно мне?» — задаёт он себе риторический вопрос. Оказывается, сила возможностей денег неограниченна. Все становится товаром, граница между духовным и «тварным» полностью исчезает:

...И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей награды.
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползёт окровавленное злодейство,

И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
[3, 551–554].

Но самое удивительное заключается в том, что барон, ощущая безграничную власть и возможность денег, далёк от идеи реализовать эту власть и возможность. Отождествив себя со своим золотом, барону достаточно лишь осознавать свое могущество. Для него его богатство может существовать лишь как возможность, но ни в коем случае как осуществлённая реальность.

Мне всё послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья.

Альбер удивляется своему отцу, молодой рыцарь никак не может понять, зачем нужны деньги, если не для того, чтобы их тратить. Какой прок в бесцельном накопительстве? Золото должно служить человеку, а не человек золоту. В противном случае человек сам становится заложником своего капитала:

О! Мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им служит,
И как служит? как алжирский раб,
Как пёс цепной.

Барон действительно стал рабом своего золота, поскольку полностью отождествил себя с ним. Потеря богатства для барона — потеря всей жизни, потеря своих возможностей, потеря своего «Я». Барон цепляется за свои деньги, поскольку они давно стали его сущностью. Потерять золото для него означает потерять самого себя. В конце концов, реальная угроза разлучиться со своим богатством закономерно заканчивается смертью барона. Не стало золота — не стало человека. Как ни вспомнить строки из басни Крылова:

Скупой с ключом в руке
От голода издох на сундуке.

2. Деньги как ценность

В условиях, когда попытки развития индивидуальности не приносят желаемых результатов и субъективно оказываются бесперспективными, возникает потребность в доказательстве самоценности и самодостаточности через признание этого факта со стороны внешних авторитетов. В этой посылке уже содержится непреодолимое противоречие: кризис моего «Я» и моей самодостаточности должен быть преодолен путём признания моей полноценности за пределом моего «Я». Очевидно, что подобные попытки являются не более чем иллюзией, поскольку отчётливо свидетельствуют о признании обратного — недостаточности и зависимости моего «Я» от внешних факторов.

Ощущение исчерпанности духовных ресурсов порождает скрытый комплекс неполноценности. Личность не хочет мириться с признанием своей бесполезности и потому, вместо того, чтобы наращивать свой духовный потенциал, стремится оправдать свою экзистенцию своими же собственными силами, она ищет своё оправдание со стороны общественного авторитета. Именно общественный авторитет должен доказать мне мою полноценность.

По мнению И. Ильина, «человек, уважающий себя лишь потому и лишь постольку, поскольку его уважают другие, — в сущности говоря, не уважает себя: его духовное самочувствие зависит от чужих вторичных впечатлений, т. е. от чужой неосведомлённости и некомпетентности; на самом же деле его снедает чувство собственной малоценности, тщеславие и жажда внешнего успеха; и если этот успех и популярность изменяют ему, то он перестаёт чувствовать свое духовное достоинство, и личность его утрачивает свою форму. Подобно этому, человек, уважающий себя лишь за свои мнимые, или часто внешние, или же эмпирически-случайные свойства, — за то, что не составляет его духовного существа (за силу, за красоту, за богатство), — в сущности говоря, уважает не себя: его духовное самочувствие зависит от того, что, может быть, и принадлежит ему, но что не есть он сам...» [1, 160]. При такой психологической установке возможность заявить о себе реализуется на пути репродуктивного или деструктивного самовыражения. Масштабные деструктивные акции всегда получают широкий общественный резонанс и надолго остаются в хронике истории. Действия всем известных Герострата, Юровского, Джека-потрошителя обусловлены именно этим маниакальным стремлением к социальной значимости. Нам известны примеры множества современных политиков и государственных деятелей,

деятельность которых продиктована отнюдь не болью за отечество, но стремлением к самоутверждению. Иной путь к самоутверждению и попытке получения общественного признания (не требующий продуктивных действий) заключён в формировании экономической исключительности. Именно экономическая исключительность должна компенсировать отсутствие духовных ресурсов и создать имидж социально признанной ценности.

Если иметь в виду всё сказанное выше о деньгах как силе возможностей и о субъективном отождествлении возможностей денег с возможностями личности, психологические основания стремления к экономической исключительности становятся более ясными. Возможная экономическая исключительность переживается как исключительность вообще, а общественное признание покупной и меновой способности денег смешивается с продуктивной силой личности. Для обывателя зачастую не существует разницы между созиданием и покупкой. Внешне результат как бы неразличим: и в том и в ином случае мы наблюдаем факт приращения бытия, факт изменения, обогащения реальности. Какая разница, создать нечто новое или же купить это? Какая разница, что именно лежит в основе конструктивного формирования экзистенции: способность личности к созидательной, духовной деятельности или же обладание денежными средствами?

Ценности современного либерального общества способствуют смешению понятий продуктивности и репродуктивности, духовного обогащения и фетишизации духа. Наращивание капитала расценивается в качестве весьма полезного общественного шага, поскольку способствует расцвету экономики и процветанию страны[1]. Умение «сделать» деньги ассоциируется с недюжинными интеллектуальными способностями, силой воли, неординарностью личности. Изменить свое бытие, создать имидж благополучия, подчинить себе мир — привилегия сильных духом. Рефлексирование, созерцательный образ жизни — для слабых. В этом реализуется экстравертивная модель западного стиля мышления, неохотно признающего сосредоточение на самом себе и тягу к самосовершенствованию. Для экстраверта всегда легче и престижнее изменять вокруг себя мир, нежели менять самого себя.

Концентрация вокруг личности капитала и сопоставление ценности его «Я» с цифровым эквивалентом его благосостояния стимулируется всей системой демократических ценностей, в основе которой особое место занимает идея равенства. В частности, идея равенства понимается как обеспечение людей равными условиями для самосовершенствования, для достижения положения в обществе, материального благополучия. Перспектива равных условий импонирует сознанию обывателя: моя жизнь зависит только от меня, я сам делаю себя. Общественная же оценка значимости личности имеет форму материального поощрения: если общество воздает человеку должное, платит ему, следовательно, он имеет перед обществом определенные заслуги. Если человек беден, т. е. общество не считает себя обязанным поощрять человека, следовательно, его заслуги перед обществом равны нулю. Деньги, как форма экономического поощрения, превращаются в показатель общественной полезности индивида, его социальной ценности. Равенство и равные условия завоевания этой социальной ценности означают равную для всех возможность достижения социального неравенства.

Итак, психологическое уподобление ценности человека цене его благосостояния во многом определяется условиями и традициями социального бытия. Провозглашение равных для всех условий в достижении социального неравенства (экономической исключительности), с одной стороны, и принцип материального поощрения общественно полезных действий, с другой стороны, создали субъективную систему ценностей, в которой обладание капиталом превратилось в универсальный способ оценки «Я».

3. Деньги как идея

Одно из самых замечательных и труднообъяснимых свойств духа заключено в способности к идеализации и одухотворению объектов материального мира. Именно благодаря этому свойству духа граница между ним и материей, между «высоким» и «низким» становится прозрачной. Способность к всеобъемлющему одухотворению бытия раздвигает границы человеческого существования, наполняет жизнь высоким смыслом, дарует человеку подлинную сво-

[1] Мы не ставим своей целью опровергать этот тезис, поскольку данный вопрос имеет скорее экономический характер, нежели философский. Оговоримся лишь, что практика посткоммунистической России не доказывает прямой зависимости между благополучием страны и концентрацией частного капитала.

боду. Вне способности к одухотворению мир теряет смысловые контуры, превращаясь в нагромождение физических объектов, а человек деградирует до статуса «высшей ступени эволюции животного мира». Вне способности к одухотворению человеческая жизнь может быть понята только в качестве набора различного рода физиологических актов.

В этом плане деньги являются тем элементом реальности, одухотворение и идеализация которого связаны с особыми сложностями и противоречиями. Онтологически, деньги даже не могут быть объектом бытия; как объект они лишены всякой сущности. Навряд ли в мире вещей мы сможем найти нечто более символичное, номинальное, условное, чем деньги. Будь то кусок металла или крашеная бумажка, но деньги никогда не тождественны себе, они не есть нечто. Современные формы расчётов еще раз подтверждают эту мысль. С возникновением «электронных» денег, совершенствованием различных форм бухгалтерии деньги вообще потеряли какую-либо конкретность, превратившись как вещь в чистую условность. Человек или банк могут быть обладателями миллиардных сумм, не имея в наличии ни одной купюры. Практика кредитов, овердрафтов, дебетовых сальдо показывает, что деньги выразимы и в отрицательных величинах. В современном мире деньги сами становятся товаром и предметом спекуляции, теряя, казалось бы, единственное свое конкретное качество — быть постоянной величиной. Иными словами, деньги суть абсолютная идеальность в том смысле, что их смысл и сущность не зависят от формы их материального воплощения.

Купюра, банковский чек, монета, строчка в финансовой бухгалтерии — не есть деньги; все это условная предметная форма денег, принятая в социуме как некоторое допущение для удобства взаиморасчётов. Причём эта форма столь условна, что в качестве таковой могут использоваться объекты, весьма, казалось бы, далекие от экономической практики, как то галлоны с нефтью, недвижимость, водка, оружие или гашиш. Все это символы, знаки денег. Пытаться отыскать в них собственно деньги, сущность денег, идею денег — всё равно, что искать прекрасное или совершенное в художественных полотнах путём их химического анализа. Деньги есть идея о меновой, покупной характеристике предметно-эмпирического бытия.

Одна из основных ошибок советской власти в борьбе с монетаризмом заключалась в том, что денежные отношения были поняты исключительно как отношения экономические, зиждущиеся в общественном бытии человека. Эта ошибка объясняется, во-первых, самой принципиальной ориентацией марксистской идеологии на первичность общественного бытия по отношению к общественному сознанию. Но, во-вторых, что более существенно, марксистско-ленинская философия не увидела коренного различия между деньгами как вещью, предметом и деньгами как идеей, представлением. В итоге, действия по искусственной парализации денежной, финансовой системы и упразднению экономических стимулов не только не отодвинули идею денег на второй план, но, напротив, снабдили ее еще более утончёнными формами социального воплощения. Убеждённость в том, что сущность и смысл денег находятся в реальной денежной массе, привела к тому, что борьба с монетаризмом трансформировалась в борьбу с денежными купюрами. В то время как денежные потоки находились под жёстким контролем государства, советский народ научился прекрасно обходиться без наличности. Денежные отношения приобрели форму бартера, прямого обмена услугами; символичность и условность денег как «вещи» стали совершенно очевидными, когда стремление к накоплению капитала переродилось в стремление к накоплению «связей» и «привилегий». Телесно-предметное бытие, как и всюду, имело свою покупательную цену и могло быть представлено в виде товара; а отсутствие у основной массы населения денежного капитала лишь привело к изменению традиционных форм взаиморасчётов.

Вместе с тем, деньги, как ни что другое, способствуют «объективации» мира. Они всегда представляют некоторую предметность, причём эта предметность выступает в своём абсолютном выражении — в форме товара. Идея денег заключена в том, чтобы представить элементы предметно-эмпирического бытия с точки зрения их покупной (меновой) характеристики. Идея денег предпосылает бытию ряд условностей и допущений. Деньги абстрагируют мир: сквозь призму денег предметы бытия рассматриваются как бескачественные. Единственная характеристика предметов мира, которую признают деньги, определена как их меновая способность. Карл Маркс справедливо утверждает, что «так как по внешности денег нельзя

узнать, что именно превратилось в них, то в деньги превращается всё: как товары, так и не товары. Всё делается предметом купли–продажи. Обращение становится колоссальной общественной ретортой, в которую всё втягивается для того, чтобы выйти оттуда в виде денежного кристалла. Этой алхимии не могут противостоять даже мощи святых, не говоря уже о менее грубых res sacrosanctae, extra commercium hominum. Подобно тому, как в деньгах стираются все качественные различия товаров, они, в свою очередь, как радикальный уравнитель, стирают всякое различие» [6, 142–143]. Таким образом, идея денег заключена в том, чтобы свести всё разнообразие предметно–эмпирического бытия к меновой характеристике. Практически это становится возможным при наличии двух допущений: во–первых, бытие должно стать условным, лишённым своих реальных качеств, а во–вторых, предметам бытия должно быть приписано искусственное свойство — свойство меновости. Только при выполнении этих двух условий предметы эмпирического мира могут получить условный статус товара.

По сути дела в идее денег происходит подмена качественных характеристик бытия количественными. Представление мира как товара трансформирует бытие в условный набор эквивалентных величин. Может ли сборник сонетов Петрарки быть эквивалентен батону колбасы? Может ли выход в оперу быть равным комплекту нижнего белья? Все это становится возможным лишь в том случае, если все перечисленные элементы бытия условно представить в качестве чистой предметности.

Обобщая всё сказанное выше, мы можем дать концептуальное определение деньгам. *Деньги есть идея чистой предметности.* И при данном подходе мы можем сделать ряд существенных выводов.

Во–первых, поскольку деньги не есть предмет, «вещь», а представляют собой некоторую идею, следовательно, их смысл и содержание лежат в области человеческого сознания. Влияние денег на общественные отношения, на формирование мировоззренческих ориентиров обусловлено не объективным фактом их присутствия в бытии человека, а тем значением и смыслом, которыми их наделяет человек в своей субъективности.

Во–вторых, деньги есть условность, некоторое допущение. Они не только не отражают реальные связи и качества бытия, но, напротив, сознательно искажают эти качества и связи. Данное искажение имеет право на существование с точки зрения прагматических интересов человечества. Но, вместе с тем, эта условность должна быть оценена именно как сознательное допущение. Осознание модели взаимосвязей, построенной идеей денег, в качестве безусловной чревато не только мировоззренческими искажениями, но и прямым переходом в ирреальное бытие.

И, наконец, в–третьих, нельзя забывать, что идея денег основана на моделировании чистой предметности. Стремление к чистой предметности означает сведение к минимуму духовных характеристик бытия, а в конечном итоге — это процесс, обратный духовной эволюции человечества. Идея денег должна всегда сохранять условный характер, и поэтому она может быть воспринята лишь как игра в чистую предметность. В противном же случае, чистая предметность означает отрицание духа, культуры, эстетических и этических ценностей, а следовательно, и самого человека.

4. Деньги как игра

Условность реальности, построенной с помощью денег, позволяет поставить вопрос об игровом характере деятельности, связанной с ними. С логической точки зрения этот вывод вполне обоснован: если чистая предметность, которую моделирует идея денег, может существовать лишь абстрактно, если она условна и осознается как сознательное допущение, следовательно, любая практическая деятельность, основанная на этой условности, не может иметь подлинно онтологического смысла. Иными словами, деятельность, основанная на идее денег (т. е. на ирреальных качествах бытия), может быть оценена лишь как некая имитация, как игра в неподлинное бытие.

Когда мы говорим об ирреальности или условности чистой (абсолютной) предметности, мы исходим из того, что весь мир как данность представляет собой одухотворенное бытие, неделимое единство духа и материи. Нельзя отрицать того факта, что вся эволюция человечества и культуры есть, вместе с тем, прогрессирующее одухотворение бытия, благодаря которому не только мир, но и сам человек приобретает ценность, смысл и цель. Вне одухотворения мир не просто лишается большинства своих характери–

стик — он попросту перестает существовать для человека, превращаясь в ноумен. Чистая предметность фактически тождественна вещи–в–себе, она полностью отрицает присутствие субъекта, духа, творчества. Для человека чистая предметность — ничто, поэтому соприкосновение с ней возможно лишь как теоретическое допущение. Вот почему практическая деятельность, направленная на актуализацию чистой предметности, в конечном итоге обречена на провал. Вместе с тем, даже как стремление, подобная деятельность может быть оценена как исключительно деструктивная, т. к. изначально направлена на деградацию духовной эволюции человечества.

По всем названным причинам возможно считать, что отношение к деньгам, идее денег и к связанной с ними практической деятельности наиболее адекватно игре как осознанной условности. Этот условный элемент игры очень точно описал Йохан Хейзинга: «В этом «понарошку» кроется сознание неполноценности, «дурачества» по сравнению с тем, что «взаправду» и кажется первичным... Однако,... представление о «как будто» абсолютно не исключает, что это «ради игры» может протекать с величайшей серьёзностью, даже с самозабвением, переходящим в восторг; тем самым квалификация «как будто» на время полностью снимается» [7, 18]. Характеризуя таким образом свойства игры, Хейзинга поднимает сложный метафизический вопрос о соотношении условной и безусловной реальности, о той зыбкой грани, которая разделяет «объективное» существование человека и иммагинативную реальность. Однако, по мнению Хейзинги, реальность игры ограничивается пространственно–временными рамками, что всегда обуславливает «возвращение» человека в «обыденность».

Далее Хейзинга делает весьма существенный для нас вывод: «Все исследования подчёркивают незаинтересованный характер игры. Не будучи «обыденной» жизнью, она лежит за рамками процесса непосредственного удовлетворения нужд и страстей» [7, 19]. Таким образом, главным критерием игры становится критерий эстетический, духовный. Незаинтересованный в прагматическом результате характер игры отличает её от ремесленной деятельности и роднит с творчеством. Игра, как и искусство, имеет смысл и цель внутри себя самой. Игра существует, в первую очередь, ради самой игры. Даже в играх, связанных с азартом, приз или выигрыш имеют второстепенное, символическое значение. Игра ради денег вырождается в ремесло, в «обыденность». «Вознаграждение полностью лежит вне игровой сферы: оно означает справедливое материальное возмещение, оплату за оказанную услугу либо выполненную работу. Ради вознаграждения не играют, ради него трудятся» [7, 66]. И, в противоположность азартному настрою игрока, «чистое стяжательство не рискует и не играет» [7, 67]. Возьмём на себя смелость заметить, что даже игра на деньги, даже игра в казино вершится, главным образом, ради самой игры и лишь во вторую очередь — ради выигрыша, который всегда находится в подчинённом положении. Каждый из игроков прекрасно осознает, что в любом случае игра за зелёным сукном может принести доход только владельцам казино. Для игрока в рулетку эта игра есть ни что иное, как выход из «обыденной» реальности в реальность условную. Это касается всех, кроме крупье: для него присутствие во время церемонии — не игра, а профессия, ремесло, обыденность. Крупье не играет, он работает.

В игре выигрыш, деньги — стимул для игры. Для финансовой, предпринимательской деятельности, напротив, сама деятельность есть стимул для получения прибыли. В азартной игре деньги существуют ради игры; в предпринимательстве же само предпринимательство существует ради денег. Еще раз подчеркнём, что для нас игра не есть антитеза серьёзному действию (как справедливо считает Хейзинга, подобное противопоставление весьма сомнительно и опровергается опытом повседневных наблюдений); для нас игра противопоставляется как действие условное безусловному характеру ремесла. Это особенно важно, если данное противопоставление мы делаем в контексте денег и денежных отношений. Игра в деньги есть незаинтересованное и условное восприятие чистой предметности; ремесленная «денежная» деятельность есть, соответственно, попытка конструирования безусловной предметности.

В игре, которая как бы балансирует на грани вымышленного и обыденного, сочетается способность человека к репродуктивному восприятию (т. е. восприятию мира таким, каков он есть в реальном, «предметном» виде) и восприятию генеративному (т. е. восприятию через внутренний мир человека путём преобразования, «субъективации» бытия «с помощью спонтанной активности умственных и эмоциональных сил человека» [8, 79–80]). Как от–

мечает Э. Фромм, оба этих восприятия, отношения к миру свойственны нормальному человеку. Однако атрофирование любой из этих способностей неизбежно ведёт к деформации духовной жизни. Если человек теряет способность к адекватному восприятию действительности и «зацикливается» на своей собственной воображаемой реальности — это уже душевнобольной. Если же человек теряет способность к обогащению мира, не в состоянии увидеть скрытые от глаз, идеальные основы бытия, он превращается в «реалиста»; его действия обречены на непродуктивность и творческую импотенцию. «Оба больны. Болезнь психотика, утратившего реальный контакт с внешним миром, приводит к тому, что его действия становятся социально неадекватными. Болезнь «реалиста» обедняет его как человека. <...> «Реализм», хотя и кажется прямой противоположностью психопатизму, на самом деле дополняет его» [8, 80–81].

«Игра в деньги», на наш взгляд, реализует в себе как генеративную, так и репродуктивную способность интеллекта человека, позволяя ему, с одной стороны, осуществлять некоторую деятельность в «денежной» сфере, а с другой стороны, осознавать условность и ирреальность этой деятельности.

Если мы принимаем тезис о деньгах как чистой предметности, то становится ясным деструктивный смысл коммерциализации вообще. С этой точки зрения коммерциализация представляет собой процесс сведения бесконечных характеристик бытия к количественно-предметным или, другими словами, процесс «снятия» духовных наслоений. Таким образом, коммерциализация становится в прямую оппозицию духовности, а цивилизация, построенная на основах коммерции, знаменует собой отрицание культуры. В культуре происходит попытка реализации творческих, конструктивных сил духа; в цивилизации же выражается стремление человечества реализовать свою утилитарно-биологическую потребность. Однако если утилитарно-биологическая реализация человечества имеет своей целью лишь сенсорно-перцептивные реакции, то для духовной реализации конечной целью является стимулирование трансцендентальных, творческих потенций человека. Цель культуры — одухотворение, «приращение» бытия; цель цивилизации — опредмечивание, «объективация» духа. Идеал культуры — абсолютная духовность; идеал цивилизации — чистая предметность.

Справедливости ради необходимо отметить, что проникновение игрового элемента в коммерческую и производственную деятельность наблюдается сегодня весьма широко, и представление о финансовой деятельности как игре прочно занимает свои позиции наряду с представлением о финансовой деятельности как ремесле. В XX веке появилось понятие «деловой игры», биржевые операции этимологически стали квалифицироваться как игровые: «игра на повышение», «игра на понижение», «игра на рынке ценных бумаг». Особенно в условиях нестабильной и трудно предсказуемой экономики все долгосрочные и фьючерсные сделки (сфера применения которых неуклонно расширяется) можно определить как игровые: степень их риска столь велика, что практически не поддается профессиональному экономическому расчету. Вообще, рост популярности особо рискованных операций, итог которых почти не прогнозируется научно, свидетельствует о перерождении самих основ финансовой деятельности. Современный коммерсант зачастую напоминает больше азартного игрока, нежели профессионала-ремесленника.

Несколько в иной форме мы сталкивались с подменой финансового интереса игровыми стимулами в опыте социалистического строительства. В условиях, когда денежное стимулирование было «противопоказано» идеологическими установками, государство вынуждено было внедрять в производственную и финансовую деятельность иные, внеэкономические стимулы. Широкое распространение получили различного рода социалистические соревнования, борьба за перевыполнение плана (т. е. попытка установления своеобразного рекорда). Всё это способствовало перерождению ремесла в игру, способствовало формированию условного восприятия предметно-эмпирического бытия. Возможно, именно по этой причине монетаризм в СССР проявлялся в стёртом виде и в значительно более мягких формах, по сравнению с Западной Европой.

5. Деньги как власть

Образ современного российского политического лидера необычайно парадоксален. Показав невиданную активность в предвыборной гонке, российский лидер, получив желаемое, часто теряет интерес к политической деятельности, демонстрируя апатию и некомпетентность. Оппозиция, создав себе попу-

лярность на критике действующей власти, в итоге сама оказывается неспособной к конструктивным шагам. И, в конце концов, деградирует. Скорее всего, столь противоречивое поведение властвующего может быть объяснено с точки зрения политологии, социологии и криминалистики. Однако здесь возникает еще один срез проблемы — мировоззренческо–психологический, который может быть сформулирован в виде проблемы разграничения понятий «власть как средство» и «власть как самоцель». В самом деле, почему мы становимся свидетелями столь рьяного стремления к власти и лидерству, которые объективно являются тяжелейшим бременем? Что побуждает человека, не имеющего должного профессионализма, а иногда и путного образования, стремиться взвалить на себя столь непосильную ношу? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо выявить психологические мотивы, которые стоят за стремлением к власти. На наш взгляд, к наиболее существенным мотивациям подобного рода следует отнести подсознательную попытку самоутверждения через возможность насилия и ориентацию личности на жёсткий эгоцентризм и паразитизм.

Кому не знакома сцена, когда маленький мальчик, желая привлечь к себе внимание, дёргает свою сверстницу за косичку? Таким образом в детстве проявляется стремление выделиться, спровоцировать повышенный интерес к своей персоне. В подростковом возрасте это стремление зачастую приобретает самые неожиданные формы. Подросток рвётся к лидерству. Для него лидерство — единственная возможность самоутвердиться, доказать свою неординарность. Пока еще подросток не в состоянии доказать свою самодостаточность интеллектуально, его духовная уникальность еще не состоялась. Дело усложняется еще и тем, что просыпающееся в подростке либидо обостряет целый комплекс инстинктов. Этим объясняется подсознательное стремление подростка к скандальным ситуациям, его желание бросить вызов окружающим, его тяга к экстравагантному поведению. Такое «ребячество» порою доставляет много забот учителям и родителям подростка, поскольку нередко выливается в драки, в употребление табака и алкоголя, в сквернословие, в подчёркнуто вызывающее поведение. «Переходный период» будущей личности протекает как для самого подростка, так и для окружающих, однако важно четко понимать психофизиологические мотивы этого периода. По сути дела, за шокирующими выходками молодого человека стоит лишь духовная незрелость и обострённое желание самоутверждения, повышенное внимание к своему, пока еще не полноценному «Я».

Со временем эта «подростковая болезнь» проходит (за исключением, конечно, патологических случаев). По мере того, как созревает духовная целостность личности, субъективная необходимость в эпатирующих действиях отпадает. Человек начинает осознавать, что источник ценности его «Я» находится внутри него самого, что добиться любви и уважения окружающих невозможно путём деструкции. Если личность состоялась, если она ощущает себя самодостаточной, то она уже не нуждается в искусственном ажиотаже вокруг своей персоны. Как правило, о себе кричит тот, кому нечего сказать.

Комплекс неполноценности подростка становится по–настоящему страшным, когда он перерастает в постоянную черту характера взрослого человека и служит основой его социальной активности. Постоянное ощущение духовной ущербности, ощущение неспособности к творческой деятельности, бесполезности своего «Я» рано или поздно заставляют человека совершать действия, обращающие на себя пристальное внимание общественности. Весьма в этом плане показательны рекламные акции большинства политических деятелей, направленные на повышение их популярности. Лучший способ прославиться и стать знаменитостью — организовать скандал, вызвать шок в общественном мнении. Не в состоянии заработать уважение к себе путём конструктивных действий, политические лидеры вынуждены сознательно обрекать себя на славу скандалистов.

Будучи никем не замеченной и, по сути, никому не нужной, ущербная личность начинает паниковать: «Я заставлю вас считаться со мной!». В какой–то момент накопление капитала и вещей может показаться лучшим выходом из создавшейся ситуации, ведь возможности, которые дают деньги, ставят человека в привилегированное положение. Так рождается «новый русский». Однако деньги дают власть только над вещами и над той частью мира, которая способна продаваться. Деньги безраздельно господствуют в мире фетишей, но им неподвластны души и судьбы людей. Владелец богатств, в конце концов, понимает это; он понимает также и то, что деньги обогащают его дом, но не его личность. Не он господствует в мире вещей, а деньги, которыми он стал обладать.

Но как вызвать повышенное внимание к себе; не к моим деньгам, а к моему собственному «Я»? Как сделать это, если духовных и интеллектуальных сил для этого явно не хватает? Единственный выход — добиться реальной власти. А это означает обладание самими людьми, означает зависимость людей от моей единоличной воли. Внутренняя мотивационная сущность денег и власти едина — стремление к обладанию. Но власть, в отличие от денег, есть активная форма обладания, предусматривающая господство над чужой личностью.

Как известно, любая власть предполагает насилие — актуальное или потенциальное. Властное господство над людьми может осуществляться только при наличии страха перед этим насилием. Следовательно, личность, стремящаяся к власти, стремится и к возможности насилия. Осознание своей слабости будит в человеке потребность самоутверждения. По этой причине стремление к власти означает жажду мести за собственную неполноценность.

Стремление к власти сродни монетаристским порывам в жажде обладания, в склонности всё превратить в предмет господства. Существенное отличие здесь составляет только то, что власть по определению направлена не на вещное, а на живое.

Ребёнок, мучающий кошку, исполнен чувства превосходства над ней, ощущения силы. Маньяк, терзая свою жертву, упивается своей безраздельной властью, он полон восторга от ощущения, что есть некто, кто полностью зависим и беспомощен перед ним. Чиновник-крючкотворец, получивший даже минимум власти, не упустит случая лишний раз подчеркнуть своё преимущество перед вами и вашу зависимость перед ним. При этом, что чрезвычайно показательно, чем ущербнее и неполноценнее личность, тем заметнее ее стремление к власти. Чем явственнее духовная несостоятельность властвующего, тем жёстче формы его самоутверждения во власти.

Принципиальная психологическая основа действий ребёнка-живодера, маньяка-убийцы и скандального политика едина: это стремление к нейтрализации собственного комплекса неполноценности через возможность насилия. Желая участвовать в формировании бытия, но потеряв способность к созиданию, они влияют на бытие, разрушая его.

Одним из факторов, стимулирующих стремление современного человека к власти и насилию, является устоявшееся в обыденном сознании представление о силе как о возможности насилия. Это представление культивируется современной массовой культурой, становится элементом международной политики и либеральной идеологии. «Героем нашего времени» стал мускулистый «супермен» с оловянными глазами, реализующий свое «Я» через разрушение, насилие, убийство. Величие государства понимается как его способность к эффективным военным действиям. Политика называют «сильным», если он способен, не раздумывая, пойти на «непопулярные» меры. Очевидно, что смешивая эту категорию с «насилием», современное мировоззрение имеет в виду «жестокость», то есть нечто прямо противоположное «силе».

В самом деле, сила личности проявляется в своей самодостаточности. Любая апелляция к внешнему источнику говорит лишь об утере безусловной личностной самоценности. Личность прибегает к насилию тогда, когда не в состоянии решить проблему своими собственными силами, hoc volo, sic jubeo, sit pro ratione vo luntas; необходимость в применении физического насилия возникает из убожества духовных сил личности. Подросток пускает в ход кулаки, когда ему не хватает аргументов разума. Правительство провозглашает хунту, когда в полной мере ощущает свою беспомощность и несостоятельность. Акт принуждения начинается с признания неспособности убеждать. Убийство человека, в этом плане, есть высшее проявление слабости: человека убивают тогда, когда он оказывается сильнее своего оппонента[2]. Насилие и стремление к власти (как к возможности насилия) — это последний обреченный крик слабого самосознания.

Мироотношение стремящегося к власти ради самой власти есть мироотношение хамское по своей сути, поскольку неотъемлемой частью этого мироотношения является жесткий эгоцентризм и паразитизм.

Под хамской философией я понимаю определённую систему ценностей, получившую необыкновенное распространение в современном массовом сознании. В отличие от грубости и нахальства, кои являются лишь формой выражения эмоций, хамство

[2] В этом смысле весьма показательна история инквизиции. Средневековая эпоха не знала инквизиций: духовная власть ощущала себя достаточно сильной для того, чтобы не прибегать к насилию. И лишь в эпоху Возрождения римская церковь, не желая мириться с утерей сфер своего влияния и пребывая, по сути, в состоянии агонии, начинает серию кровавых расправ.

представляет собой содержательную часть внутреннего мира человека и строится на принципах ярко выраженного эгоцентризма («я есть высшая и единственная цель») и паразитизма («всё существует как средство для меня»). Хамское поведение однородно в своей основе, хотя его мотивация может быть совершенно различной.

Главное мотивационное различие в хамском поведении заключено в степени осознанности его принятия. В этом смысле можно различать «первобытного хама», действующего на уровне инстинкта, и «хама по убеждению» или «цивилизованного хама», для которого эгоцентризм и паразитизм являются внутренней философией, добровольно и осознанно принятыми нормами социального поведения.

Первобытное хамство апеллирует к животным инстинктам и переносит законы дикой природы в область человеческих отношений. У первобытного хама, как правило, отсутствует какое-либо кредо, как, впрочем, отсутствуют любые признаки мыслительного процесса. Поведение хама-дикаря даже не может в полной мере получить моральной оценки, как не может морально оцениваться жизнь насекомого. Эгоцентризм — вообще свойство неразвитой психики, неспособной к полицентрическому восприятию. Не в состоянии уподобить другие «Я» своему собственному, первобытный хам воспринимает окружающий мир как враждебный себе. Паразитический способ существования также роднит первобытного хама с животным миром, поскольку апеллирует к инстинкту самосохранения, к борьбе за физическое выживание, к инстинктивному преклонению перед силой.

Иное дело — хам цивилизованный — продукт нынешнего времени, воспринимающий окружающий мир как свою абсолютную собственность, умеющий подвести под свое кредо философско-идеологический фундамент. Под предлогом рационалистического миропонимания он так или иначе отметает все духовные основания человека. Хаму удобнее отождествить мораль с правом, экономический интерес с гуманистическим, духовную силу с физическим насилием. Паразитизм цивилизованного хама проявляется в ориентации на обладание и потребление, которую он закрепляет в системе «либеральных» норм. Вместе с тем, будучи по своей сути паразитом, хам оказывается зависимым от активности некоего созидателя. Подобно тому, как карманный вор нуждается в кошельке труженика и потому зависим от него, хам может действовать только при наличии интеллигента. Использовать людей в качестве средства можно только тогда, когда есть гарантии, что они не ответят тебе тем же. Такую гарантию и предоставляет хаму подлинный интеллигент[3].

Но если интеллигент самодостаточен, независим от хама, то хам, напротив, воспринимает свою неполноценность весьма болезненно. Независимость интеллигента подсознательно раздражает хама, и он объявляет беспощадную войну по своим правилам, которую, естественно, без труда выигрывает. Трагичность ситуации в том, что одоевцевы всегда оказываются беззащитными перед митишатьевыми.

Беда интеллигента в том, что он видит проблемы даже там, где их нет. Ущербность хама в том, что он вообще не видит проблем, даже там, где они есть. Интеллигент открыт для внешнего мира. Он не видит смысла в ношении масок, в необходимости казаться другим или выдавать себя за другого. То, что он считает ценным в себе, — составляет предмет его гордости и чувства собственного достоинства. То, что он считает недостойным для себя, — становится стимулом для дальнейшего совершенствования. Нет повода прятаться или притворяться: интеллигент всегда искренен и естественен, поскольку он тождественен себе.

Хам же, напротив, предпочитает принять обличье циника, нежели оказаться в дураках. Но не есть ли это первый признак глупости? Хам предпочитает быть жестоким, лишь бы не показать свою слабость. Но не трусость ли это?

В самоуверенном хамском сознании образ интеллигента находит предельно искажённую интерпретацию. Неспособность идти на компромиссы с совестью расценивается хамом как «чистоплюйство». Ценностная система, не позволяющая интеллигенту совершать насилие, преломляется в сознании хама как «слабость» и «бесхребетность». То, что интеллигент скло-

[3] Вообще само слово «интеллигент» постепенно уходит в прошлое и ему на смену приходит другое, более модное слово «интеллектуал». С интеллектуалами все достаточно просто. Интеллектуал — человек с развитым интеллектом. Развитый интеллект, в свою очередь, предполагает способность к рассудочной деятельности, аналитике, способность к получению необходимого знания и возможность пользоваться им. Что же касается интеллигентности, то здесь всё гораздо сложнее, ибо она предполагает качественное изменение интеллекта, предусматривает определённую культуру поведения, которая не ограничивается лишь этикетом или правильно выбранным имиджем. Интеллигент превращает полученное знание в стиль жизни.

нен воспринимать окружающих людей не только в качестве средства, но и в качестве цели, делает его в глазах хама «лохом» и просто «полудурком». Способность к рефлексированию, к постоянной критической оценке своих поступков в лексике хама именуется не иначе как «самокопание» и «достоевщина».

В «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя есть замечательный диалог, иллюстрирующий взаимонепонимание интеллигента и хама, диалог между Тарасом и корчмарём Янкелем. Для Янкеля не существует понятия долга, чести, родины; ему всё равно на чём обогащаться; для него война — не бедствие, а лёгкая возможность ferire pecunias, возможность паразитировать на чужом горе. Пользуясь бедственным положением двух воюющих между собой народов, Янкель «прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно означил своё жидовское присутствие в той стране» [7, 93]. Для него нет «наших» и «чужих»[4], а есть лишь два критерия уважения — сила и деньги.

Вчитываясь в диалог Янкеля с Тарасом, создаётся впечатление, что люди говорят на разных языках. Для Тараса предательство его сына Андрия — смертный грех; для Янкеля — вполне обдуманное, трезвое и мудрое решение. Для Тараса поляки — враги, захватившие его Родину; а для Янкеля — «ясновельможные паны», поскольку имеют золото и власть.

«Почему же он надел чужое одеянье?»

«Потому что лучше, потому и надел...» <...>

«Так это выходит, он, по-твоему, продал отчизну и веру?»

«Я же не говорю этого, чтобы он продавал что; я сказал только, что он перешёл к ним». <...>

«И ты не убил тут же на месте его, чортова сына?» — вскричал Тарас Бульба.

«За что же убить? Он перешёл по доброй воле. Чем человек виноват? Там ему лучше, туда и перешёл» [7, 62–63].

Самое удивительное заключается в том, что логика Янкеля безукоризненна — это логика «цивилизованного» человека, исповедующего, говоря современным языком, ценности либерального общества. В самом деле, любая индивидуальность есть цель сама по себе и имеет право на свободу выбора, свободу совести. Что значит «продал отчизну»? К чему эти пафосные выражения, лишённые четкой семантической определённости? Не продал, а перешёл к ним, то есть совершил «знак доброй воли», причём вполне «цивилизованным» путём, предпочитая квасному патриотизму «контрактную систему» «либеральных отношений». «Там ему лучше, туда и перешёл» — это триумф подлинно «демократического» принципа выбора «условий наибольшего благоприятствования».

Выбирая хамскую стратегию, современный лидер (или кандидат в лидеры) пытается убить сразу нескольких зайцев. Во-первых, хамство — наиболее примитивный и грубый стиль поведения, а следовательно, и наиболее жизнеспособный. Во-вторых, хамское поведение есть поведение вызывающее, бросающееся в глаза; поэтому его выгодно использовать для быстрой и эффективной саморекламы; оно формирует пусть скандальный, но всегда стойкий и запоминающийся имидж. Наконец, хамство хотя и осуждается на уровне нравственности, но при этом вполне вписывается в систему правовых норм, а следовательно, не может быть осуждено в рамках «цивилизованных» (либеральных) отношений.

Литература

1. Ильин И. А. О сущности правосознания. — М., 1993.
2. Маркс К. К критике политической экономии / Маркс К., Энгельс Ф. ПСС, изд. второе. — М., 1978.
3. Пушкин А. С. Скупой рыцарь / Пушкин А. С. ПСС в одном томе. — М., 1949.
4. Маркс К. Капитал / К. Маркс и Ф. Энгельс. — Соч., изд. Второе. — М., 1969. — Т. 23
5. Хейзинга Йохан. Homo Ludens. — М., 1992
6. Фромм Э. Человек для самого себя / Эрих Фромм. Психоанализ и этика. — М., 1993
7. Гоголь Н. В. Тарас Бульба. — М., 1951

[4] Как сказали бы сейчас, он не делит людей на «наших» и «не-наших».

References

1. Ilyin I. A. (1993). O sushchnosti pravosoznaniia [The essence of legal consciousness]. Moscow. (In Russ.).
2. Marx K. (1978). On the critique of political economy. In: Marx K. & Engels F. Works. 2nd Edition. Moscow. (In Russ.).
3. Pushkin A. S. (1949). The miserly knight. In: Pushkin A. S. Complete works. Moscow. (In Russ.).
4. Marx K. (1969). Capital. In: Marx K. & Engels F. Works. 2nd Edition. Vol. 23. Moscow. (In Russ.).
5. Huizinga J. (1992). Homo Ludens. Moscow. (In Russ.).
6. Fromm E. (1993). A man for himself. In: Fromm E. Psychoanalysis and ethics. Moscow. (In Russ.).
7. Gogol N. V. (1951). Taras Bulba. Moscow. (In Russ.).

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ/ CULTURE & CIVILIZATION

УДК 82.01
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-142-149

Основы литературной стилизации: жанр, стиль и культурная прагматика

КОНУРБАЕВ Марклен Эрикович, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; научный руководитель Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва.
E–mail: mekonurbaev@fa.ru
IstinaResearcherID (IRID): 3291050
ResearcherID: J–7449–2013
Scopus Author ID: 57191955856
ORCID: 0000–0003–4710–9444
ЛИПГАРТ Андрей Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
E–mail: a_lipgart@mail.ru
IstinaResearcherID (IRID): 1311899

Аннотация. Наиболее корректный с эстетической точки зрения перевод поэтического произведения может быть лучше всего достигнут с помощью стилизации. В лингвистике стилизация — это «подражание манере повествования, стилю речи и т. п., типичным для какого–л. жанра, социальной среды, эпохи и т. п., обычно стремящееся к тому, чтобы произвести впечатление подлинности» (Ахманова, 1969). Обычно писатель, стремясь создать указанный эффект, никогда не пытается воспроизвести исчерпывающий набор жанровых особенностей имитируемого текста, а мыслит в терминах «необходимого и достаточного» количества концептуально и лингвистически специфических черт, имеющих основное значение при создании того или иного эффекта.

Исследователь, задачей которого является выявление этих особенностей, вероятно, должен начать с составления полного списка стилистических средств, использованных автором, а затем рассмотреть их относительную функциональную значимость в создании желаемого эффекта. Результаты такого исследования имеют большое практическое значение для переводчика, который неизменно сталкивается с проблемой баланса между концептуально значимыми элементами и эмоционально–экспрессивными маркерами.

Ключевые слова: стиль, стилизация, жанр, функция, поэзия, литературная критика, филология, теория жанров, прагматика, феноменология речи, культура, мировоззрение, лингвистика, определение, терминология.

Для цитирования: Конурбаев М. Э., Липгарт А. А. Основы литературной стилизации: жанр, стиль и культурная прагматика // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 142–149. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–142–149

Статья поступила в редакцию: 03.06.2021.
Статья принята к публикации: 03.07.2021.

The groundwork of literary stylization: genre, style, and cultural pragmatics

KONURBAEV Marklen Erikovich, PhD, Professor of English Philology, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Research Supervisor for the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication at the Financial University of the Government of the Russian Federation, Moscow
E–mail: mekonurbaev@fa.ru
IstinaResearcherID (IRID): 3291050
ResearcherID: J–7449–2013
Scopus Author ID: 57191955856
ORCID: 0000–0003–4710–9444
LIPGART Andrey Alexandrovich, PhD, Professor of English Philology, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University
E–mail: a_lipgart@mail.ru
IstinaResearcherID (IRID): 1311899

Abstract. The purpose of the best aesthetically valid translation of a poetic work can be best achieved through stylization. From the linguistic point of view stylisation is «an imitation of a manner, or narrative style, etc, typical of some genre, social milieu, time in history, etc, usually aiming at creating an impression of authenticity» (Akhmanova, 1969). Normally a writer, aiming at creating the said effect, never tries to reproduce an exhaustive set of the peculiar genre features of imitated text, but thinks in terms of the «necessary and sufficient» amount of conceptually and linguistically specific features bearing the main load in creating a particular effect.

A researcher, whose task is to reveal these features, should probably begin by making a complete list of stylistic devices used by the author, and then consider their relative functional significance in producing a desired impact. The results of such study appear to be of a high practical value for a translator, who invariably faces the problem of the balance between conceptually significant elements and emotional–expressive «decorators».

Key words: style, stylization, genre, functionality, poetry, literary criticism, philology, theory of genres, pragmatics, phenomenology of speech, culture, worldview, linguistics, definitions, terminology

For citation: Konurbaev M. E., Lipgart A. A. (2021). The groundwork of literary stylization: genre, style, and cultural pragmatics. Service plus, 15 (3), 142–149. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–142–149 (In Russ.).
Submitted: 2021/06/03.
Accepted: 2021/07/03.

The definition of stylisation was never the subject of great debates among scholars as, for example, was that of genre. This situation may be accounted for by the fact that most scholars are unanimous in understanding and, consequently, in defining stylisation as a method of intentional reproduction of a particular artistic, social, or cultural material (Yartseva, 1990).

According to the Russian scholar Victor Vinogradov, the notion of literary stylisation appeared as a result of the «interest to the expressive overtones and stylistic differences, conditioned by the author's individual creativity or the original flavour of this or that culture…» (Vinogradov, V., 1999, p. p. 544). Mikhail Bakhtin wrote in this connection: «stylisation comes from admiring the aesthetic perfection of another work… Stylisation in a focused way projects the stylistic peculiarities of the original text on the conceptually new material» (Flyagina, 2000, p. 21). Thus, the notion of stylisation involves, apart from purely linguistic aspects, also the social, and cultural sides.

A brief insight into the notion's evolution history can be found in the book by the Polish literary critic S. Skwarczyńska «La stilisation et sa place dans la science de la literature»: «The word to stylise…first meant «to form something in the written form». This meaning still exists in the modern language and implies the idea of

polishing the content while writing…But during the 19th century the word stylisation becomes better defined… To stylise means to adjust consciously your style to the norms of a perfect, ideal style or a functional style. In this sense the word had spread widely by the end of the 19th century» (Troitsky, 1964, p. 170).

According to V. Troitsky, stylisation has presently come to mean «an imitation of a model», «an imitation of the outward form and characteristic features of a style. It comprises at least two styles — «a prototype» style, serving as a model (and always implied), and the one of an imitator or a stylizer, which reproduces the source style» (Troitsky, 1964, p. p. 169). The aim of stylisation is to make the imitated style recognisable.

The Linguistic Encyclopaedic Dictionary singles out the following variations of stylisation: imitation (when the outward features of a style are being reproduced without any specially defined artistic purpose, when they organically merge with the authors individual style so that we no longer feel the difference between the imitated work and the imitation itself) (Bakhtin, 1979, p. 220); and parody, when the characteristic features of a «prototype» style are intentionally «hypertrophied» aiming at ridiculing this style (Timofeev, 1974; Bakhtin, 1979, p. 224).

Speaking of stylisation as of a «genus term» Maria Verbitskaya suggests using the term «imitational genres» for denoting parody, periphrasis, imitation, folk tale and so on (Verbitskaya, 1980, p. 6). Many scholars made stylisation a subject of their research on the Russian literature material. Among such works are the treatises by R. Helgard dedicated to the style of Bazhov's folk tales, articles on stylisation of speech by A. Alpatov. Mikhail Bakhtin in some of his books («Literature and Aesthetic Issues» is one of them) touched upon stylisation as well. Several pages of his book on F. Dostojevsky's poetics deal with the «secondary nature» of stylisation (when a stylised text is perceived as something secondary in relation to the primary text), and the way this effect of «something secondary» is created in the reader's conscience.

A. Yefimov suggests the following classification of stylisation types: **historical,** which involves the reproduction of the speech of different epochs; **genre stylisation,** which involves the application of the means and methods of expression, characteristic of a certain genre and is based on the core of lexis and phraseology as well as the sentence structure; and **social-speech stylisation** which aims at reproducing speech peculiarities of various social layers (Yefimov, 1961, p. 95).

Yu. Flyagina tries to find out «whether there is a minimum set of linguistic elements of the original text, sufficient for its successful stylisation» (Flyagina, 2000, p. 167). The scholar suggests the idea that «in elaborating stylisation, apparently, the primary role belongs to subconscious understanding and imitation of the speech structure of the imitated author at the level of simple rhythmical groups, their properties and alterations» (Flyagina, 2000, p. 167). Finally, Flyagina comes up with several requirements for a successful stylisation, among which the most crucial are:

1) minimal set of linguistic means, characteristic of the original text and rendered in stylisation;
2) key composition elements important for creating associations (lexical parallels, alike phraseology, similar images);

The notion of genre stylization is related to the problem of correlation between the content and the form of a literary work. The matter has been widely discussed by the Russian and the foreign scholars. The first point of disagreement between the scholars appears when genre is regarded as a stable form of a literary work. The followers of the formalistic theory, U. N. Tynyanov (1977), N. Pearson (1965), R. Wellek, and O.Warren in their understanding of genre shared the idea that genre is «a set of devices and rules, formal structure of the work» (Chernets, L., 1982, p.67). Pearson was even more radical in his views; he stated the superiority of form over the content: «the very essence of the literary process is to create the form… The goal of an artist is to create the proper architecture; his creation in not the material, but the form» (Pearson N. H., 1965, p. 63). It appears that formalists paid little attention to the content of a work.

Tynyanov (1977) applied systematic approach to the problem of genre. He concluded that it is impossible to give any definition of genre that would cover the entire concept. Genre reveals the tendency to transform. Finally, the scholar refuses to regard genre as a stable type of a literary work. Konurbaev (2015) writes in this connection that genre classification is mostly used to provide a tangible basis for aesthetic judgements of literary works: «characteristics of genres, styles, literary trends have been imposed on hundreds of literary writings and were designed to serve as points of reference in making

judgments about their aesthetic value. Stylistic typology was very helpful of course but often failed in assisting the ordinary reader in determining the unique features of the works of verbal art. Uniqueness is rooted in the way the author chooses to defamiliarize certain lexical items used in the context of speech that eventually form various aesthetic canvases». Stephen Pax Leonard (2021) emphases, quite importantly, the often–phenomenological nature of genre forming: «Moments of heightened linguistic consciousness — he writes, — such as in a language learning context permit, however, a particular articulation of the conceptual understanding of language once 'speech is reduced to its elementary level of phenomenological factors' (also Konurbaev, 2018, p. 19).

An outstanding Russian scholar Mikhail Bakhtin, who made a significant contribution to the development of the theory of genre, understands the term as a «typical form of the entire literary work» (Bakhtin, M. M., 1979, 1, p. 279). He does not stand on formalistic position and sees genres not as combinations of formal devices, but as «forms of seeing and realising certain sides of the world» (Bakhtin, 1979, 1, p. 332).

Such diversity of views is understandable: when we deal with imaginative literature (viewed as an object literary criticism) it is often very difficult to talk of «the stable» regarding the author's imagination and creative power. However, there is always a certain canon to be followed. Even the most original and unique work of art inevitably contains elements of the old, traditional together with the elements of the new and the individual. At this point the scholars agree on genre's connection with historical time. In this respect, Tynyanov viewed genre as «an element of the genre system of a certain period… What was called an ode in the 20s of the 19th century — in Lomonosov's time was called so according to other characteristics» (Chernets, L. 1982, p. 67). That means that with time genres may change the set of their characteristics due to the changes in literary process or historical environment.

Mikhail Bakhtin who emphasised the genre's historical aspect as well, later developed his idea still further: «Due to its nature, a literary genre reflects the most stable, «time honoured» trends of the literature's development. Genre always contains imperishable archaic elements. Those elements become preserved thanks to their constant renovation, so to say, modernisation. Genre is always the same and not the same, both new and old. Genre becomes reborn at each stage of the development of literature and in each individually created work of a particular genre. This is the genre's life. Genre…always remembers its past. Genre represents creative memory in the process of literary development» (Bakhtin, 1979, p. 122).

It is important that he also mentioned genre's connection with a certain literary tradition: «Each new variety of genre, each new work, written within a certain genre, always enriches the genre, improves and perfects its language. Therefore, it is very important to know the probable genre sources used by an author, to know the literary atmosphere in which the work was being created. The more concrete contacts we reveal, the deeper we can penetrate into the peculiarities of his genre form and the better we understand the proportion of traditional and new in his work» (Bakhtin, 1979, p. 183).

The next extralinguistic factor that determines genre is of a functional nature. It deals with the functional purport given to the text by the author. The author starts to write when he wants to say something to the world, share his ideas with the others. Whatever form of expression he chooses — is up to him, for it is for him to decide in what form his ideas would be best understood by his readers. Therefore, we can say that the genre of his work will not be picked up at random — but it will rather depend on the communicative purport, the task, which the author assigns to his work and tries to achieve in his writing. We can also call it the «predominant aesthetic quality» (Chernets, L., 1982, p. 18) as suggested by some scholars. In this sense the term would cover only literary texts, because in some functional styles the aesthetic function is not realised at all.

Since we talk of genres not only from the position of a theory of genres in literary criticism but from the point of view of functional stylistics as well, it would be correct to speak of the communicative purport of the work as of a less specific term. It is widely understood that in fiction communication is mostly of aesthetic nature, i.e., creating meta–reality with the help of words. Non–fiction genres, however, apart from occasionally creating aesthetic scenes (in the stated meaning), can pass on authentic information, recommend, or prohibit something.

The next important genre–determining factor is the notional one. If the text is a fairy–tale, for example, its characters are most likely to be unreal, imaginary creatures taking part in unreal, wonderful events. If we

take the genre of a chronicle, it will give us an account of real events in chronological order with dates and quotes, recounted by a historian not always unbiased. In either case the content requires the use of the appropriate form, in which it best achieves the desirable effect. The notional layer is to a considerable extent predetermined by the author's individual perception of the world. Authors with similar views of the world may later establish schools or give rise to literary trends, cultivating particular genres or, on the contrary, inventing new ones, elaborating artistic methods, devices, and themes, which with time crystallise into characteristic traits of their literary trend or school.

Thus, the notional layer, the communicative purport and the author's perception of the world constitute the subjective features that determine the genre of a literary work, while the historical period, literary trend and literary tradition can be referred to as objective ones.

In the 19–20th centuries the attitude to genres became rather complex. On the one hand, traditional genre structures, elaborated over many centuries, were still preserved. On the other hand, a writer felt free to use any form of personal expression, free to ignore any strict rules or already established canons.

There is a point of view that the boundaries of literary genres are becoming «blurred if not absolutely destroyed». The authors tend to disregard strictly established genre structure. There appear the so–called new «synthetic forms» of novels, poems, and plays which hardly fit any traditional genre (Teoria literatury, 1964, p.130, 131, 208–210).

It appears that genre typology varies from an epoch to an epoch, from one scholar to another. However, it is possible to speak of a prevailing non–formalistic approach towards the problem of genres. According to this point of view genre is regarded not only as a relatively fixed set of certain artistic devices but also as a dynamic, changing, individual combination and transformation of those devices with frequent overlapping of the characteristics of one genre with those of another genre. In this sense genre is not a rigid, forever established form of expression but should rather be viewed as a flexible material for individual creativity and freedom of realisation. Genres merge: thus «synthetic forms» appear. An author is allowed, so to say, to combine genres, «to clothe» the content into any form, according to his purport and view of the world.

So far, we have concentrated mostly on the extralinguistic aspects of genres, such as the author's communicative purport, historical epoch, literary trend and literary tradition, and considered them from the point of view of literary criticism. But the notion of genre is also an object linguistic studies and is considered within the framework of stylistics.

*

According to V.Vinogradov and N. Kozhina, «it would be right to differentiate among at least three spheres of stylistic research, which have a lot in common, very often overlap… but have, [in the final analysis] their own tasks, criteria, and categories. These are: linguistic stylistics or structural stylistics; speech stylistics, i.e. of various kinds and acts of social usage of the language; and stylistics of artistic literature» (Vinogradov, Victor, 1963, p. 5). N. Kozhina defines stylistics of speech as the primary object of functional stylistics, a «scientific trend, which studies the rules and ways linguistic means function in various kinds of speech, that correspond to certain spheres of human activity and communication; it also studies the speech structure of functional styles and the «norms» according to which linguistic means are chosen and combined in them» (Kozhina, 1966, p. 67).

Style is «one of the variants of the language, or language subsystems, with its own vocabulary, phraseology, constructions and turns of speech, which differs from other variants of the kind mainly in the expressive and evaluative features of their elements, and usually associated with particular spheres of language usage» (Akhmanova, Olga, 1969). The choice of a certain style is conditioned by the speaker's or writer's intention: whether he/she just wants to provide his readers with information, to convince them to act in a certain way or to impress them. Thus the choice of language (or, simply, of words, to quote Professor O. S Akhmanova) will be determined by «the convention that a certain kind of language is appropriate for a certain use» (Akhmanova, Olga, 1978, p. 5).

V. Vinogradov works out a system of functional styles based on the functions the language fulfils. There are several theories concerning the number of language functions. Roman Jakobson singles out six of them: emotive, referential, poetic, phatic, metalingual and conative (Akhmanova, Olga, 1972, p. 46). Kozhina criticises Jakobson and writes: «if one tried to classify functional styles according to those functions, they would not cover all stylistic divergences that we find in speech» (Kozhina, M.N., 1966).

According to the theory of academician V.Vinogradov, there are three main language functions: communicative, intellective and aesthetic (Vinogradov, Victor, 1963, p. 6–8). A functional style therefore would mean a variety of language based on the dominant functional linguistic peculiarities in a particular speech environment or sphere of social activity. According to V.Vinogradov there are six functional styles with respective language function fulfilled:

1. the style of every–day communication (communicative function);
2. scientific style (intellective function);
3. the style of official–documentation, or official style (intellective function);
4. the style of every–day business communication (communicative function);
5. the style of journalism (the function of impact)
6. the style of fiction (the function of impact).

The style of every–day communication is the one that is being used by all of us and all the time in informal, everyday situations. It can be characterised by a large freedom of the choice of words and grammatical structures: an utterance may consist just of a rough minimum of linguistic elements, yet it should be sufficient for a successful communication between people. Scientific style is typically used in corresponding spheres of human activities: conferences, universities, scientific articles and debates, etc. Official style is used in court, in the sphere of diplomatic and business relations. Official letters, notes, agreements are composed in compliance with the rules and standards of the official documentation style. Journalistic style deals with topics related to politics, social life, and public opinion. The style of fiction is the one of literary art, and writers' creative imagination. There is one «but» though, we can only speak about the predominance of a certain style in this or that area of social life; all categorical statements and divisions would have been too presumptuous.

A linguistic function is realised through the choice of particular words, word combinations and syntactic constructions. Thus, for example, scientific style would rest on terms, «water–tight» definitions and logical argumentation. In such texts words are used mostly terminologically and their semantic scope is, naturally, «narrowed». Official style rests on the expression of the general concepts and ideas. Informal, colloquial words and expressions, «slang words» are typical of the every–day communication style.

The above–said however does not mean that the functional styles are always clearly and uncontroversially defined. A very important point to be made here is that in every style there would always be words realising everyone of the three functions, and the boundaries between the functional styles is very often blurred. In connection with this research, it is also important to note that «style–specific» words (meaning those which play the role of «decorators», providing a specific emotional–expressive colouring) would constitute a relatively small percentage of a text's vocabulary.

As for grammar and syntax — the use of certain forms and constructions varies from one functional style to another. For instance, the scientific style would often be characterised by direct word order; official style tends to use more stock phrases and clichйs. However, some characteristic lexical–syntactic features of one stylistic register can be perfectly used in another.

Functional styles differ in the degree of impact and emotionality. Emotional expressiveness is usually unnatural for the scientific style, and is unacceptable in the official style, but quite suitable in fiction and the style of journalism.

To sum up, each functional style has a definite field of usage, special vocabulary and terms, lexical arrangement, syntactic structure, the words of the general language and the main function it fulfils.

Following the principles described above, all texts can be further classed according to a particular genre. Linguist K. Reiss offers her theory of the text stylistics, according to which «there are text–genres (Textsorte)… i.e. a class of verbal texts, with similar structure, variability range and usage in analogous contexts…» (Folia Anglistica, 2000, p. 11). Genre variation of texts reflects the social norm, which defines the choice of linguistic means for the production of texts of this or that genre. Norms and conventions of a genre are very important. Together with stylistically «neutral» words (i.e. those used in all genres) there are other lexical units, the usage of which is limited by specific genre boundaries. In speech these units are invariably associated with a particular genre or otherwise stated, become «genre–specific». For example, scientific texts state universal truths. Therefore, the forms of the Present Tense prevail in such texts. Subjunctive Mood forms, infinitive + modal verb constructions are used more rarely. The verb plays the primary role in the time structure of the scientific text. In terms of lexis scientific texts may

employ a large number of terms. All can be explained by the fact that such kinds of texts are built with the help of the «standard linguistic means», conditioned by the logical and precise nature of these texts. In contrast with the strictly and clearly regulated features of scientific texts, the form of each text in fiction literature is unique, complex, and multifarious. It involves composition, syntax, morphological means (Novikova M., Lebed, O., 1988, p. 24). The genre of a sonnet, for example, requires the observation of strict compositional rules: fourteen lines with the last two rhymed.

The differences between norms and conventions of a genre become especially striking when they cross the boundaries of languages and cultures (Shveitser, A. D., 1988, p. 33). «Along with the genres shared by all writing cultures, there are genres existing only in one culture (Japanese poetry genre khaiku, for example» (ibid, p. 35).

In terms of linguistic variation genres can be «rigid» (or «restricted») and «flexible». In genres with strict, rigid rules «the laws of genre may lead, for instance, to a complete disappearance of the author's individual style» (Novikova M, Lebed. O, 1988, p. 5). The so–called «rigid» genres include:

1) among scientific and official texts: scientific articles and theses, reports, рйсумйс, official letters, scientific experiments studies/analysis/descriptions, patents, and so on;
2) among publicity texts and diplomatic documents: front–page article, application, note, declaration, communiquй;
3) in folklore: fairy–tale, ballad, «nonsense» poetry;
4) in fiction: epigram, parody, «nonsense» poetry, ode, fable, aphorisms, detective story, science fiction (or the insertions of the technical sort of text into the core text), buffoon comedy (or insertions of that kind into the core text of a drama work).

To the «flexible» genres, those that are relatively free from restricting rules, belong:

1) in scientific literature: fragments of discussion articles;
2) in publicity texts: review, letter to the editor, essay, scientific–popular genres;
3) in folklore: song;
4) in fiction: all poetic, drama, and prose genres with the exception of those mentioned above.

Since the texts belonging to one and the same genre are likely to share common features, scholars suggested the notion of the «dominant stylistic feature» (already mentioned by K. Reiss), which is a dominant invariant characteristic of a certain genre, realized in the styles of all other texts of that genre (cf. Lipgart, Andrey, 1996). In other words, it is the «core», the principal features that determine a particular genre. This notion proved to be extremely useful in the sphere of translation. A writer and a translator M. Rylsky says: «…if you translate a poet, who's main power is in rhythm and sounds, it is this main feature you should take care of, consciously sacrificing for its sake the logical train of his thoughts. Contrariwise, while translating a rational, «logical» poet, it is necessary to follow his logical line of expression, ignoring from time to time the rhythmical soundness and melodic effect» (Novikova M., Lebed. O., 1988, p. 13). Thus, by determining the genre–stylistic dominant feature in any original text we would be able to define the stable/unstable, compulsory/non–compulsory features for the translation of the text or for the analysis of a translated text. It would also be possible to determine what changes in the target text can be allowed from the point of view of the genre conformity and what changes may lead to the destruction of the original genre and stylistic whole of the source test. Konurbaev (2018) observes a very often extralinguistic, perceptual nature of genre forming that should be taken into account in the course of a literary translation: «perception networks are broad and various and are often full of intuitive references and guides. Indeed, natural human communication often goes beyond words. The author's intention is often identified between the lines, in the intricate modulations of opinion, faith and attitude, trembling on the sensitive strings of the rough matter of the language».

It appears therefore, that a genre should be considered as a peculiar realisation of a particular functional style and is a relatively stable type of a text, characterised by a particular functional–linguistic orientation, sphere of use, and the choice of compositional, lexical, syntactic, and decorative elements.

References:

1. Akhmanova Olga (1969) Slovar lingvisticheskikh terminov, Moscow.
2. Akhmanova Olga (1972) Linguostylistics: Theory and Method, Moscow.
3. Akhmanova Olga (1978) What is the English we use? Moscow: MGU.
4. Bakhtin M. M. (1979) Problemy poetiki Dostoevskogo, Moscow, «Sovetskaya Rossiya».
5. Bakhtin M. M. (1979, 1) Estetika slovesnogo tvorchestva (The Aesthetics of Verbal Art), Moscow.
6. Chernets L. (1982) Literaturnye zhanry, Moscow, MUP.
7. Encyclopaedic Dictionary of English Usage, Prentice–Hall, Inc., Englewood Cliffs, N.J., 1974.
8. Flyagina Yulia (2000) Literary sequel as a subject of linguopoetic study, PhD thesis, Moscow, Moscow State University.
9. Folia Anglistica 2000: autumn 2000 series: Theory and Practice of Translation (articles by D. Shveitser, V. Zadornova, M. Konurbayev, A. Lipgart), Moscow.
10. Konurbaev Marklen E. (2015) The Style and Timbre of English Speech and Literature, 1st ed. (Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan).
11. Konurbaev Marklen E. (2018) Ontology and Phenomenology of Speech: An Existential Theory of Speech. Palgrave Macmillan; 1st ed.
12. Kozhina M. N. (1966) O spetsifike khudozhestvennoi I nauchnoi rechi v aspekte funktsionalnoi stilistiki, Perm.
13. Lipgart, Andrey. (1996) Linguopoetic study of imaginative writing: theory and practice. PhD, Moscow, Moscow State University.
14. Novikova M., Lebed O. (1988) The Style of the Author and the Style of the Translation Kiev.
15. Pearson N. H. (1965) Literary Forms and Types or a Defense of Polonius in English Institute Annual, 1940. Reprinted: N.Y., vol. 1.
16. Shveitser A. D. (1988) The Theory of Translation. Status, Problems, Aspects, Moscow, Nauka.
17. Stephen Pax Leonard (2021) Experiencing speech: Insights from indigenous ideologies of language in International Journal of Language Studies, Volume 15, Number 1, January 2021, pp. 1–26.
18. Teoria literatury (1964). Osnovnyje problems v storicheskom osveschenii. Rody I zhanry literatury, Moscow.
19. Timofeev L. I. (1974) Slovar literaturovedcheskikh terminov, Moscow.
20. Troitsky V. (1964) Stylization in Slovo I Obraz, Moscow.
21. Tynyanov Yu. N. (1977) Poetics, History of literature. Movie, Moscow, «Nauka».
22. Verbitskaya Maria (1980) Filologicheskie osnovy parodii и parodirovania, PhD, Moscow, Moscow State University.
23. Vinogradov Victor, (1963) Stilistika. Teoria poeticheskoi rechi. Poetica, Moscow.
24. Yartseva V. (1990) Linguistichski entsikopedichesky slovar, Moscow, Sovetskaya entsiklopedia.
25. Yefimov A. I. (1961) Stilistika khudozhestvennoi rechi, Moscow.

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ/ CULTURE & CIVILIZATION

УДК 17
DOI: 10.24412/2413-693X-2021-3-150-155

Современная информационная этика и проблемы виртуальной коммуникации

КУРБАКОВА Дарья Олеговна, студентка первого курса,
kurbakova111@mail.ru
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Аннотация. В статье исследованы вопросы, связанные с формированием науки информационной этики и её влиянием на развитие современного общества. Выделены основные проблемы, возникающие в информационной среде при общении пользователей. Особое внимание уделено проблеме недостаточно развитого регулирования поведения пользователей сети. Проанализированы факторы, порождающие данную проблему, а именно: 1) социально–психологические факторы, 2) ценностно–ориентировочные, 3) технические. Раскрывается содержание понятия киберэтика, информационная среда и информационная культура. Рассматриваются два основных подхода к изучению проблем информационной культуры — культурологический и информационный. В статье акцентируется внимание на основных морально–этических нарушениях, допускаемых пользователями интернета, и предлагается ряд этических требований к поведению пользователей интернета.

Ключевые слова: информационная этика, информационная культура, виртуальная коммуникация.

Для цитирования: Курбакова Д. О. Современная информационная этика и проблемы виртуальной коммуникации // Сервис Plus. — 2021. — Т. 15. — № 3. — С. 150–155. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–150–155
Статья поступила в редакцию: 11.05.2021.
Статья принята к публикации: 11.06.2021.

Modern information ethics and problems of virtual communication

Darya O. KURBAKOVA, first–year student,
kurbakova111@mail.ru
Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Annotation. The article deals with the issues related to the formation of the science of information ethics and its influence on the development of modern society. The author identifies the main problems, which arise in the information environment in the process of users' communication. Special attention is paid to the problem of insufficiently developed regulation of the network users' behavior. The author analyzes factors generating this problem: 1) socio–psychological factors, 2) value — oriented, 3) technical. The author reveals the meaning of the concept of cyberethics, information environment and information culture. The author considers two main approaches to the study of the problems of information culture, namely — culturological and informational approaches. The article focuses on the main moral and ethical violations committed by Internet users. The author suggests a number of ethical requirements for the behavior of Internet users.

Keywords: information ethics, information culture, virtual communication.

For citation: Kurbakova D. O. (2021). Modern information ethics and problems of virtual communication. Service plus, 15 (3), 150–155. DOI: 10.24412/2413–693X–2021–3–150–155 (In Russ.).

Submitted: 2021/05/11.

Accepted: 2021/06/11.

Сегодня современное государство представляет собой развивающееся информационное общество, где главной ценностью обладает информация, которая в свою очередь является своего рода фундаментом получения новых знаний. Огромные объёмы информации, поступающей ежедневно в открытый доступ пользователям интернета, помимо своего положительного влияния, несут также деструктивную функцию, которая заключается в образовавшейся проблеме регулирования поступления различного рода информации в массы.

С одной стороны, технический прогресс по своему определению является результатом модернизации современного общества, но с другой стороны, он оказывает подавляющее воздействие на развитие духовно–нравственных ценностей личности.

Поэтому возникает необходимость обеспечения безопасности информационного пространства. Двойственность данной необходимости заключается в том, что с одной стороны безопасность информационной среды обеспечивает правовая сторона, которая выражается в принятии законодателем нормативно–правовых актов, базовым из которых является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149–ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Здесь не возникает сомнений в защищённости информации и в неотвратимости ответственности, которую понесут правонарушители. С другой стороны, здесь также важен и этический аспект вопроса, а именно информационная этика, которая выступает средством достижения сбалансированных отношений человека и техники [1]. Данная проблема повышает роль этики как науки в жизни современного общества. Говоря об информационной этике, довольно важно обозначить примыкающее к ней понятие информационной культуры, которая фактически поможет защитить пользователей от негативного влияния интернета. Л. А. Илюхина рассматривает понятие информационной культуры как «определённый свод правил поведения в инфокоммуникационной среде, в рамках общечеловеческой культуры» [2]. В своём исследовании Горелова Е. В. говорит о двух основных подходах к изучению проблем информационной культуры — культурологическом и информационном. Говоря о культурологическом подходе, автор рассматривает информационную культуру как «способ жизнедеятельности человека в информационном обществе». Иными словами, информационная культура здесь предстаёт как необходимое условие для реализации запросов пользователей сети, без которого невозможно удовлетворить свои потребности в интернете. Под информационным подходом

Е. В. Горелова понимает вопросы информационно-технического характера, т. е. непосредственное взаимодействие человека с техническим оборудованием, умение пользоваться интернет-источниками, навыки поиска необходимой информации [3]. Необходимо добавить, что развитие техники зачастую негативно сказывается на развитии нравственной личности, что выступает основанием развития информационной этики [4].

Таким образом, помимо повышения роли в жизни классической этики как науки, также своё развитие получает и довольно современная отрасль этики — киберэтика. Т. Ю. Павельева в своих исследованиях даёт следующее определение данному понятию: «современное направление прикладной этики, изучающее деятельность субъектов общественных отношений, использующих компьютер, иные элементы современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые являются атрибутивными признаками постиндустриального, информационного общества» [5].

Киберэтика регулирует поведение пользователей в сети и в процессе этого действия решает различные возникающие проблемы, такие как: 1) проблема формирования гуманной личности, 2) проблема регулирования поведения пользователей сети, 3) проблема формирования информационной культуры, 4) разработка основных принципов деятельности пользователей социальных сетей и другие.

Каждая из вышеперечисленных проблем требует отдельного глубокого изучения. В своём исследовании мы рассматриваем проблему недостаточно развитого регулирования поведения пользователей сети. Данная проблема связана с рядом факторов, которые можно условно разделить на несколько категорий: 1) социально-психологические факторы, 2) ценностно-ориентировочные, 3) технические.

Говоря о социально-психологических факторах, стоит сказать, что в виртуальном общении, так же, как и в живом общении, существуют различные категории общества со своими особенностями, от которых будет напрямую зависеть манера общения в интернете. Как пишет Е. Н. Богданов: «…отношения строятся не на основе симпатий или антипатий, а на основе определённого положения, занимаемого каждым в системе общества» [6]. Социальная дифференциация, основывающаяся на уровне дохода, на уровне образования, на личном отношении пользователя интернета к той или иной категории граждан, будет влиять на форму общения в сети.

Ценностно-ориентировочные факторы прежде всего представляют собой систему ценностей отдельной личности как предпосылку определённого способа общения. Как пишет Биби Стивен А.: «Некоторые коммуникатологи (на которых часто ссылаются) указывают на взаимосвязь между поведением в человеческой коммуникации и морально-этическими стандартами» [7]. Л. В. Сурженко в своих исследованиях говорит о различных подходах к определению ценностей личности. В качестве одного из подходов она выделяет социологическую концепцию ценностей, сущность которой заключается в наличии определённых норм, имеющих значимость для субъекта социальных отношений [8].

Технические факторы, влияющие на регулирование поведения пользователей сети, касаются непосредственно вопросов технического обеспечения, современности используемых информационных технологий в той или иной информационной среде общения. В данном вопросе существует прямая зависимость между техникой и процессом регулирования поведения людей — чем современнее подход применения информационных технологий, тем эффективнее осуществляется контролирование поведения пользователей интернета [9].

Для того чтобы говорить о возникновении этических проблем, будет логично обозначить среду их происхождения — информационно-коммуникативную. В своих исследованиях Д. А. Фурсова предлагает определение понятию информационно-коммуникативной среды и рассматривает его как «синтез онлайн- и офлайн-сред, в котором основообразующим «веществом» можно считать информацию». Информационно-коммуникативная среда существует в различных формах, например, к ней можно отнести форумы в интернете, многообразные приложения для проведения конференций с возможностью выходить в онлайн-трансляции, социальные сети [10].

Если обратиться к социальным сетям, то здесь необходимо сделать акцент на таком факторе, как саморегулирование поведения пользователей. Иными словами, каждый пользователь имеет возможность обратить внимание администрации социальной сети на тот или иной пост, воспользовавшись функцией «пожаловаться». Но возникает некоторое затруднение в дальнейшем алгоритме действий, поскольку

для отправления жалобы пользователю необходимо определить категорию информационного правового или этического нарушения. В связи с недобросовестностью или неграмотностью некоторых пользователей интернета, отправляется большое количество жалоб, не отвечающих заявленному содержанию. Подобное явление затрудняет процесс обнаружения и пресечения нарушений информационного этикета, а также правонарушений.

Как известно, одним из ключевых отличий общения в сети от «живого» общения является то, что у каждого пользователя есть возможность создать анонимный аккаунт и не использовать свои реальные паспортные данные. На первый взгляд, этот фактор не несёт в себе вредоносного воздействия, а наоборот, может, как вариант, служить развитию творческого потенциала личности. Но также общение в информационном пространстве, обусловленное анонимностью, у определённых пользователей вызывает желание нарушить существующие моральные устои [11]. Двойственность данной проблемы заключается в том, что, с одной стороны, человек в данной ситуации будет нести разрушающее влияние в отношении нравственной среды в интернете, с другой стороны, нередки случаи деанонимизации личностей, поддавшихся искушению вести себя аморально, а иногда и противоправно. Таким образом, информационное общение как создаёт проблему потенциального аморального поведения, преступности, так и предотвращает её дальнейшее развитие путём обнаружения подобных акций на раннем этапе.

Говоря о функциях информационной этики, мы считаем, что они аналогичны функциям классической этики, т. е. к функциям информационной этики традиционно можно отнести регулятивную, ценностно-ориентирующую, гносеологическую, воспитательную, оценочную, мотивационную, коммуникативную и другие функции. Но главным отличием функций информационной этики от функций классической этики будет выступать среда её использования, а именно — информационное пространство, которое, в свою очередь, будет изменять формы проявления нарушений этических требований [12].

Таким образом, как и было оговорено нами выше, нарушение этических норм в большинстве случаев происходит в процессе коммуникации. Сегодня, в век информационных технологий, перед нами открываются большие возможности общения в интернете — создано множество приложений и программ, используемых нами ежедневно с целью передачи различной информации.

Мы выявили комплекс основных, на наш взгляд, морально-этических нарушений, допускаемых пользователями интернета: 1) небрежно составленное сообщение или комментарий; 2) использование ненормативной лексики в комментариях и публикациях; 3) оскорбление авторов публикации; 4) скрытая дискриминация, выраженная в пренебрежительном тоне комментария, на основании этнической, религиозной, социальной неприязни; 5) распространение пользователями сети спама в виде одного и того же информационного посыла в комментариях, не несущего рекламу.

Таким образом, всё вышеперечисленное ещё раз подтверждает особую важность регулирования поведенческого компонента в процессе использования электронных средств общения.

Мы считаем необходимым вывести общение в информационной среде на новый цивилизованный уровень, который бы соответствовал развитости государства, поэтому хотим предложить ряд этических требований к поведению пользователей интернета: 1) каждый пользователь интернета должен уважать права и свободы других пользователей; 2) необходимо осознавать личную ответственность перед другими пользователями интернета за информацию, которую он распространяет в сети; 3) любое информационное сообщение пользователя должно быть основано на базовых нравственных началах; 4) пользователь интернета должен быть сдержан в эмоциях и не использовать ненормативную лексику в своей речи; 5) оформление личного аккаунта пользователя сети не должно выглядеть оскорбительным по отношению к другим пользователям или содержать элементы, которые могли бы вызвать неприязнь у других пользователей; 6) необходимо оказывать уважение к мнению авторов публикаций или комментаторов.

На основании вышеизложенного можно сказать, что информационная этика на сегодняшний день представляет особый интерес для изучения, поскольку является развивающейся наукой и предлагает решения актуальных проблем в жизни современного общества.

Список использованной литературы:

1. Смеюха В. В. Поведение аудитории в социальных сетях: этический аспект // Социально–гуманитарные знания. — 2019. — № 8. — С. 84–93.
2. Илюхина Л. А. Теоретические подходы к информационной социализации личности// Образование и развитие личности в современном коммуникативном пространстве: Материалы Всероссийской научно–практической конференции с международным участием. — 2016. — С. 36–43.
3. Горелова Е. В. Информационная культура и ее роль в формировании личности: Дис. канд. культурологии. — М., 2008. — 135 с.
4. Филина О. А. Проблемы современной информационной этики: Дис. канд. фил. наук. — М., 2009. — 153 с.
5. Павельева Т. Ю. Информационная культура: понятие, содержание // Социально–политические науки. — 2018. — № 5. — С. 76–79.
6. Богданов Е. Н. Психология и педагогика. — 2002. — 584 с.
7. Биби Стивен А. Коммуникация и ценности // Вестник РГГУ Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2007. — № 1. — С. 11–32.
8. Сурженко Л. В. Ценности личности: философский и психологический анализ понятия // Политематический электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2011. — № 65. — С. 55–61.
9. Дубинин С. Н. Закономерности психологии общения между людьми // Вестник Самарского государственного университета. — 2008. — № 66. — С. 34–41.
10. Фурсова Д. А. К проблеме определения понятия «информационно–коммуникативная среда» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2020. — № 2. — С. 163–168.
11. Овчинникова Е. А., Сергеев А. С. Этические проблемы информационного пространства // Вестник Санкт–Петербургского университета. Политология. Международные отношения. — 2011. — № 2. — С. 38–43.
12. Галинская И. Л. Компьютерная этика, информационная этика, киберэтика // Россия и современный мир. — 2001. — № 2. — С. 73–88.

References

1. Smeyukha V. V. (2019). The behavior of the audience in social networks: an ethical aspect. Socialno–gumanitarnye znaniya [Social–humanitarian knowledge], 8. P. 84–93. (In Russ.).
2. Ilyukhina L. A. (2016). Theoretical approaches to the understanding of the phenomenon of information socialization. Obrazovanie i razvitie lichnosti v sovremennom kommunikativnom prostranstve: Materialy Vserossijskoj nauchno–prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Education and personal development in the modern communal space: a material All–Russian scientific and practical conference with international participation]. P. 36–43. (In Russ.).
3. Gorelova E. V. (2008). Information culture and its role in the formation of personality: candidate of cultural studies thesis. Moscow. 135 p. (In Russ.).
4. Filina O. A. (2009). Problems of modern information ethics: candidate of philology thesis. Moscow. 153 p. (In Russ.).
5. Pavelieva T. Y. (2018). Information culture: its concept and contents. Socialno–politicheskie nauki [Socio–political sciences], 5. P. 76–79. (In Russ.).
6. Bogdanov E. N. (2002). Psychology and pedagogy. — 584 p. (In Russ.).
7. Beebe S. (2007). Communication and values. Vestnik RGGU Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. [Bulletin of the RSUH Series: Political Science. History. International relations], 1. P. 11–32. (In Russ.).
8. Surzhenko L. V. (2011). Personal values: a philosophical and psychological analysis of the concept. Politematicheskij elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University], 65. P. 55–61. (In Russ.).

9. Dubinin S. N. (2008). Patterns of psychology of communication between people. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Samara State University], 66. P. 34–41. (In Russ.).
10. Fursova D. A. (2002). Towards the problem of the definiton «information and communication environment». Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv [The bulletin of moscow state university of culture and art], 2. P. 163–168. (In Russ.).
11. Ovchinnikova E. A., Sergeev A. S. (2011). Ethical issues of information space. Vestnik Sankt–Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations], 2. P. 38–43. (In Russ.).
12. Galinskaya I. L. (2001). Computer ethics, information ethics, cyberethics. Rossiya i sovremennyj mir [Russia and the modern world], 2. P. 73–88. (In Russ.).